This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 640:

~~1525.~~

~~97.~~

129.

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

B 640

~~1525.~~

~~97.~~

129.

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

ЯКОВА КНЯЖНИНА.

Książnin, IA. Z.

ТОМЪ V.

Изданіе третіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Типографіи Ивана Глазунова.
1818 года.

PG 3315
K5
1817
V. 5

Новымъ изданіемъ печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Ноября 3 дня 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТАНСЫ КЪ БОГУ.

Источникъ жизни! благъ Податель!
Къ Тебѣ, о Боже! вопію;
И предъ Тобою, мой Создатель!
Мою всю душу пролію.

Премудрости наполни свѣтомъ
Мою къ Тебѣ парящу мысль!
Имущаго Тебя предметомъ
Меня къ Своимъ рабамъ причисль.

Къ рабамъ?... рабовъ Ты не имѣешь:
Отецъ Тебя любящихъ чадъ;
Ты благостью одной владѣешь,
И власть Твоя полна отрадъ.

Вотще Тебя себѣ подобнымъ
Содѣлать смертные хотятъ,
Суровымъ, грознымъ, гордымъ, злобнымъ,
Съ собою ставя Бога въ рядъ.

Не вѣрю я сердцамъ симъ дикимъ,
Которы лютостью одной
Тебя являя намъ Великимъ,
Не Твой намъ кажутъ образъ, свой.

Всякъ часъ Ты ложь ихъ обличаешь
Пучиною Твоихъ щедротъ,
И милостью опровергаешь
Угрюмыхъ мудрецовъ доводъ.

Ты кротко солнцу рекъ: „навѣки,
„Блистая, провѣщай Творца;
„Да зрятъ всечасно человѣки
„Меня въ щедротѣ безъ конца.„

Всякъ день то солнце повторяетъ,
Сей благости Твоей залогъ,
И вся природа намъ являетъ,
Что Богъ не можетъ быть не Богъ.

Лишь только мы неблагодарны,
Не чувствуя Твоихъ щедротъ,
То слабы, то высокопарны,
Крушимъ страстями свой животъ.

Ты смертнымъ даровавъ свободу,
Къ блаженству тьму путей открылъ;
Однимъ веселіемъ природу
Своей Ты власти покорилъ.

А если иногда печали
Даютъ вкушать намъ горькій ядъ,
Не виненъ Ты, что мы создали
Себѣ изъ рая страшный адъ.

Не Ты виновенъ, что мы люди
Желая всѣ богами быть,
Вздымая гордо наши груди,
Себя дерзнули позабыть.

Тобой створенны наслаждаться,
Превыше мы себя летимъ,
И мудростью съ Тобой равняться
Въ своемъ безумствіи хотимъ.

Чувствительность! о даръ божественъ!
Ты насъ прямѣй ведешь къ концу;
И крылъ твоихъ полетъ торжественъ
Возноситъ сердце ко Творцу.

Творецъ! Тебя понять не тщуся,
Всѣмъ сердцемъ какъ отца люблю;
Кто Ты, о томъ я не крушуся,
Съ восторгомъ чувствуя Тебя.

Ты былъ, Ты есь, Ты вѣчно будешь:
То небо и земля твердятъ;
Я есмь, меня не позабудешь:
Мои всѣ чувства то гласятъ.

СТАНСЫ НА СМЕРТЬ.

О смерть! предѣлъ неизбѣжимый!
Ты всѣхъ преобращая въ прахъ,
Зовешь предъ судъ необходимый,
Давать отчеты въ ихъ дѣлахъ.

Тебя повсюду мы срѣтаемъ,
Тебя нигдѣ мы не уйдемъ!
Всѣмъ вѣстна ты: но мы не знаемъ,
Когда и какъ, и гдѣ умремъ.

Тебя щастливецъ отдаляетъ,
Что смертенъ, забывая то,
Себя до облакъ возвышаетъ.
Приходишь ты — и онъ ничто!

Взгляни нещастный сколько страждетъ,
Съ какимъ восторгомъ ждетъ тебя:
Прихода твоего онъ жаждетъ
И тѣмъ лишъ веселитъ себя.

Ты смертнымъ страждущимъ отрада,
Надежда къ вѣчности, покой;
За слезы ты одна награда,
Нещастный, щастливъ лишь тобой.

Но ты свой зракъ отъ тѣхъ скрываешь,
Которымъ ненавистенъ свѣтъ;
Тогожъ напротивъ поражаешь,
Незапно, кто тебя не ждетъ.

МѢЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

СМѢСЬ.

О Д А.

УТРО.

Небесъ лазори помраченны
Румянитъ тихая заря:
Огнемъ и свѣтомъ насыщенны
Кони вывозятъ дней царя.
Блѣднѣютъ ночи кровы темны;
Морфей во пропасти подземны
Уноситъ грѣзы и мечты;
Главу его вѣнчаютъ маки,
Ему въ слѣдъ идутъ сны и мраки
И наступаютъ суеты.

Орелъ, любимецъ гордый грома,
Свой къ небу правитъ быстръ полетъ;
Онъ кажется достигнетъ дома,
Ошколь изходитъ солнца свѣтъ.
На нивахъ перепелъ стенящій,
На сучьяхъ соловей гремящій
Супругъ своихъ къ себѣ зовутъ:
Восходомъ солнца восхищенны,
Цвѣты и травы оживленны
Пріятну утра росу пьютъ.

Пастухъ подъятъ съ одра зарею,
Младой пастушки во очахъ
Зря ясно, какъ любимъ онъ ею,
Чтобъ ноже видѣть на лугахъ,
Спѣшитъ отъ ней... она вздыхаетъ,
На волю вѣтрамъ распускаетъ

Нѣжнѣйши мягка льна власы.
Зефиры оными играютъ,
То прячутъ, то опять являютъ
Сокровища ея красы.

Натура въ ризѣ испещренной,
Любяща нѣжну простоту,
Съ ея красой не ухищренной
Свою мѣшаетъ красоту.
Въ лугахъ цвѣтущихъ близко стада
Пастушку ждетъ ея ограда;
Съ журчаньемъ чистаго ручья
Пастухъ свой голосъ съединяетъ,
Цвѣтовъ вѣнками украшаетъ
Въ ней прелесть жизни своея.

Среди кустовъ, въ тѣни зеленой
Любовь утѣхамъ ставитъ тронъ,
Отъ естества неудаленной
Имъ пишетъ щастіе законъ.
Всегда желанія ихъ съ ними,
Довольны участьми своими
И только щастливы собой,
Собой вселенну замѣняютъ,
Того блаженствомъ не считаютъ,
Чего имъ не дано судьбой.

Къ водамъ и чистымъ и прозрачнымъ
На брегъ усыпанный пескомъ,
Къ ловитвамъ тамо рыбъ удачнымъ
Идетъ надежда съ рыбакомъ.
Зефиромъ зыблемая уда
Манитъ рыбъ жадныхъ отовсюда;
И тягость ощутивъ рука,
Веселъемъ душу восхищаетъ;
Дрожанью уды отвѣчаетъ
Дрожанье сердца рыбака.

Почтенъ питатель смертныхъ рода
Ко желтымъ пажитямъ спѣшитъ;
Чтя трудъ его сама природа,
Согбенны класы золотитъ.
Онъ смертнымъ жизнь съ полей сбираетъ
И униженье презираетъ,
Чѣмъ пышность гордая претитъ
Его полезнѣйшей заботѣ;
Въ священной рукъ его работѣ
Блаженство міра состоитъ.

Какъ солнце изъ за горъ выходитъ
Вамъ, пастыри, сіятъ съ небесъ,
Въ селеньяхъ вашихъ не находитъ
Ни страшныхъ горестей, ни слезъ.
Межъ вами игры лишь и смѣхи
И самы чистыя утѣхи;
Всякъ часъ свирѣлей слышанъ гласъ
И видны Грацій нѣжны пляски;
Пріятства ваши всѣ безъ маски,
Натура гонитъ лесть отъ васъ.

Но ахъ! въ обитель позлащенну,
Гдѣ пагубъ намъ течетъ рѣка,
Природу гдѣ уничиженну
Терзаетъ гордости рука,
И гдѣ величіе уныло
Сшенетъ, само себѣ постыло,
Выводитъ скорбный день заря:
Тамъ пѣній радостныхъ не слышно,
Съ одра златаго роскошь пышно
Встаетъ, въ полудни утро зря.

Лучами свѣта устрашенный
Скупой блѣднѣетъ на одрѣ,
Съ покоемъ страхомъ разлученный
Спѣшитъ искать души въ сребрѣ.

Страшась сокровищъ похищенья,
Страшится собственна движенья.
Заклепы твердые открывъ,
Свое онъ злато видитъ цѣло;
Но время смерти ужъ приспѣло,
Все тратитъ, ставъ неволей чивъ.

Рабъ щастья выю уклоняетъ
Предъ олтаремъ, гдѣ истуканъ
Чеслей подъ игомъ воздыхаетъ,
Своимъ величіемъ попранъ.
Онъ въ низостяхъ такъ твердъ, какъ камень;
Онъ жадности сердечной пламень
Завѣсой тщася льсти сакрыть,
Явитъ въ досадѣ смертной радость...
Нещастный! вся его въ томъ сладость,
Что только хочетъ щастливъ быть.

Зразъ своихъ увялость видя,
Жена привыкшая прельщать,
Дневнаго свѣта ненавидя,
Не можетъ горести вмѣщать.
Бодритъ свое уныло чувство;
Рукою хитрости искуство
Ей пишетъ на лицѣ красы;
Безчиньемъ взоръ ея пылаетъ
И юношество привлекаетъ
Губить дражайшіе часы.

Въ сѣни священна правды храма
Какая скорпія ползетъ?
Вѣсовъ изъ чаши полной срама
Она невинныхъ слезы пьетъ;
Законовъ въ кривизнахъ віяся,
Сія змія шипя, клубяся,
Всѣмъ очи пестротой мрачитъ.
То лакомство, взявъ правды виды,

Воззримъ на гордаго вельможу,
Корысть его одинъ предметъ;
Онъ мыслитъ, тьмы богатствъ умножу!
Какъ будтобъ жить мильоны лѣтъ.

На высоту взлетѣть стремится,
Дабы пятою всѣхъ попрать;
Предъ нимъ сама фортуна льстится
Свое колѣно преклонять.

Но смерть, которая все сражаетъ,
Приходитъ наконецъ къ нему;
Она всю гордость повергаетъ
Съ высотъ блестящихъ въ бездны тьму.

Ты свой блаженный вѣкъ кончаешь,
Изчезло имя вдругъ твое;
Богатство, знатность оставляешь,
Преображенъ въ небытіе.

Увидьте воина паряща
На полѣ ратное съ мечемъ,
Достигнуть славы громкой льстяща,
Не зритъ препоны онъ ни въ чемъ.

Какъ злобный тигръ ожесточился,
Герой сей на враговъ своихъ;
Но мечъ въ крови лишь обагрился
И смерть въ мѣстахъ явилась сихъ.

Віяся надъ его главою,
Твердитъ ему, что кратокъ вѣкъ,
Въ десницѣ съ острою косою
Твердитъ, что онъ есть человѣкъ.

Но гласу онъ сему не внемлетъ,
Вся мысль его, враговъ разить,
Онъ жаднымъ окомъ все объемлетъ,
И все желаетъ поглотить.

Враговъ разитъ онъ безъ пощады,
Надежда веселитъ его,
Суля за тьмы побѣдъ награды,
Достигъ блаженства онъ сего.

Ужъ врагъ стремглавъ во бѣгъ стремится,
Прося спасенья, благъ Творца;
Душа въ героѣ веселится,
Отъ славы ждетъ себѣ вѣнца.

Но выстрѣлъ смерть предвозвѣщаетъ,
Се лютый грозный часъ пришекъ.
Огонь блеснулъ! — онъ жизнь кончаетъ
И лавръ его увялъ навѣкъ!

Все кончилось въ одно мгновенье,
Что вѣкомъ ты пріобрѣталъ;
Исполнилось судебъ велѣнье,
Ты былъ великъ — ничто вдругъ сталъ.

Мудрецъ въ трудахъ свой вѣкъ проводитъ,
Безсмертье алчетъ заслужить:
Онъ благо міра въ томъ находитъ,
Чтобы въ сердцахъ потомковъ жить.

Спокойствіемъ не наслаждаясь,
Ведетъ въ терзаньяхъ каждый день.
Не зритъ, что къ гробу приближаясь,
Вдругъ изчезаетъ такъ какъ тѣнь.

Что жъ въ славѣ той, которa льстила!
Хотя ее ты пріобрѣлъ. . . .
Но смерть дверь въ вѣчность отворила;
Ты былъ. . . . И вдругъ во гробъ снизшелъ.

Уже того не ощущаешь,
Что имя здѣсь твое гремитъ.
Ты въ мрачномъ гробѣ изтлѣваешь,
И славы блескъ тебя не льститъ.

Всѣ мы водимы суетою,
Въ шерзаньяхъ крашку жизнь ведемъ;
И лестною плѣнясь мечтою,
Прямаго щастья не найдемъ.

Иной корыстью обольщенный,
Плыветъ въ пространный Океанъ;
Надеждой сладкой упоенный,
Онъ мнитъ достигъ дальнѣйшихъ странъ.

Сокровищъ Крезовыхъ алкая,
Въ нихъ зритъ все щастье, и покровъ;
Себѣ ни какъ не представляя,
Что гибнетъ онъ въ виду береговъ.

Корабль межъ бурныхъ волнъ несомый,
Къ спасенію лишась пушей!
Къ хребтамъ кремнистымъ, бывъ влекомый
Срѣшаетъ тысящу смершей!

Со трескомъ мачты вихрь ломаетъ,
Моря примкнулись къ небесамъ.
Ночь мрачну молнья освѣщаетъ,
Являя ужасъ лишь очамъ.

Корабль какъ быстръ орелъ несется,
Срывая пѣну съ грозныхъ водъ;
Въ немъ вопль повсюду раздается,
Отчаянъ весь тамъ смертныхъ родъ.

Тамъ сынъ родителя объемлетъ,
Съ нимъ купно хочетъ умирать;
Со плачемъ мать дитя пріемлетъ,
Дабы въ послѣдній разъ лобзать.

Съ супругой нѣжной мужъ прощаясь,
Не въ силахъ скорбь изобразить,
Гласитъ: тебя навѣкъ лишаясь,
„Иду — чтобъ тамъ тебя любить.

Страшась сокровищъ похищенья,
Страшится собственна движенья.
Заклепы твердые открывъ,
Свое онъ злато видитъ цѣло;
Но время смерти ужъ приспѣло,
Все тратитъ, ставъ неволей чивъ.

Рабъ щастья выю уклоняетъ
Предъ олтаремъ, гдѣ истуканъ
Честей подъ игомъ воздыхаетъ,
Своимъ величіемъ попранъ.
Онъ въ низостяхъ такъ твердъ, какъ камень;
Онъ жадности сердечной пламень
Завѣсой тщася льсти сакрыть,
Явитъ въ досадѣ смертной радость...
Нещастный! вся его въ томъ сладость,
Что только хочетъ щастливъ быть.

Заразъ своихъ увялость видя,
Жена привыкшая прельщать,
Дневнаго свѣта ненавидя,
Не можетъ горести вмѣщать.
Бодритъ свое уныло чувство;
Рукою хитрости искусство
Ей пишетъ на лицѣ красы;
Безчиньемъ взоръ ея пылаетъ
И юношество привлекаетъ
Губить дражайшіе часы.

Въ сѣни священна правды храма
Какая скорпія ползетъ?
Вѣсовъ изъ чаши полной срама
Она невинныхъ слезы пьетъ;
Законовъ въ кривизнахъ віяся,
Сія змія шипя, клубяся,
Всѣмъ очи пестротой мрачитъ.
То лакомство, взявъ правды виды,

Воззримъ на гордаго вельможу,
Корысть его одинъ предметъ;
Онъ мыслитъ, тьмы богатствъ умножу!
Какъ будтобъ жить мильоны лѣтъ.

На высоту взлетѣть стремится,
Дабы пятою всѣхъ попрать;
Предъ нимъ сама фортуна льстится
Свое колѣно преклонять.

Но смерть, которa все сражаетъ,
Приходитъ наконецъ къ нему;
Она всю гордость повергаетъ
Съ высотъ блестящихъ въ бездны тьму.

Ты свой блаженный вѣкъ кончаешь,
Изчезло имя вдругъ твое;
Богатство, знатность оставляешь,
Преображенъ въ небытіе.

Увидьте воина паряща
На полѣ ратное съ мечемъ,
Достигнуть славы громкой льстяща,
Не зритъ препоны онъ ни въ чемъ.

Какъ злобный тигръ ожесточился,
Герой сей на враговъ своихъ;
Но мечъ въ крови лишь обагрился
И смерть въ мѣстахъ явилась сихъ.

Віяся надъ его главою,
Твердитъ ему, что кратокъ вѣкъ,
Въ десницѣ съ острою косою
Твердитъ, что онъ есть человѣкъ.

Но гласу онъ сему не внемлетъ,
Вся мысль его, враговъ разить,
Онъ жаднымъ окомъ все объемлетъ,
И все желаетъ поглотить.

Скупой на глыбы златъ взирая,
Трепещетъ, мучится, стенетъ;
Корысть имъ алчна обладая,
Его на части душу рветъ.

Межъ тѣмъ уже въ корабль вшекаетъ
Вода; и съ нею смерть течетъ,
Она кормиломъ управляетъ,
На дно пучинъ его влечетъ.

Всѣхъ помощей уже лишился,
Предметъ разгнѣванныхъ небесъ,
Мелькнулъ межъ волнъ и вдругъ сокрылся,
Сокрылся, и навѣкъ изчезъ! —

Вотъ какъ въ напасть себя ввергаемъ,
Щастливыми ласкаясь быть,
О смерти мы не размышляемъ,
Лишь призракъ чтимся захватить.

Судьбой своей не бывъ довольны,
Блаженство льзя ли намъ вкушать!
Въ своихъ желаньяхъ своевольны,
Мы алчемъ все себѣ прибрать.

О смерть! ты міръ весь обтекаешь,
Вездѣ родишь плачевный стонъ!
Ты жизнь мгновенно омнимаешь!
Она уйдетъ какъ краткій сонъ.

Сей сонъ, мгновенна скоротечность,
Предъ вѣчностію — жизнь ничто.
Смерть насъ предводитъ въ безконечность,
Отъ ней не скроется никто.

Друзья! вы смерть не забывайте,
Она всеобщій нашъ удѣлъ.
Лишь правость духа сохраняйте,
И всякъ страшися злобныхъ дѣлъ.

Во имя праздныя Ѳемиды
Кривыми толками звучитъ.

Для должности и славы мертвы
Какія тѣни тамъ сидятъ?
Своей прегнусной страсти жертвы
Въ порочномъ бдѣньи дни губятъ.
Форшуна въ выборахъ слѣпая,
Бумагой ихъ судьбу бросая,
Изъ нихъ невиннѣйшихъ разитъ;
Игрою скрывъ щедроты льстивы,
Какъ Сфинксъ опустошавшій Ѳивы
Гаданьемъ къ гибели манитъ.

Во ономъ сонмѣ смертныхъ блѣдныхъ
Друзей ведущихъ вѣчну прю,
Себѣ и обществу зловредныхъ
Какихъ страшилищей я зрю?
Отчаяніе тамъ скрежещетъ
И ярость пылки взоры мещетъ,
Нѣтъ жалости и чести нѣтъ;
Корысть и алчность ими правитъ,
Коварство люты сѣти ставитъ
И златомъ къ бѣдности влечетъ.

Скрывая пропасти цвѣтами,
Се како смертные текутъ
Къ погибели, копору сами
Себѣ въ безуміи плетутъ!
Сребро имъ очи ослѣпляетъ,
Ихъ гордость въ узы уловляетъ;
Невольники своихъ страстей
Одну тѣнь щастія хватаютъ,
О камень ногу претыкаютъ,
Сврашясь невинности съ пушей.

Блаженъ, кто самъ собой владѣя,
Въ срединѣ шума бурь мірскихъ
Пристанище въ себѣ имѣя,
Возможетъ, презирая ихъ,
Чуждаться пороковъ лести.
Всѣ міра пышны знаки чести.
Въ очахъ премудрости прямой
Прельщеніе умовъ незрѣлыхъ,
Игра младенцевъ престарѣлыхъ,
Отрада сладости одной.

ВЕЧЕРЪ.

Заря багряна потухаетъ,
И сребренна луна свой зракъ,
Сквозь тихій и спокойный мракъ,
Въ прекрасной полнотѣ являетъ.
Се ночь пріятнѣй нежель день,
Занявъ отъ розъ благоуханье
И отъ Зефировъ воздыханье,
Свою любви угодну тѣнь
На мягку зелень растилаетъ
И нѣгу въ чувства проливаетъ.

Спѣши Кларина къ симъ мѣстамъ
Роскошнымъ, тихимъ и блаженнымъ,
Для насъ любовью помраченнымъ;
Спѣши къ пріятнымъ симъ кустамъ,
Гдѣ томна вся природа дремлетъ;
Гдѣ сердце лишь мое не спитъ,
Во всемъ оно твой образъ зритъ,
Во всемъ твой гласъ любезный внемлетъ;
И листьевъ шумъ, и ропотъ водъ,
Мнѣ все вѣщаетъ твой приходъ.

Любви покорствуя закону,
Почто твоя трепещетъ грудь!
Иль стыдъ тебѣ творитъ препону?...
Иль пусть любви, преступка пусть?
Твои горящія ланиты,
Румянцемъ нѣжныхъ розъ покрыты,

Какъ капля утренней росы
На бѣлыхъ лиліяхъ блистаетъ,
Когда въ ней солнца лучъ играетъ,
Слеза кропитъ твои красы.

Унынъемъ око отягченно
Едва дерзаешь возводить.
Иль сердце для любви рожденно,
Любовь возможетъ устыдить?
Всеобщему покорствуй року.
Ужъ долгъ платишь пришелъ твой срокъ.
Оставь грызеніе пороку,
Любовь есть должность, не порокъ,
Безчувственность не добродѣтель,
Вѣрь мнѣ, весь міръ мнѣ въ томъ свидѣтель.

Любви вселенна ставитъ пиръ,
Любовь вселенну оживляетъ.
Увидь какъ легкій здѣсь Зефиръ,
Прекрасну розу лобызаетъ.
Едва успѣлъ ее тронуть
Ея цвѣтущей стала грудь.
Услыши сладостно журчанье
Межъ горлицъ тающихъ въ огнѣ;
Зри нѣжно крылій трепетанье;
Вся тварь тебѣ примѣръ и мнѣ.

Или любовь щитая плѣномъ,
Гнушаешься ты узъ ея?
И гордости смущенна тлѣномъ,
Тревожится душа твоя
Влекома въ нѣжное покорство?
Щастливой быть оставь упорство:
И если рабство нѣжна страсть,
Въ толь сладкомъ рабствѣ вся природа.
Какая ей равна свобода?
Предъ нею грусть и трона власть.

Что я, ты чувствуешь ли то же?...
Не видя, алчу зрѣть тебя;
Узрѣвъ, забвеніе себя,
Спокрашно памяти дороже,
Объемлетъ душу, чувства, умъ.
Въ тревогѣ нѣжной сладкихъ думъ
Душей твои красы лобзаю.
И кровь то мерзнетъ, то кипитъ,
И свѣтъ отъ глазъ моихъ бѣжитъ,
И самъ себя тогда не знаю.

Любви сердечной на вопросъ
Улыбкой милой отвѣчаешь,
И радостныхъ источникъ слезъ
Изъ глазъ моихъ ты извлекаешь.
Коль щастливъ я, коль могъ пронуть
Твою колеблющуся грудь.
Почто жъ минуты щастья тратить?
Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.
Что намъ минуты тѣ заплатитъ?

Иль въ пышностяхъ, или въ сребрѣ
Мы наше щастье обрѣтаемъ?
Стенящихъ на златомъ коврѣ,
Веселыхъ въ хижинахъ срѣтаемъ.
Я знаю, стоишь ты вѣнца;
Но стоитъ ли тебя порфира?
Созданье лучшее Творца,
Родясь для украшенья міра
И взоромъ смертныхъ утѣшать,
Тебя что можетъ украшать?

Я не могу тебѣ представить,
Что гордости возможетъ льстить;
Ни знатностью тебя прославить,
Могу лишь вѣчно я любить.

Не колесницы, не чертоги,
Гдѣ смертны кажутся намъ боги,
Гдѣ низки такъ суть боги тѣ,
Даю лишь сердце благородно,
Тирановъ чуждо и свободно,
Твоей подвластно красотѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ СТАРИКА.

О! памятъ прежнихъ дней пріятныхъ!
Проникни въ томну, слабу мысль!
И прежнихъ случаевъ превратныхъ
Прошедшихъ радостей изчисль.

Когда весна моя блистала,
Сбиралъ я Майскіе плоды.
Душа, какъ роза разцвѣтала!
Не зналъ, что горесть — что бѣды.

Бывало — съ милою Авророй
Встрѣчалъ я перьвый Ѳебовъ въѣздъ
И въ мысли возхищенной, скорой,
Сіялъ — какъ искра въ кучи звѣздъ.

Бывало — разныхъ пшичечекъ пѣнье
И громкой голосъ соловья,
Шумъ водопадовъ — ихъ стремленье
Внималъ съ живѣйшимъ чувствомъ я.

Бывало — пляски, хороводы.
Веселыхъ, добрыхъ поселянъ —
Гдѣ безъ искуства видъ природы
Для блага общаго имъ данъ —

Меня въ младенчествѣ пипали!
Я съ ними радости дѣлилъ,
Рѣзвились — пѣли — и играли,
Кто прожилъ такъ, тотъ прямо жилъ.

Когда же время злобнымъ взоромъ
Изъ тучъ на смертной взглянетъ родъ,
Бореи гнѣвные соборомъ
Ошкроютъ осени приходъ ;

Когда дождь мѣлкой, ядовитой
Лишитъ одежды шумный лѣсъ,
И солнце бросивъ лучъ сердитой,
Сокроется среди небесъ —

Бывало не смотря на стужу,
На мрачность всѣхъ осеннихъ дней;
Весельемъ грусть обезоружу,
Не потерявъ весны своей.

Въ спокойномъ тихомъ кабинетѣ,
Межъ Грацій — межъ пріятныхъ Музъ —
Забывъ какъ мучатся въ семъ свѣтѣ,
Таскаютъ всѣхъ печалей грузъ;

Безпечно въ книгахъ зарываясь
Я съ пылкимъ чувствомъ зрѣлъ красы,
Поэзьей нѣжною плѣняясь,
Я ей лишь посвящалъ часы.

Или въ Исторьи древнихъ вѣковъ
Летѣлъ — къ прошекшимъ временамъ;
Зрѣлъ Римлянъ, Египтянъ и Грековъ;
Какъ будто съ ними жилъ я тамъ.

Потомъ пущусь гулять по свѣту
За книгой обтеку весь міръ.
Или — въ романахъ безъ предмету
Влюблялся въ тысячу Плениръ!

Съ живымъ воображеньемъ — вольнымъ,
Бывало — какъ орелъ парилъ;
И будучи собой довольнымъ,
Въ себѣ все благо находилъ.

Когда жъ мое уединенье
Возметъ унылой, мрачной видъ:
Оставя кабинетъ и чтенье
И зданье древнихъ пирамидъ —

Скачу на балъ богатой, пышной;
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ —
И гдѣ умѣренность, гость лишней;
Гдѣ роскошь царствуетъ, живетъ.

Тамъ съ Нимфами въ кругу рѣзвяся,
Себя Парисомъ воображалъ;
И всѣми до одной прельстяся
Мое всѣмъ сердце отдавалъ.

Бывало — и онѣ смотрѣли
Изъ рукъ прелестныхъ на меня;
Желали! — . . . но сказать не смѣли
Свои стыдливости кленя! —

Куда жъ дѣвались прежни силы? —
Румяность свѣжихъ, алыхъ щекъ?
На мнѣ видъ блѣдный и унылый;
Мой видно красной день прошекъ.

Ужъ я разстался съ розой нѣжной,
Согбенъ подъ тяжестью зимы!
Съ главою дряхлой, белоснѣжной
Являю скорбь ужасной тьмы.

О! молодость! о даръ безцѣнный!
Почто ты вянешь какъ цвѣтокъ.
Едва мелькнешь! — то червь презрѣнный
Твой подъѣдаетъ корешокъ.

Болѣзнь тягчитъ меня пятою
И жнетъ моихъ остатокъ лѣтъ;
Моей мучительной слезою
Себѣ протаптываетъ слѣдъ.

Чтобы привесть скорѣй ко гробу,
Чтобъ слабый духъ изторгнуть мой,
Болѣзнь! — гдѣ ты окончишь злобу? —
Увы! — подъ гробовой доской!

Когда Творецъ лучемъ блестящимъ
Природу всю развеселитъ;
Бореямъ хладнымъ и шумящимъ
Сокрыться всѣмъ въ горахъ велитъ.

Когда на мѣсто ихъ Зефиры
Начнутъ прохладно, нѣжно дуть;
Когда всѣ твари томны, сиры,
Успѣютъ съ радостью вздохнуть.

На посохъ свой облокотяся
И съ помощью дрожащихъ ногъ;
Отъ слабости къ земли склоняся
Иду въ небесный я чертогъ.

Тамъ сѣвъ подъ липой мрачной, мшистой,
Что въ юности со мной росла;
Смотрю на водопадъ кремнистой —
Въ немъ таже живость, что была.

А мой источникъ жизни бренной,
Сквозь камни съ быстротой не бьетъ;
Изсохъ въ ущелинѣ подземной,
Единой червь его сосетъ.

Я слышу птичекъ хоръ согласной,
Но сердце слабо къ чувствамъ симъ.
Гдѣ ты, лучъ младости прекрасной?
Гдѣ ты, зари прелестный сынъ?

Тебя мои не встрѣтятъ очи,
Твой блескъ сокрытъ отъ стариковъ!
Померкъ! — какъ день въ печальной ночи:
Изчезъ! — въ туманѣ всѣхъ вѣковъ.

Куда не обернусь — все тоже;
Все прежній воспріяло видъ;
Все сдѣлалось опять моложе,
Все той же красотой блеститъ.

А человѣкъ чушь чушь вспомянетъ
Про свой весенній прежній цвѣтъ;
Средь осени куда ни взглянетъ:
Но ужъ весны онъ не найдетъ!

Найдетъ! — и день онъ встрѣтитъ Майской,
Проглянетъ лучъ на небесахъ.
Дождусь конца съ надеждой райской!
Чрезъ смерть къ безсмертью только шагъ.

НАКАЗАННАЯ НЕВѢРНОСТЬ.

РОМАНСЪ.

Въ Москвѣ обильной красотами,
Прелестна Лизинька жила;
Самой любьви она перстами
Прельщать сошворена была.

Какъ юна роза дней весенниxъ,
Скрываетъ прелести свои,
Отъ вѣтровъ ею обольщенныхъ,
Такъ Лиза скрылась отъ любьви.

Предъ солнцемъ только разверзаетъ
Свою цвѣтущу роза грудь;
Лишь Флору Лиза духъ вручаетъ
Возмогшему ее тронуть.

Ты клялся . . . . . трепещи невѣрный!
Ты клялся Лизу вѣкъ любить!
Зри казнь здѣсь каждый лицемѣрный,
Кто клятвами дерзнетъ шутить!

Любовь въ ихъ сердцѣ возрастала,
Не льзя ей было больше быть;
Ко Флору Лиза вся сгарала,
Какъ Флору Лизу не любить?

Вѣщала иногда смутяся:
„Будь вѣренъ, щастье въ томъ мое;
„А естьли. . . . . Слезы тутъ ліяся,
Перерывали гласъ ее.

Святѣйши кляшвы, воздыханья,
И все что есть употребя,
Старался уполять страданья,
Сей, варваръ, бѣдную губя.

Не вѣрь льстецу, о Лиза нѣжна!
Не вѣрь — его всѣ ласки ядъ.
Твоя со смершью радость смѣжна;
Въ комъ видишь рай, увидишь адъ.

Колико прелестьми блистаетъ,
Богатствомъ Лиза шакъ бѣдна.
Всечасно Флора шо смущаетъ,
Не вѣдаетъ шого она.

Зашмѣнна страстію, не знаетъ,
Что люшой Флоръ гошовитъ ей;
Одежду брачну ша сплетаетъ,
Тошъ смерть возлюбленной своей!

Ужъ завшра должно браку быши,
Ужъ завшра — Лиза внѣ себя —
Какъ могъ шы, варваръ, позабыши
Красу любящу толь шебя?

Ты не забылъ ея нещасшный!
А думалъ только, что забылъ,
И злашомъ заразя духъ сшрасшный,
Не изшребя любовь — зашмилъ.

Твой, Лиза, Флоръ идетъ съ иною
На бракъ въ тошъ день, въ который онъ
Былъ долженъ вниши въ храмъ съ шобою. . . .
Представьше Лизинъ горькій сшонъ!

Какъ блѣдна лилія согбенна,
Падетъ отъ шяготы дождей;
Такъ Лиза вѣстью шой сраженна
Падетъ, лишась красы своей.

Заря ея ланитъ зашмилась,
Чело покрыла смерши мгла;
Прекрасной Лизы часть свершилась,
Для Флора лишь она жила.

Подруги вкругъ ея стоная,
Ей жизнь спремятся возвратишь,
И имя Флора вспоминая,
Хотятъ нещастну оживишь.

Услыша милое названье,
Раскрыла Лиза томный зракъ;
Стенетъ: „се брачно сочетанье!
„Я въ гробъ иду, а Флоръ на бракъ.

„Щастливымъ страшный — мнѣ пріятный,
„Ужъ мой послѣдній близокъ часъ;
„Уже меня зовущій внятный,
„Я слышу алчной смерши гласъ.

„Ея вы зрите ль хладну руку,
„Влекущую меня? . . . . . иду! . . . . .
„И позабывъ сердечну муку,
„О смершь! покой въ тебѣ найду.

„Чѣмъ Флоръ я винна предъ тобою?
„Богатствъ у Лизы нѣтъ твоей;
„Ты сыщешь злато со иною —
„Не сыщешь ты любви моей.

„Спѣшишь ты къ олтарю съ другою,
„И радость мыслишь ты найти:
„Я вѣрно встрѣчусь тамъ съ тобою,
„И я туда почтусь придти.

„Потомъ къ подругамъ обращаясь:
„Снесите вы мой трупъ въ тотъ храмъ,
„Гдѣ брачно торжество свершаясь,
„Не будетъ зримо симъ очамъ.

„Тамъ Флоръ во брачномъ одѣяньѣ;
„А Лиза будетъ въ гробѣ тамъ! „
По семъ послѣдне воздыханье
Конецъ содѣлало словамъ.

Ея свершили завѣщанье
И тѣло отнесли въ тотъ храмъ:
Тамъ Флоръ во брачномъ одѣяньѣ;
А Лиза въ темномъ гробѣ тамъ.

Флоръ смутны взоры обращая,
Такъ близко Лизы зрѣть не мнитъ;
Но совѣсть духъ его смущая,
Вѣщаетъ, кто предъ нимъ лежитъ.

Не знаетъ отъ чего трепещетъ
И меркнетъ ясный свѣтъ въ глазахъ;
Приближился. . . . . Что въ очи блещетъ?
О горесть! о любовь! о страхъ!

Безгласна Лиза, чувствъ лишенна,
Льстецу ужъ нѣней не твориться.
Но гробъ гдѣ Лиза протяженна,
Но гробъ за Лизу говоритъ.

Онъ зритъ прекрасна тѣмъ покрыта,
Съ чѣмъ въ бракъ готовилась она:
Одежда розами увита;
Не въ бракъ, но въ гробъ обновлена.

Онъ видитъ тѣ уста любезны,
Его просивши въ вѣкъ любить.
Онъ хочетъ въ тѣ часы преслезны;
Но поздно хочетъ вѣренъ быть.

Зритъ къ сердцу сжаты нѣжны руки,
Которы онъ лобзать любилъ,
Зритъ на челѣ ея всѣ муки,
Которыхъ онъ виною былъ.

Корысть его не ушѣшаетъ,
Надъ златомъ верьхъ взяла любовь.
Онъ видитъ смерть — и смерть вкушаетъ.
Въ его хладѣетъ жилахъ кровь.

Не плачетъ онъ, и не вздыхаетъ:
Сего превыше грусть его!
Дрожитъ, падетъ, и умираетъ
Проступка жертва своего.

Невѣста къ браку поспѣшая,
Уже супругомъ Флора чтитъ,
И златомъ какъ заря блистая
На крыльяхъ радости летитъ.

О страхъ! женихъ ея съ иною
Во гробѣ вѣчно сопряженъ.
Сраженна лютою судьбою!
Бѣжитъ далеко страшныхъ стѣнъ.

Нещастна Лиза, Флоръ нещастный,
О вы плачевная чета!
Да будетъ вамъ примѣръ ужасный.
Горящимъ въ страсти — не мечта.

ЭПИТАФІЯ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Пл. . . . въ
Сверьхъ камня былъ таковъ,
Подъ камнемъ онъ каковъ?

ПОСЛАНІЕ

КЪ РОССІЙСКИМЪ ПИТОМЦАМЪ СВОБОДНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ.

О вы, которые подъ сѣнію спокойства
Стремитесь открывать вамъ небомъ данны свойства,
Питомцы Росскіе художествъ и искуствъ,
Изобразители и нашихъ дѣлъ и чувствъ;
Которы Рубенсамъ, Пигалламъ подражая,
Возносите свой духъ къ ихъ славѣ доступая;
Крѣпитесь въ ревности то свѣту показать,
Что не единою побѣдой помрачать
Своихъ соперниковъ Россіяне удобны.
Минервы подданны ко всѣмъ дѣламъ способны.
Явите въ Сѣверѣ таланты вы своимъ
И славу Греціи, и чѣмъ гордится Римъ.
Оставьте по себѣ торжественны творенья,
Одолѣвающи и время изнуренья.
Но что бы вѣчности въ безсмертный храмъ войти,
Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеньемъ
Гордясь однимъ собой, гнушаяся ученьемъ
И самолюбіемъ навѣки ослѣпленъ,
Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ.
Не видѣнъ въ грубости небесный оный пламень;
И самъ алмазъ въ корѣ есть тотъже дикій камень.
Науки, знанія всѣ сродны межъ собой:
Небесны чада, всѣ назначены судьбой,
Въ жилище бренности переселясь отъ вѣка,
На крыльяхъ мудрости возвысить человѣка.

Старайтесь, жертвуя небеснымъ симъ сестрамъ,
Вы, юноши, снискать блистаніе дарамъ,
Чѣмъ васъ украсила обильная природа,
Для чести вашея и Росскаго народа.
Напрасно будете безъ помощи наукъ
Надежду полагать на дѣло вашихъ рукъ;
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье:
Скульптура кукольство, а живопись маранье:
И чтобъ достигнуть вамъ до славной высоты,
Искуства видны гдѣ безсмертны красоты,
И гдѣ духъ творческій натурою владѣетъ,
Гдѣ мраморъ говоритъ и душу холстъ имѣетъ,
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей;
А безъ того иныхъ къ успѣху нѣтъ путей.
Художникъ завсегда останется безславенъ,
Хухожникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ.
Не воображайте вы себѣ, что бы Апеллъ
Лишь только кистію одной владѣть умѣлъ.
Списатель естества, премудрости любитель,
Онъ въ краскахъ философъ и смертныхъ просвѣтитель,
Побѣдоноснаго царя достойный другъ,
О имени его гремитъ донынѣ слухъ.
Героевъ дружество, художникамъ верхъ славы;
Ту честь исправленны пріобрѣтаютъ нравы,
Что должно и наукъ для васъ важнѣе быть.
Наука первая умѣть на свѣтѣ жить.
Она единая искуства въ свѣтъ выводитъ.
При жизни славу имъ она одна находитъ,
И украшая ихъ творитъ блаженнымъ вѣкъ.
Напредь талантовъ всѣхъ намъ нуженъ человѣкъ.
Таланта не познавъ за дикостью не зрима,
Бѣжитъ все общество отъ странна нелюдима.
Чтобъ зданія привлечь ко внутреннимъ красамъ,
Не должно ль, чтобъ и входъ приманчивъ былъ очамъ.
Нерѣдко то виной художниковъ ропшанья,
Которые хотя имѣютъ дарованья;
Но не умѣвъ себѣ пріятностей снискать,
Почтенья въ обществѣ не могутъ привлекать,

ПОСЛАНІЯ.

Съ душей усердьемъ воспаленной
Отъ радости не говорить?
При всходѣ дневнаго свѣтила,
Хоть швари всей несмѣтна сила
Отраду чувствъ своихъ гласитъ,
И жавронокъ тудажъ паритъ,
Забывъ свою ничтожну малость,
Полета не страшась орловъ,
Поетъ въ срединѣ соловьевъ,
Не чтя того за дерзку шалость.
Должны ли только мы одни,
Когда сіяютъ ясны дни,
Равно какъ въ бурну непогоду,
Которая тѣснитъ природу,
Въ оцѣпенѣніи молчать?
Должны ль ни слова не сказать,
Что здѣсь отрада на престолѣ,
Какъ подданнымъ, такъ музамъ мать;
Что мы въ такой блаженной долѣ
До НЕЙ и не бывали въ вѣкъ;
Что здѣсь стѣсненный человѣкъ
Досель, земли обремененье
На все имѣвшій запрещенье,
Днесь мыслитъ и щастливымъ быть
Отъ НЕЙ имѣетъ разрѣшенье?
Иль могутъ чувствъ своихъ не крыть
Одни пѣвцы иноплеменны?
Иль мудростью ЕЯ взнесенны
Свободны всѣ благодарить;
А только лишь Россійски музы
Должны носить постыдны узы
Не смѣть ЕЙ жертвы возжигать?
Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать.
Онѣ всегда ЕКАТЕРИНУ,
За ріемой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину;

КЪ КНЯГИНѢ ДАШКОВОЙ

ПИСЬМО

на случай открытія Академіи Россійской.

Избранная Минервы волей
Устроишь Росскимъ музамъ сѣнь,
Позволь для нихъ счастливый день
Восторженну ихъ лучшей долей
Оставить въ памяти гражданъ....
Не думай, что бы я гордяся
Талантомъ, мнѣ который данъ,
И чтобъ тщеславно стяновяся
Съ вѣнчанными мужами въ рядъ,
Которыхъ Фебъ къ своимъ причислилъ,
Убравши въ лавровый нарядъ;
Я дерзкобъ о себѣ помыслилъ,
Что лира слабая моя
Такъ славу раздавать способна,
Какъ просвѣщенна мысль твоя,
Тому содѣйствовать удобна,
Чѣмъ Небо въ благости своей
Изъ устъ МОНАРХИНИ къ намъ дышетъ.
Во звукѣ лиръ нѣтъ нужды ей.
Въ сердцахъ хвалу любовь ей пишетъ,
Хвала ей счастье нашихъ дней.
Отрадный кликъ блаженна міра,
Вотъ ей достойнѣйшая лира.
Но должно ли безгласну быть,
Надѣяся на гласъ вселенной?

ИСПОВѢДАНІЕ ЖЕМАНИХИ.

ПОСЛАНІЕ

Къ сочинителю былей и небылицъ.

О ты, писатель былей, небылицъ,
Который милымъ, легкимъ слогомъ
Кружишь моихъ по модѣ мнѣ сестрицъ!...
Клянусь по чести, передъ Богомъ,
Что я весьма довольна тѣмъ....
О еслибъ въ сердцѣ ты моемъ
Увидѣлъ все, что происходитъ,
Когда твой листъ ко мнѣ приходитъ;
Ты тѣмъ бы самъ доволенъ былъ....
По чести мнѣ ты ужасть милъ!...
Въ тебѣ какъ въ зеркалѣ себя увидишь,
И въ тотъ же часъ возненавидишь
Свою минувшу блажь....
Courage, mon coeur, courage!
Ужъ ты меня и очень поисправилъ.
Я чаю, ты того никакъ не ожидалъ?
Подумай, мужъ мой мнѣ не такъ несносенъ сталъ;
По чести онъ меня не менѣе забавилъ,
Не менѣе вчера увеселилъ,
Какъ попугай, которымъ подарилъ
Меня.... да полно ты не знаешь,
Изъ чьихъ мнѣ рукъ достался попугай;
А если понимаешь,
Пожалуй не болтай....

То все уже теперь, helas! проходитъ,
Что насъ съ ума пріятно сводитъ;
И я люблю сказала: bon voyage!
Вѣдь надобно и о душѣ помыслить....
Когда еще я тотъ имѣла avantage,
Что лѣтъ себѣ могла поменьше счислить,
Не знала, естьли у меня душа,
Бездѣлкой шой себя ни мало не круша,
Ее въ себѣ никакъ не примѣчала.
Чтобъ душу получить, въ Парижѣ побывала,
И тамъ моей въ прибавокъ красотѣ
Имѣла я petite santé. (*)
Передъ Дюшесами прелестно присѣдала
И Дюкамъ не спускала;
И словомъ, тамъ предъ всѣми показала,
Любя моихъ гражданокъ честь,
Что женщины въ Россіи есть....
Но душу дорого имѣть въ Парижѣ;
Тѣмъ болѣ, у кого мужъ простъ или benêt;
Попасться съ нимъ въ бѣду всего намъ ближе
И виноватой быть въ его винѣ....
Подумай, радость, напослѣдокъ,
Не зналъ онъ, гдѣ Louis (**) сыскать;
En bourgeois меня онъ началъ трактовать
И видъ принявъ угрюмъ и ѣдокъ,
По русски мнѣ сказалъ: „у насъ вѣдь много дѣтокъ„...
Въ какой тогда пришла я rage!
Хотѣла мстить ему; и.... правда.... отомстила....
Однако скоро онъ свою поправилъ блажь
И я Louis довольно получила,
Чѣмъ я menus plaisirs немного заплатила....

(*) Имѣть небольшое здоровьецо, значитъ у щеголихъ притворяться нездоровою, чтобъ въ нарядномъ дезабилье лежать, на прекрасной постелькѣ, и прельщать пріѣжжающихъ щеголей.

(**) Луи или луидоры, Французскія деньги.

Дѣла ЕКАТЕРИНЫ числитъ
Не по восторгу, по уму.
На мысль сравненій тьму приводитъ;
Но ЕЙ достойныхъ не находитъ:
Того, какъ сердце спихъ простой
Наполненъ правдой, не мечтой,
Въ усердіи своемъ свободенъ,
Надѣюсь, можетъ быть угоденъ.
Я сею мыслью ободренъ
Въ сей день мой гласъ простерть дерзаю,
И Музъ молчаньемъ огорченъ;
За нихъ молчанье прерываю.
Отверзтъ вамъ, Музы, славы храмъ,
Вступать въ него днесь въ вашей волѣ;
Пространно предлежитъ вамъ поле
И крылія даны умамъ.
Пускай невѣжество скрежещетъ
Смотря на быстрый вашъ полетъ,
И ползая взоръ тусклый мещетъ,
Жалѣя счастія тѣхъ лѣтъ,
Когда оно собой довольно
Надмѣнное и своевольно
Вздымая гордое чело,
Сердясь, за умъ карать могло.
Но страшнымъ быть оно престало,
Уже его безсильно жало:
Стремитесь, Росски Музы въ путь,
Имѣя воспаленну грудь
Единой славы утѣшеньемъ;
Возвысьтеся вы вашимъ пѣньемъ
МОНАРХИНИ до славныхъ дѣлъ;
Да Россъ, который столь процвѣлъ
ЕЯ преславнѣйшимъ правленьемъ,
Великъ и въ мирѣ и войнахъ
Останется у васъ въ стихахъ
Навѣкъ вселенной удивленьемъ...
Напрасно слава тамъ была,
Гдѣ Музъ жилище неприступно.

СЪ героями изчезли купно
До ГрековЪ громкія дѣла.
Народы цѣлые забвенны
Во шьмѣ безЪ чести погребенны,
МежЪ шѣмЪ какЪ ГрековЪ горсть одна
УмовЪ безсмертными дарами
Прославленна, почтенна нами
Пребудетъ въ вѣкЪ оживлена.
Въ упорну ополченна брань
Со РимомЪ горда КарѳагенА,
Простерша кЪ власти міра длань,
БылабЪ участокЪ такЪже шлѣна,
Коль всѣ презрѣвши пѣнье МузЪ,
КогдабЪ ея виновникЪ узЪ,
Не меньше, какЪ оружьемЪ силенЪ,
И славой МузЪ своихЪ обиленЪ,
Не возвѣстилЪ ихЪ гласомЪ РимЪ,
Что КарѳагенА пала имЪ.

ПОСЛАНІЕ

ТРЕМЪ ГРАЦІЯМЪ.

О нѣжныя сестрицы не разлучны!
Сопутницы прекраснаго всего!
Сама краса не стоитъ ничего,
Черты ея бездушны, вялы, скучны,
Коль вашего знакомства лишена,
Жеманится безъ прелестей она.
О Граціи! позвольте плѣнну вами,
Предъ жертвенникъ священный вашъ предстать
Тѣснясь гдѣ за вашими цвѣтами
Искусники, со грубыми руками,
Сбираются, чтобы цвѣты измять.
Принудить васъ возможетъ ли искусство?
Безъ правила плѣняете вы чувство.
Напрасно Ферпъ увѣрить хочетъ всѣхъ,
Что стихъ его вмѣстилъ пріятство ваше;
Что написать никто не можетъ краше;
Что онъ его быть долженъ драмы смѣхъ,
За тѣмъ, что слогъ по правиламъ шутливой,
Комической и острой и игривой,
Не ввелъ его проказной Музы въ грѣхъ;
Что онъ такъ чистъ, какъ ясная водица.
То правда; но и столькожъ вкусенъ онъ;
И зрителей упрямая станица,
Въ тотъ часъ, какъ самъ онъ имъ давалъ законъ,
Хвалить себя въ ладони ударяя,
Сидѣли всѣ по правиламъ зѣвая.

Межъ тѣмъ Ефимъ, любезной новичокъ,
Сшибъ мастера своею драмой съ ногъ.
Вашъ, Граціи! служитель онъ покорный,
И не смотря на судъ отъ Ферта вздорный
Понравиться безъ правилъ смѣлъ и могъ,
Риторики всея на посрамленье.

Вотъ правило и ваше наставленье:
„Любезенъ будь, восхити и плѣни „
Но чтобы намъ до этаго достигнуть,
Риторйка! пожалуй извини:
Всѣ бисеры твои намъ должно кинуть.

Предъ зеркаломъ улыбочкамъ учась,
Которыя пріятностей созданье,
О Силвія! напрасно искривясь
Ты дѣлаешь твоимъ устамъ страданье.
Чтобы твои возвысить красоты
И одолѣть препятствія природы,
Хоть на себя драгихъ бездѣлицъ ты
И вѣшаешь лоскутья новомодны;
Хоть на лицо наводишь бѣлизну,
Хоть на щеки кладешь заемны розы,
Чтобъ вида скрыть холоднаго морозы,
И жилочекъ тончайшихъ кривизну
Карандашомъ хотя ты и выводишь,
Но своего въ томъ щоту не находишь.
Безъ прока все; и прочь сердца бѣгутъ.
Напрасно взоръ твой тусклый увѣряетъ,
Что Грацій онъ пріятности бросаетъ,
Твои красы на Грацій только лгутъ.
Безъ вѣдома ты ихъ, пригожа стала,
И прелести безъ воли ихъ достала.
Всѣ зря тебя дивятся кружевамъ,
Съ ушей и съ рукъ сверкающимъ лучамъ,
Изъ блондъ, кисей тѣмъ пухлостямъ прозрачнымъ,
Французскихъ рукъ твореніямъ удачнымъ,
Чѣмъ думаешь тогда ты отличить себя,
Всѣ смотрятъ то, невидятъ лишь тебя.

Нѣтъ хуже, если мужъ не ловкой человѣкъ.
Послышу, намъ грозятъ, уже au fort l'eveque (***).
Чтожъ вышло мнѣ изъ едакой напасти?
Посмѣйся ты со мной моей шутливой части.
Мой мужъ отправился назадъ,
Надежду на свою родню имѣя;
А я какъ будтобы галантерея
Осталася въ закладъ....
Почувствовала я тогда себѣ всю цѣну.
Въ Парижѣ быть en gage, то значитъ что нибудь....
Я думала, что въ мужѣ будетъ путь;
А онъ, о sot! тому въ замѣну,
Что я во Франціи самой
Годилась быть въ закладѣ,
Хотѣвъ увидѣться со мной
Оставилъ красоту мою въ накладѣ
И выкупилъ меня къ смертельной мнѣ досадѣ....
Подумай, въ той прекрасной сторонѣ
Я вся была въ цѣнѣ;
А здѣсь, не вѣдаю, чего я стою...
Какъ я оставила Парижъ,
Лишенной щастья мнѣ, покою,
Ужасной сдѣлался вертижъ.
Не вѣдаю, какъ я перенесла тотъ coup;
И жизни я своей была не рада,
Всѣхъ бѣдъ тому желала старику,
Который вытащилъ меня изъ подъ заклада...
Но должно какъ нибудь нещастью помогать.
Старалась здѣсь я время убивать
Вертижами, игрою
И на гостиной дворъ toujours ѣздою.
Ты слышалъ, радость, какъ тамъ ловко присѣдать
И новые конкеты собирать
Съ старинной красотою....

(***) Форлевекъ въ Парижѣ мѣсто, куда за долги сажаютъ.

Не полной свѣтъ, не полна тѣнь,
Тамъ дѣлаютъ пріятный день.
Дезабилье, то много помогаетъ.
Le grand jour очень простъ....
А surtout тамъ великой постъ
Не сухъ бываетъ....
Но ахъ! ужъ все прошло теперь;
И время все съѣдаетъ....
Для присѣдающихъ оно жестокой звѣрь....
Казаться мнѣ нигдѣ не можно.
Всѣ такъ учтиво, осторожно
Обходятся со мной;
И я одно почтенье только вижу,
Почтенья етова я смертно ненавижу,
Которо издали мнѣ шаркая ногой....
Какъ будто говоритъ: пора тебѣ домой.
Что дѣлать, право я не знаю.
Я душу прежнюю совсѣмъ теряю;
А новой нѣтъ. .. на то вѣдь надобенъ эспри.
Я ихъ ужъ сотни три
Повыше головы перешаскала
И ими голову ужасно возвышала;
Но здѣсь avec un gros bon sens указъ,
Безъ всякаго bon mot шутя надъ нами,
Ужасно головами
Унизилъ насъ.
И говорятъ, что cet указъ желаетъ,
Чтобъ былъ у насъ эспри
Не hors de la tête..., внутри.
Вотъ онъ то Небылицъ чудесныхъ ожидаетъ;
Пожалуй помѣсти ты это межъ своихъ,
Которы всѣ на быль походятъ.
Скорѣе толку я надѣюся отъ нихъ.
Насъ въ чувство остроты heureusement приводятъ.

Ты вся не ты: торговокъ зданье модныхъ,
Сочинена рукой мадамъ Бобри. (*)
Что въ томъ, коль нѣтъ въ тебѣ красотъ природныхъ.

Пожалуй же на Дафну посмотри.
Въ лицѣ ея цвѣтъ утренней зари
Плѣняетъ духъ пріятно улыбаясь,
Какъ взоръ ея со взорами встрѣчаясь
Внизъ падаетъ ихъ жадностью смущонъ.
Прелестна грудь ея, утѣхи тронъ,
Біеніе то нѣжно повторяетъ,
Которое въ ней сердце ударяетъ,
Вѣщая ей, что время ужъ любить.
Вы Граціи стараясь пособить
Той прелести, котору вы создали,
Когда идетъ, несете вы тотъ ростъ,
Толь гибокъ, толь пріятенъ, строенъ, простъ,
Которой вы, вы сами рисовали;
И маленькой даете ножкѣ ходъ,
Которую вы сами обували.
Толпится вкругъ любовниковъ народъ,
Подобно такъ стремится къ розѣ зрѣлой
Съ жужжаніемъ рой пчелъ плетущихъ сотъ,
Влекомъ ея блистаніемъ красотъ,
Тѣсняся, къ ней полетъ свой правитъ смѣлой,
Другихъ цвѣтовъ не видя на лугахъ.

Не вѣдая цѣны въ твоихъ красахъ
Ты Дафна всѣ искуства презирая,
Прельщаешь всѣхъ сама того не зная,
Не думая кого нибудь прельстить;
И не смотря, что Силвія кабенясь
Красы твои всѣ хочетъ помрачить;
И что уста ея отъ злобы пѣнясь

(*) Бобри одна изъ бывшихъ модныхъ здѣсь Французскихъ торговокъ.

На всю тебя злорѣчья желчь ліютъ,
Сопутницы съ тобою повсемѣстны
Тебя, твои защитницы прелестны,
Три Граціи въ обиду не даютъ.
Лишь Силвія съ улыбкой злою скажетъ:
„Ужъ ужасть какъ у Дафны вздернутъ носъ!„
А Грація пріятность въ этомъ кажетъ.
Хоть маленькой, прекрасной свитокъ розъ,
Она на смѣхъ ротъ Дафнинъ поднимаетъ
И говоритъ: „на нишку снизанъ ротъ.„
А Грація ей тотчасъ отвѣчаетъ:
„То собственной моей работы плодъ.
„Чтобъ этотъ ротъ снискать, Наяды дали
„Мнѣ изъ морей чистѣйшія корали.„

Вотъ такъ-то все, что вашъ имѣетъ видъ
О Граціи! грѣша и противъ правилъ,
Какой бы ядъ завистникъ ни направилъ
Однако же во вѣкъ не повредитъ.
Рѣзвяся вы и забавляясь пляской
Вы бѣсите клеветниковъ своихъ;
Ошвѣтствуя одною только лаской,
Смущаете игрой ехидство ихъ;
И не смотря на блѣдныя ихъ лицы,
Безъ мудростей вы всѣхъ сердецъ царицы,
И истинной всему даете вкусъ.
Когда васъ нѣтъ, храпя музыка дремлетъ
И живопись нахмуренъ видъ пріемлетъ,
А гордая архитектура грузъ,
Поэзія души не восхищаетъ,
И танцы всѣ лишь шарканье ногой.
Актеръ себя предъ зрителемъ ломаетъ
И дѣлаетъ въ себѣ Царя дугой.
А съ вами Гюсъ (*) подпора Мелпомены,

(*) Бывшая здѣшняго Французскаго Театра славная Актриса.

Пріятная владычица сердецъ,
Отъ нашихъ слезъ беретъ похвалъ вѣнецъ
И чувствовать дая сластей премѣны,
То къ трепету, то къ плачу приводя,
Плѣняетъ всѣхъ съ побѣдой въ грудь входя.

О вы! вы, всѣ которыхъ дни блаженны;
Художествамъ пріятнымъ посвященны.
И славы въ храмъ грядущи музамъ въ слѣдъ,
Когда прельщать вашъ долженъ быть предметъ,
Чтобъ имена ваши вѣчно,
Вы Граціямъ молитеся сердечно.

ТЫ и ВЫ.

ПИСЬМО КЪ ЛИЗ[redacted]

О ты, которую теперь звать должно, Вы
Съ почтеньемъ, съ важностью, съ уклонкой головы;
О прежня Лиза, Ты!... Вы барыня ужъ нынѣ.
Скажите, такъ ли вы въ сей щастливы судьбинѣ,
Которa въ сорокъ лѣтъ вамъ пышности дала,
Въ алмазы, въ фижмы васъ, въ величье убрала,
Превосходительствомъ и знатью отягчила,
И косо на меня смотрѣть васъ научила,
Когда, на улицѣ, звуча по мостовой,
На быстрой шестернѣ встрѣчаяся со мной,
Гордяся новаго родства высокой связью,
Съ блистающихъ колесъ вы брыжжите мнѣ грязью.

Сквозь чисты стекла зря унылу красошу,
Сіянья вашего я щастіемъ не чшу:
Превосходительство является мнѣ ваше
Скучнѣе во сто разъ, а ничего не краше.

Воспомните, какъ Вы была лишь шолько Ты,
Еще не знающа величія мечты,
На имя Лизыньки мнѣ нѣжно отвѣчала,
За пламень мой меня улыбкой награждала,
Во стройной кофточкѣ, которой бѣлизнѣ
Не уступала грудь твоя, открыта мнѣ,

И только розою одною защищенна,
Которая, розами твоими помраченна,
Должна была моимъ желаньямъ уступать
Уста твои и грудь прелестну цѣловать.
Ты помнишь... не было моей любви препоны;
Ты помнишь время то, какъ строгіе законы
Хотѣли было насъ съ тобою разлучить!
Но льзяль препоною любовь остановить?
У ней препятствіемъ лишь крылья выростаютъ,
Ей шушка всѣ глаза, чѣмъ Аргусы сверькаютъ.
Воспомни время то.... Сколь сладко мнѣ оно!
Какъ лѣстницу любовь мнѣ ставила въ окно,
Которо Граціи съ тобою отворяли,
И въ сумерки меня къ утѣхамъ провождали.
Въ восторгахъ нашихъ я и ты забывъ весь свѣтъ,
Мы думали, что насъ щастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ: кто могъ быть насъ блаженнѣй?
И чѣмъ же Генералъ въ веселіи отмѣннѣй?...
Отмѣннѣй?... быть не льзя; безмѣрно ниже насъ....
Не по природѣ онъ, по этикету васъ
Любя, нахмуряся, къ вамъ важно подступаетъ.
Пріятства, смѣхи прочь и игры отгоняетъ.
Бояся знатность онъ высоку уронить,
Онъ можетъ ли Васъ такъ, какъ я, Тебя любить?
Превосходительствомъ природу задушая,
И въ сердцѣ гордость онъ съ любовію мѣшая,
Васъ любитъ, помня то, что онъ и Генералъ;
А я тебя любя, себя позабывалъ.
Всѣ были чувствія, вся мысль полна тобою,
И весь я занятъ былъ лишь Лизою одною.
Тобою слышалъ всѣ, тобой на все взиралъ,
Тобою жилъ, твоимъ дыханіемъ дышалъ,
Тобой одной во мнѣ и сердце трепетало....
На мѣсто золотыхъ часовъ оно щитало
Минушы сладкія небесныхъ тѣхъ забавъ;
Которы отъ земли насъ гнусной оторвавъ,
Безсмертья удѣля, равняли съ божествами.
Вѣдь боги въ вѣчности не заняты часами.

ТЫ и ВЫ.

ПИСЬМО КЪ ЛИЗѢ.

О ты, которую теперь звать должно, Вы
Съ почтеньемъ, съ важностью, съ уклонкой головы;
О прежня Лиза, Ты!... Вы барыня ужъ нынѣ.
Скажите, такъ ли вы въ сей щастливы судьбинѣ,
Которa въ сорокъ лѣтъ вамъ пышности дала,
Въ алмазы, въ фижмы васъ, въ величье убрала,
Превосходительствомъ и знатью отягчила,
И косо на меня смотрѣть васъ научила,
Когда, на улицѣ, звуча по мостовой,
На быстрой шестернѣ встрѣчаяся со мной,
Гордяся новаго родства высокой связью,
Съ блистающихъ колесъ вы брыжжите мнѣ грязью.

Сквозь чисты стекла зря унылу красошу,
Сіянья вашего я щастіемъ не чту:
Превосходительство является мнѣ ваше
Скучнѣе во сто разъ, а ничего не краше.

Воспомните, какъ Вы была лишь только Ты,
Еще не знающа величія мечты,
На имя Лизыньки мнѣ нѣжно отвѣчала,
За пламень мой меня улыбкой награждала,
Во стройной кофточкѣ, которой бѣлизнѣ
Не уступала грудь твоя, открыта мнѣ,

И только розою одною защищенна,
Которa, розами твоими помраченна,
Должна была моимъ желаньямъ уступать
Уста твои и грудь прелестну цѣловать.
Ты помнишь... не было моей любви препоны;
Ты помнишь время то, какъ строгіе законы
Хотѣли было насъ съ тобою разлучить!
Но льзяль препоною любовь остановить?
У ней препятствіемъ лишь крылья выростаютъ,
Ей шушка всѣ глаза, чѣмъ Аргусы сверкаютъ.
Воспомни время то.... Сколь сладко мнѣ оно!
Какъ лѣстницу любовь мнѣ ставила въ окно,
Которо Граціи съ тобою отворяли,
И въ сумерки меня къ утѣхамъ провождали.
Въ восторгахъ нашихъ я и ты забывъ весь свѣтъ,
Мы думали, что насъ щастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ: кто могъ быть насъ блаженнѣй?
И чѣмъ же Генералъ въ веселіи отмѣннѣй?...
Отмѣннѣй?... быть не льзя; безмѣрно ниже насъ....
Не по природѣ онъ, по этикету васъ
Любя, нахмуряся, къ вамъ важно подступаетъ.
Пріятства, смѣхи прочь и игры отгоняетъ.
Бояся знатность онъ высоку уронить,
Онъ можетъ ли Васъ такъ, какъ я, Тебя любить?
Превосходительствомъ природу задушая,
И въ сердцѣ гордость онъ съ любовію мѣшая,
Васъ любитъ, помня то, что онъ и Генералъ;
А я тебя любя, себя позабывалъ.
Всѣ были чувствія, вся мысль полна тобою,
И весь я занятъ былъ лишь Лизою одною.
Тобою слышалъ всѣ, тобой на все взиралъ,
Тобою жилъ, твоимъ дыханіемъ дышалъ,
Тобой одной во мнѣ и сердце трепетало....
На мѣсто золотыхъ часовъ оно щитало
Минушы сладкія небесныхъ тѣхъ забавъ;
Которы отъ земли насъ гнусной оторвавъ,
Безсмертья удѣля, равняли съ божествами.
Вѣдь боги въ вѣчности не заняты часами.

Пристойно смертнымъ то, чтобъ время проволкать,
Его въ карманы класть и часто вынимать.
Забава скучливыхъ, часы, веселью смутки.
У насъ лишь два часа бывало только въ сутки:
Одинъ, чтобъ вмѣстѣ свѣтъ и время забывать;
Другой, не видяся, увидѣться желать.

ПИСЬМО

КЪ Г. Д. и А.

Вы мыслите напрасно
Любезные друзья,
Что роскоши глася
Прельщеніе опасно
Ввожу соблазны я.
Собраніе прекрасно
Утѣхъ мірскихъ, забавъ;
Для насъ Творецъ создавъ,
Намъ щастье проливаетъ;
Но человѣкъ на смѣхъ,
Все претворяя въ грѣхъ,
Рай въ адъ преобращаетъ.
Виновно ли вино,
Которо къ утѣшенью
Отъ неба вамъ дано,
Что имъ себя къ забвенью
Приводитъ человѣкъ,
И въ скорби тратитъ вѣкъ?
Царица смертныхъ рода,
Вселенныя душа,
Которою дыша,
Живетъ, цвѣтетъ природа,
Любовь! виновналь въ томъ,
Что ею Клитъ влекомъ,
Подобно мошылечку,
Садясь на всякой цвѣтъ

И сѣвъ потомъ на свѣчку
Онъ самъ себя сожжетъ?
Пріятель наслажденій
И чистыхъ и честныхъ
Я другъ ли заблужденія,
Ахъ нѣтъ; когда мой стихъ
Хваля сей жизни сладость,
Казалъ вамъ щастья радость,
Которой, подъ луной,
Вы въ роскоши со мной
Увидѣть не хотѣли,
Совѣтовалъ я вамъ,
Чтобъ щастливы быть смѣли,
Не слѣдуя духамъ,
Которые не любятъ,
Что толь прелестно намъ;
И добродѣтель трубятъ
Ужасную ушамъ.
Они-то страшной харей
Вселяя трепетъ въ грудь,
Маракотъ къ небу пушь,
Гнѣвя Творца всѣхъ тварей.
Совѣтовалъ я вамъ
Ушѣхъ не опасаться,
Но столько наслаждаться
Колико должно намъ.
Все щастье составляетъ
Умѣренность одна:
Кто черезъ край хватаетъ
И кто все пьетъ до дна,
Одинъ лишь тотъ страдаетъ,
Одинъ пороченъ тотъ.
Вкушать блаженства плодъ
Не притупляя чувство,
Знай мѣру, вотъ искусство,
Рѣку, котору въ бродъ
Переходить возможно,
Удобно перейдешь;

Но въ ней и смерть найдешь,
Когда не осторожно
Ты ступишь въ глубину.
Тотъ мудръ и мудръ не ложно,
Кто видитъ сатану
И ангела въ себѣ.
Не знать, въ своей судьбѣ
Какъ съ щастьемъ помѣстишься
И изъ себя стремишься,
Вотъ это сатана.
На что намъ жизнь дана?
Умѣть повеселиться;
На Хлоиныхъ устахъ
И въ Хлоиныхъ очахъ,
Въ ея улыбкахъ нѣжныхъ
Зря небо, позабыть
Смѣсь грустей неизбѣжныхъ,
О чемъ тогда тужить?
Вотъ ангелъ нашъ хранитель.
Далеко отъ меня
Ты пасмурный учитель,
Который въ вѣкъ стеня,
Смущенъ и недоволенъ,
Печальнымъ бредомъ боленъ,
Являешь Бога намъ,
Каковъ суровъ ты самъ.
Ты горестей содѣтель!
Быть дикимъ только швердъ,
Пріятну добродѣтель
Коверкаешь какъ чортъ.
Ты даже намъ имѣть
И чувства запрещаешь,
Дая намъ небо зрѣть
Ты небомъ насъ пугаешь.
Мы плюнемъ на него,
И сердца своего
Предавшись восхищенью,
По радостну стремленью

Почувствуемъ того,
Кто мудрымъ былъ предвѣчно
И будетъ безконечно;
Кто насъ производилъ
Что бы любить насъ нѣжно;
Кто щастье насадилъ
Повсюду съ нами смѣжно.
Зачѣмъ тянуться намъ
За чуждыми цвѣтами,
Когда ихъ подъ ногами
Сбирать всякъ можетъ самъ.
Умѣй лишь осторожно
И нѣжно такъ срывать,
Природѣ чтобъ возможно
Опять ихъ порождать.
Мы щастіемъ всѣ равны;
И низкіе и славны,
Богатой и бѣднякъ,
Ученый и простякъ
Имѣютъ щастья долю.
Иль мыслите вы такъ,
Что Богъ святую волю
Тогда перемѣнилъ,
Какъ случай наградилъ
Кого богатствомъ, знатью?
Что къ ленѣ прилѣпилъ
Онъ милость съ благодатью?
Повѣрьте всѣмъ равно
Дѣлитъ Свою онъ благость;
Всѣмъ щастіе дано
И всякой носитъ тягость.
Отъ скуки не спасутъ
Царя лучи державы:
Какъ грусти грудь сосутъ,
Онъ плачетъ въ нѣдрахъ славы
И плачетъ какъ пастухъ.
Его верплявы пажи,
Разпудренные въ пухъ,

Сіи младые блажи
Не мысля о царяхъ
Плывутъ отрадъ въ волнахъ.
Отмѣннѣль бываетъ
Климена весела,
Какъ пыль хвостомъ сметаетъ
Со пестрова пола
И томный взоръ кидаетъ
Танцуя минуетъ,
Въ которыхъ ей Полетъ
Глазами знать даетъ.
Чего не ощущаетъ?
Не такъ же ли полна
Утѣхою Кларина,
Коль на лугахъ она,
Толь мягкихъ какъ перина,
Сложивши тяжкій снопъ,
Тамъ иляшетъ, гдѣ Антропъ
Ей свистомъ помогаетъ.
Антропъ не увѣряетъ,
Однако вѣренъ ей.
То правда не болтаетъ
Любезной онъ своей,
Вездѣлицъ остроумныхъ,
И словъ высокихъ, шумныхъ,
Которыми любовь
Свой пламень раздуваетъ,
Когда въ жару пылаетъ
Полетовъ нашихъ кровь;
Какъ сердце обмираетъ
Манерныхъ Клой, Темиръ:
Не можетъ шаткой моды,
Чѣмъ вѣтренны народы
Піющи Сенски воды
Плѣняютъ цѣлый міръ,
Ничтожныхъ онъ созданій
Представитъ щедро въ даръ;
Не можетъ онъ свой жаръ

И страстныхъ воздыханій
Возвысили цѣной
Блистающихъ бездѣлокъ,
Искусныхъ тѣхъ подѣлокъ,
Бершелевой рукой,
Конторы шакъ учтиво
Онъ вѣритъ на кредитъ,
Чтобъ оными щастливо
Купить красавицъ стыдъ.
Аншропъ того не знаетъ,
Ему и нужды нѣтъ.
Любовь его завелъ,
Природа помогаетъ.
Красна сама собой,
Нужналь природѣ краска?
Не щастье то, другъ мой,
Но щастья только маска.

ОТЪ ДЯДИ СТИХОТВОРЦА РИФМОСКРЫПА.

Хвалишь и все и всѣхъ, то дѣло безопасно
И будетъ все съ тобой и дружно и согласно.
Всѣ станутъ говорить: вотъ добрый человѣкъ!
Умно и смирно онъ проводитъ честный вѣкъ.
Водой не замутитъ. Душа его почтенна,
Что ей ни дай, ни чѣмъ не будетъ огорченна.
Онъ ангелъ во плоти; прямой онъ философъ!

Хоть скучный *Рифлоскрыпъ* возы навьюча строфъ
Его терпѣнію сто тысячъ одъ привозитъ,
Онъ плодородіе его хвалой навозитъ;
И сердцемъ дань платя препакостнымъ стихамъ,
Хотя изъ подтишка въ кулакъ зѣваетъ самъ,
Но восхищается онъ явно каждой строчкой,
И всѣмъ любуется и запятой и точкой.
„Куда, онъ говоритъ, какъ это все умно!
„Инымъ покажется запутано, темно;
„Но то и хорошо; одни лишь низки слоги
„Понятны всякому; а кто, равно какъ боги
„Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
„Тотъ долженъ не понять и самъ что говоритъ.
„То честь ли, коль Творца такъ мало почитаютъ,
„Что безъ разбора всѣ его стихи читаютъ?
„Что приступъ всякому, свободный, легкій къ нимъ?
„Что чернь безчеститъ ихъ понятіемъ своимъ?
„Воспомни о царяхъ владѣющихъ востокомъ;
„Недосягаемы ни чьимъ изъ смертнымъ окомъ,

„На неприступнѣйшей престола высотѣ,
„Богами кажутся подвластныхъ простотѣ.
„Хошь къ щастью ничего для насъ не созидаютъ,
„Велики тѣмъ они, что ихъ не понимаютъ.
„Почтенный *Рифмоскрыпъ!* равно твои стихи,
„Чрезъ мѣру гордые, надуты какъ мѣхи
„Презрѣвъ и умъ простой, и чистой смыслъ и толки
„Пребудутъ навсегда въ почтеніи на полки.
„Съ подобострастіемъ храня ихъ святъ покой,
„Чтецы не осквернятъ ихъ дерзкою рукой.„
Вотъ такъ-то ободренъ, въ свои влюбленный враки,
Быть думаетъ орломъ, а ползаетъ какъ раки.
Какой же люта лесть даетъ Піитамъ плодъ?
Ахъ! даже и на весь съ презрѣньемъ смотрятъ родъ
Того, который всѣхъ какъ смертными грѣхами
Терзаетъ и томитъ несносными стихами.

Однако свѣтъ неправъ; и чѣмъ же виненъ я,
Что этотъ *Рифмоскрыпъ* рифмачъ родня моя?...
Помилуй свѣтъ меня невинна предъ тобою!
Я связанъ съ нимъ родствомъ, не связанъ головою.
„Но должнобъ, говорятъ, ему подать совѣтъ,
„Чтобъ не страмилъ себя на цѣлыя сто лѣтъ.
„Не лучше ли, скажи, честному человѣку
„Поденщикомъ капать каналъ, иль чистить рѣку?
„Не лучшель улицу каменьями мостить?
„Не лучшель агурцы или морковь садить,
„Чѣмъ глупой стихъ точа какъ деревянну пѣшку,
„Разсудку здравому его казать въ насмѣшку?„

Повѣрьте, говорилъ я тоже много разъ;
И мѣтилъ я ему не въ бровь, а въ самый глазъ
Примѣтя склонности его души природны,
Полезныя, хотя не очень благородны:
А имянно, конямъ онъ масперъ гриву стричь;
Умѣетъ гордо онъ держать на козлахъ бичъ;
Я видя, что онъ то все дѣйствуетъ пріятно,
Будь кучеръ, я ему швердилъ не однократно.

Каретой произвесть ты легче можешь громъ;
Съ вожжами будешь ты почтеннѣй какъ съ перомъ.
Умѣя обуздать на свѣтѣ всяку клячу,
Загладь твою, загладь съ Пегасомъ неудачу!
Послушайся меня племянникъ дорогой:
Парнасской часто конь въ тебя лягалъ ногой
И уморить тебя онъ можетъ напослѣдокъ.
Плачевный сей примѣръ на свѣтѣ вѣдь не рѣдокъ.
Ты знаешь самъ, безъ крылъ не льзя никакъ летать.
Равно безъ дара намъ никакъ не льзя писать.
Есть всякому своя отъ неба данна доля.
Безчеститъ лишь одна несмысленная воля.
Смѣшонъ, кто не свое примаетъ ремесло.
Читалъ ли ты когда Депрео-Боало?
Ты помнишь ли врача доспойна слезъ и смѣха?
Латинской людоѣдъ, другъ смерти и ушѣха,
Наперсникъ дорогой царя подземныхъ царствъ,
Онъ силою своихъ мертвительныхъ лѣкарствъ,
Не уважая вдовъ, сиротъ оставшихъ стона,
Толико же какъ моръ былъ вѣрный рабъ Плутона.
Однако былъ учонъ. Что вѣдалъ Гиппократъ,
Что вѣдалъ Галіенъ, онъ то твердилъ стократъ.
Наука у него какъ гидра въ мысли сѣла
И до конца его природный разумъ съѣла;
И думать запретя, лишь то велѣла знать,
Другіе только что умѣли понимать.
Святое къ старинѣ всегда храня почтенье,
Иное мыслить онъ считалъ за преступленье,
И лучше онъ хотѣлъ по книгѣ уморить,
Какъ жизнь по естеству больному подарить.
Онъ впрочемъ былъ рѣчистъ, способенъ къ красну слову;
Какъ станетъ говорить, не льзя не быть здорову;
Какъ станетъ онъ лѣчить, не льзя не умереть.
Изъ всѣхъ его друзей преставшихъ солнце зрѣть
Осшался другъ одинъ, который не былъ боленъ;
Богатый откупщикъ, избыточенъ, доволенъ,
Охотникъ строиться, хоть вкуса не имѣлъ.
Онъ друга лѣкаря въ свой новый домъ привелъ.

Нестройство зданія нашъ врачъ тотчасъ примѣтилъ
И дарованіемъ природнымъ вдругъ осѣтилъ
Онъ всю тяжелую нелѣпость богача.
Искусству строиться хозяина уча,
Въ иномъ онъ мѣстѣ быть крыльцу повелѣваетъ;
Изъ глупыхъ тамъ сѣней онъ залу созидаетъ;
Тамъ кудри, какъ парикъ, велитъ съ стѣны онъ сбить,
И съ кровли здѣсь фронтонъ уродливый стащить.
Прекраснымъ дѣлаетъ строеніе постыло;
И стало самому хозяину то мило.
Въ Архитектурѣ врачъ зря быстрый свой успѣхъ,
За модули ея принялся не на смѣхъ.
Проспясь съ пилюлями, съ микстурами, съ ланцетомъ,
Миръ тотчасъ заключилъ съ опустошеннымъ свѣтомъ.
И болѣе земли гробами не тягча,
Строитель добрый сталъ изъ скьернаго врача.
Депрео-Боало полезна эта сказка
Племянникъ на тебя прямая вѣдь указка.

Какой же мнѣ отвѣтъ?... „Не слушаю я врачъ.
„Депрео твой глупецъ, и Боало дуракъ;
„А съ сими Греками и дядя повредился.
„Узнай же, что на то я только и родился,
„Дабы вселенную въ стихи переложить.
„Кто можетъ такъ легко какъ я производить?
„Вчера задѣлалъ я лишь только эту драму,
„А вотъ она и вся Піишовъ нашихъ къ сраму.
„Хочу ее тебѣ я дядя прочитать.
„Тотчасъ изъ пазухи онъ вытащилъ тетрать.„
О ужасъ!... толщиной онъ съ Проптера (*) казался,
Но спичкой сталъ, когда отъ драмы опростался.
Страхъ, свѣтлый день тогда преобратилъ мнѣ въ ночь.
Я обмеръ и не могъ уйти отколѣ прочь.

(*) Извѣстный Англинской купецъ своею чрезвычайною толщиною.

Тиранъ сей пользуясь моимъ ослолбѣненьемъ,
Чтобъ умертвить меня шетрати толстой чтеньемъ
Въ кафтанну петлю мнѣ свой перстъ загнулъ какъ крюкъ
И средства тѣмъ лишилъ избѣгнуть лютыхъ мукъ.
Любуяся своей стищистою громадой,
Котору называлъ поэзіи Палладой,
Безсиленъ удержать ее одной рукой
Онъ дядю бѣднаго преобратилъ въ налой,
И на мое плечо взвалилъ тяжело бремя.
„Безчеловѣчное ты демонское сѣмя!„
Ему я закричалъ, отъ тягости крехтя.
Тогда на толстый пень сложивъ свое дитя,
Который близко насъ мнѣ къ щастію случился,
Читаніемъ стиховъ душить меня пустился.
Уже ударивъ часъ меня къ обѣду звалъ,
А варваръ чтеніе лишь только начиналъ.
Ротъ въ пѣнѣ былъ его и очи помутились,
Всѣ чувствія его лишь въ драму углубились.
Примѣтя то, что бы себя освободишь
Я лучше захотѣлъ кафтанъ мой погубить,
Которымъ онъ ко мнѣ держался прицѣпяся.
Отъ грусти полумертвъ досадуя, сердяся
Тишкомъ съ себя кафтанъ нещастный я стащилъ;
Отъ радости тогда и стыдъ и все забылъ.
Благодаря меня освободившей долѣ,
Я бѣгомъ отъ врага избавился въ камзолѣ,
И изъ дали смотря доволенъ, хохоталъ,
Что драму моему кафтану онъ читалъ.

Теперь на это все разсудка окомъ глядя,
Скажите виненъ ли въ его безпутствѣ дядя?

ПОСЛАНІЕ ПРЕЛЕСТНИЦАМЪ.

О вы распрепанны, иль убранныя чоской,
Съ духами пудренны, или мукой съ известкой,
На дрожкахъ скачущи, въ каретахъ иль пѣшкомъ!
Опомнитесь, очнитесь
И духомъ вспрепенитесь,
То зря, что ваши дни вверьхъ дномъ.

Во унизительномъ для человѣка рокѣ,
Въ нечистомъ черпая вы жизнь свою потокѣ,
На мѣсто, чтобъ его вамъ воды очищать,
Вы вашимъ неискуствомъ,
Толь сходнымъ съ грубымъ чувствомъ,
Стремитесь болѣ загрязнять.

На крыльяхъ времени ша прелесть улетаетъ,
Котору всякъ за рубль съ презрѣньемъ покупаетъ:
Увядша красота изсохшій есть цвѣтокъ,
Презрительная бѣдность,
Скорбей, болѣзней блѣдность,
Вотъ неразумія вѣнокъ.

Умнѣе будьте вы; во всякомъ состояньѣ
Возможно заслужить почтенье и вниманье:
Что дорого, лишь то намъ мило, хоть и вздоръ.
Вы будьте подороже
И кушанье хоть тоже
Кладите только на форфоръ.

И паисна икра въ Италіи въ почтеньи,
И наши кислы щи въ Парижѣ въ уваженьи;
У насъ ихъ мужики, а тамъ Маркизы пьютъ,
И все то, что гдѣ рѣдко,
Къ тому желанье метко,
Къ тому стремится весь нашъ трудъ.

Разсудку тонкому, искусству, все возможность;
Возьмите вы въ примѣръ Голландцовъ осторожность;
Они равно какъ вы торговлею живутъ,
И много собирая,
А мало выпуская,
Излишество товаровъ жгутъ. (*)

Подобно сдѣлайте товары ваши рѣже,
Для тѣхъ, которые запутались во мрежѣ,
Что ставитъ красотой природа для сердецъ. —
Тожъ будетъ, да не тоже,
Дурное попригоже,
И вы пріятнѣй наконецъ.

Когда возвысятся толь низки ваши цѣны,
То вы увидите велики перемѣны;
И злато и сребро съ почтеньемъ потечетъ:
У насъ лишь то почтенно,
Что только очень цѣнно;
Таковъ, сударыни, весь свѣтъ.

Представьте вы себѣ прелестницъ иностранныхъ:
Не всякъ ли приметъ ихъ за барынѣй избранныхъ?
Ихъ домы кажутся жилищами боговъ;
Лишенные свободы
Толпятся вкругъ народы,
Стараясь быть въ числѣ жрецовъ.

(*) Извѣстно, что Голландцы торгуя вездѣ пряными кореньями, чтобъ ихъ цѣны не уронить, выпускаютъ каждый годъ равное количество; а остатки сожигаютъ.

А васъ, какъ должно, васъ все это безпокоитъ?
Любовникъ мнимой вашъ не хочетъ удостоить,
Чтобъ даже именемъ васъ полнымъ называть:
Какъ ваша участь тяжка!
Зовутъ васъ Лизка, Машка,
Чтобъ васъ какъ можно унижать.

Коль суждено, чтобъ вся была жизнь ваша шалость,
Коль цѣломудріе считаете за малость;
Шалите, только лишь шалите вы съ умомъ:
Себя вы почитая,
Умѣйте, уловляя,
Зло само окончать добромъ.

Во древни времена Аспазіи, Лаисы,
То ль были, что у насъ иль Паши, или Лизы?
Богатствомъ, собраннымъ въ распутнѣйшей судьбѣ,
Народы зданья строя
Богамъ иль въ честь Героя,
Умѣли честь снискать себѣ.

И нынѣ на брегахъ прославленныя Сены
Достойныя похвалъ такія жъ есть Сирены;
Скрывая свой порокъ ихъ добрая душа,
Въ раскаяніи тужитъ
И свѣту пользой служитъ,
Благотвореніемъ дыша.

БАСНИ.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Дубъ гордый, головой касаяся до неба,
На гибку трость смотрѣлъ съ презрѣньемъ съ высоты.
„Какая, говорилъ онъ ей, въ тебѣ потреба?
„Пастушей простошы
„Игра и шутка,
„Бываетъ изъ тебя лишь только дудка;
„Изъ вѣтвій же моихъ, полубогамъ вѣнцы
„Сплѣтаются, побѣды ихъ въ награду.
„Героямъ я даю отраду;
„А ты.... утѣха ты барана, иль овцы.
„Твореніе презрѣнно цѣлымъ міромъ,
„Что дуешъ, ты всему покорная раба;
„Ты даже спину гнешь предъ слабенькимъ Зефиромъ,
„А мнѣ ничто Бореева труба.„
Какъ водится предъ знатнымъ господиномъ,
Предъ силой коего все мѣлкая черта,
Трепещущая трость, не развѣвая рта,
Почтенному дубовымъ чиномъ,
Чтобъ лишнихъ избѣжать суетъ,
Даетъ нижайшими поклонами отвѣтъ.
Но вотъ, нахмуря брови чорны,
И вѣтренну Борей разинувъ хлябь,
Съ дождемъ мѣшая пыль, кричитъ: все бей, все грабь;
Всѣ власти лишь моей, всѣ быть должны покорны!
Тирану этому, уклончивая трость,
Опять согнувъ хребтову кость,
Покорно бьетъ челомъ, ему упавши въ ноги.
Не прикоснулася Бореева къ ней злость;

Безвредно ей, онъ мчится по дороги
Туда, гдѣ крѣпкой дубъ стоитъ;
Онъ ждетъ и отъ него поклона,
Но дубъ отъ спеси лишь крехтитъ:
Не хочетъ дубъ нести Бореева закона.
Сильнѣе вѣтеръ тамъ, гдѣ болѣе упоръ,
И гнѣвается Борей безмѣрно скоръ;
Съ такою яростью на дубъ упрямый дунулъ,
Что съ мѣста онъ его и съ корнемъ ссунулъ.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

За беззаконіе львовъ, шигровъ, барсовъ,
Четвероножныхъ оныхъ Марсовъ,
Которымъ отданы въ правленіе лѣса,
Разгнѣванныя небеса
Послали моръ; валятся звѣри,
Повсюду къ смерти имъ отверзты страшны двери:
Окончились пиры, которые они
Въ спокойны прежде дни
На щетъ овецъ и зайцевъ устрояли;
И звѣри въ ужасѣ уже не звѣри спали.
Изнемогаютъ всѣ, хоть смерть разитъ не всѣхъ.
Гусей и куръ лисицы не вкушаютъ,
И горлицы другъ друга убѣгаютъ.
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ ушѣхъ.
Гласъ добродѣтели самъ хищный волкъ сталъ слушать,
Исправилъ наконецъ и волкъ свой грѣшный вѣкъ
И сталъ онъ добрый человѣкъ;
Но отъ чего?... не хочетъ болѣ кушать.
Сбираетъ левъ совѣтъ, и говоритъ: друзья!
„Конечно за грѣхи нещастье намъ такое.
„Чтобъ отвратить толико время злое,
„Кто всѣхъ грѣшнѣй, хотябъ то былъ и я,
„Тотъ долженъ искупить все общество собою,
„Тотъ долженъ умереть за общество одинъ
„И будетъ славный онъ по смерти господинъ.
„Доволенъ бы я былъ моей судьбою,

„Когдабъ грѣшнѣе всѣхъ я былъ;
„Я жизніюбъ народъ звѣриный искупилъ,
„И имя было бы мое всѣхъ львовъ слышнѣе.
„Я признаюсь, и я не безъ грѣха,
„Ѣдалъ я и овецъ, ѣдалъ и пастуха;
„Но я не ужто всѣхъ грѣшнѣе?
„Пусть всякъ подобно мнѣ, открывъ смиренный духъ,
„Покаялся, грѣхи свои раскажетъ въ слухъ.
„Великій государь! лисица возглашаетъ,
„Ты праведенъ и милосердъ всегда;
„Твоя священна лапа иногда,
„Овецъ любя, тазаетъ?
„Но что же это за бѣда?
„Что ихъ изволишь кушать.
„То честь для подлости такой;
„Они на то и созданы судьбой.
„Нѣтъ, слишкомъ совѣсти своей изволишь слушать.
„И такъ же нѣтъ грѣха
„Терзать и пастуха;
„Онъ изъ числа той шварни пренесносной,
„Которая, не знаю по чему,
„Во гордости звѣрямъ поносной
„Не ставя мѣры своему
„Уму,
„Себѣ владычество надъ нами присвояетъ,
„И даже и на льва съ презрѣніемъ взираетъ.„
Извѣстно, ежели кто вступится за льва,
Съ тѣмъ будутъ всѣ согласны:
И такъ лисицыны слова
Казались всѣмъ и правы и прекрасны.
Не смѣли также разбирать
Грѣхи волковъ, медвѣдей строго,
И словомъ то сказать,
Кто былъ драчунъ хотя немного,
Тотъ былъ и праведенъ и святъ.
Кто силенъ, никогда не будетъ тотъ повѣшенъ....
Но вотъ валитъ оселъ, преглупый пустосвятъ,
И говоритъ: я много грѣшенъ!

Богиня и сама
Лишась ума
Итаксому Царю тѣмъ стала быть подъ властью.
Вѣдь у Богинь не какъ у насъ;
Что вздумаютъ, тутъ былобъ тотъже часъ.
Онѣ нетерпѣливы,
И менѣе людей стыдливы;
Что на сердцѣ, того не потаятъ.
Испившая любовный ядъ
Итакскому Царю сказала:
Люби меня.... отъ сердца моего,
Чегобъ душа твоя не пожелала,
Проси всего.
Тѣмъ пользуясь Улиссъ, ей отвѣчаетъ:
Коль хочешь показать мнѣ знакъ любви твоей,
Которыхъ власть твоя караетъ,
Моихъ сопутниковъ переверни въ людей.
Исполнить я твое желаніе готова:
Царица говоритъ, когда есть воля ихъ,
Поди, спроси ты самъ у нихъ;
Я возвращаю имъ даръ слова.
Ей Царь отдавъ поклонъ,
Къ сопутникамъ не медля поспѣшаетъ,
И человѣчества уронъ
Поправить обѣщаетъ....
Левъ первый съ ревомъ возглашаетъ,
Являя гнѣва жаръ!
Оставлю ли я львиной даръ
Когтей, зубовъ ужасныхъ,
Сей страхъ звѣрей подвластныхъ.
Между звѣрей
Я тожъ, что ты между людей.
Я Царь Улиссу равный,
Такъ буду ль мѣщанинъ въ Итакѣ я безславный!
Оставь меня, хочу остаться вѣчно львомъ.
Неси къ другимъ свои ты враки....
Съѣлъ грибъ нашъ Царь Итаки
И прочь отходитъ со стыдомъ,

УЛИССЪ И ЕГО СОПУТНИКИ.

Извѣстно всѣмъ, что былъ Улиссъ Итаки Царь,
И что сопутниковъ его въ различну шварь,
Почтенія къ боярамъ не имѣя,
Дочь солнцева ворожея Цирцея
Оборотила всѣхъ посредствомъ питія,
Котораго не понимаю я.
Напившися, сперва разсудокъ потеряли;
Потомъ перемѣня свой видъ,
Иные вдругъ мычать, другіе лаять стали;
Иные силою копытъ
Прохожимъ угрожали;
Иные всѣхъ бодали,
Другіе всѣхъ кусали.
Одинъ Улиссъ остался человѣкъ:
Улиссъ прямой былъ Грекъ,
А Грека не обманешь.
Улиссъ не промахъ былъ,
Обвороженнаго питья не пилъ....
Что дѣлать станешь?
Гдѣ нѣчего намъ силой взять,
Тамъ должно кланяться, ласкать....
Улиссъ былъ молодъ и прекрасенъ,
Щеголеватъ, уменъ, и милъ лицомъ;
А потому для женщинъ былъ опасенъ;
И такъ другимъ поддѣлъ колдунью колдовствомъ,
А именно любовной страстью.

Богиня и сама
Лишась ума
Итаксому Царю тѣмъ стала быть подъ властью.
Вѣдь у Богинь не какъ у насъ;
Что вздумаютъ, тутъ былобъ тотъже часъ.
Онѣ нетерпѣливы,
И менѣе людей стыдливы;
Что на сердцѣ, того не потаятъ.
Испившая любовный ядъ
Итакскому Царю сказала:
Люби меня.... отъ сердца моего,
Чегобъ душа твоя не пожелала,
Проси всего.
Тѣмъ пользуясь Улиссъ, ей отвѣчаетъ:
Коль хочешь показать мнѣ знакъ любви твоей,
Которыхъ власть твоя караетъ,
Моихъ сопутниковъ переверни въ людей.
Исполнить я твое желаніе готова:
Царица говоритъ, когда есть воля ихъ,
Поди, спроси ты самъ у нихъ;
Я возвращаю имъ даръ слова.
Ей Царь отдавъ поклонъ,
Къ сопутникамъ не медля поспѣшаетъ,
И человѣчества уронъ
Поправить обѣщаетъ....
Левъ первый съ ревомъ возглашаетъ,
Являя гнѣва жаръ!
Оставлю ли я львиной даръ
Когтей, зубовъ ужасныхъ,
Сей страхъ звѣрей подвластныхъ.
Между звѣрей
Я тожъ, что ты между людей.
Я Царь Улиссу равный,
Такъ буду ль мѣщанинъ въ Итакѣ я безславный!
Оставь меня, хочу остаться вѣчно львомъ.
Неси къ другимъ свои ты враки....
Съѣлъ грибъ нашъ Царь Итаки
И прочь отходитъ со стыдомъ,

И говоритъ медвѣдю:
Тебя опять я къ людямъ присосѣдю,
Мой другъ! мнѣ стыдно за тебя;
Смотри, какою
Обросъ ты бородою;
Не брѣешь ты себя,
Ногтей не остригаешь,
Волосъ не завиваешь;
Твой взоръ угрюмъ, суровъ.
Каковъ ты прежде былъ и сталъ теперь каковъ....
Каковъ?... таковъ, какъ быть медвѣдю нада.
Тебѣль судить?
Тебѣль рядить
О красотѣ медвѣжья склада?
Спроси медвѣдицу о томъ;
Пригожъ ли я, она то скажетъ,
Она тебѣ докажетъ,
Что съ гладкимъ ты лицомъ,
Колико ты ни чванишся собою,
Уродъ передо мною.
Не нравлюсь я тебѣ;
Поди же мимо;
И будь тебѣ вѣстимо,
Что мнѣ угодно въ вѣкъ въ медвѣжьей быть судьбѣ.
Въ другой разъ Царь Итаки съ носомъ
Отправился съ такимъ же спросомъ
Къ ослу, который до сего,
Какъ всѣ сопутники, былъ баринъ у него;
И такъ его увѣщаваетъ:
Хотя ты межъ людей
И не былъ грамотей;
Однако же твой Царь не чаетъ,
Чтобъ не любя ни прозы, ни стиховъ,
Бѣжа людскаго просвѣщенья,
И презирая свѣтъ ученья,
Любилъ ты лучше жить средиословъ....
У всякаго свой вкусъ, а у меня ослиной;
И тотъ же часъ, какъ сдѣланъ я скотиной,

Не ощутилъ премѣны никакой.
Доволенъ я моей судьбиной.
Поди.... простись на вѣкъ со мной....
Ни въ комъ не видя толка,
Царь щастья испытать
Еще хотѣлъ у волка....
Не стыдно ли жизнь волчью провождать
Честному человѣку,
И лютымъ сплавъ врагомъ овечью вѣку,
Прекраснымъ горести пастушкамъ приключать?
Оставь лѣса, свирѣпость позабудь,
И человѣкомъ ты честнымъ опять пребудь....
Честнымъ?... да много ль же ихъ въ вашемъ родѣ?
Какъ былъ я человѣкъ, ихъ право не знавалъ.
Но говоря съ тобой въ свободѣ,
Скажи, не ѣшь ли ты и самъ овецъ?
А что бы наконецъ
Тебѣ ошвѣшствовать отрѣзомъ,
За недостаткомъ зубъ желѣзомъ
Другъ другу за слово пронзая грудь,
За честь, а иногда и за кривые толки,
Ко смерти находя себѣ пространный путь;
Не тѣ ли же вы сами волки?
Престань нашъ родъ бранить;
И чтобъ изъ двухъ одно избрать дурное,
Такъ вѣдай: волкомъ быть
Честнѣе втрое....
Опять Улиссъ
Орѣха не разгрызъ.
Потомъ къ какимъ животнымъ ни совался,
Они животными, а онъ Улиссъ остался.

МЕРКУРІЙ и АПОЛЛОНЪ,

согнанные съ небесъ.

Меркургій, Аполлонъ съ царемъ боговъ Зевесомъ,
Не вѣдаю за что, когда и какъ,
Поссоряся, ему сказали: ты дуракъ!
Не нада ссоришься съ могущимъ куролесомъ.
Юпитеръ имъ за дурака
Далъ съ неба тумака.
Свалились съ верху оба боги;
Богамъ давай богъ ноги:
Скитаются два друга по землѣ.
Но если кто у насъ не хочетъ быть во злѣ,
Имѣть казну онъ долженъ непремѣнно.
Безъ денегъ все у насъ не цѣнно,
Безъ нихъ и боги здѣсь не стоятъ ничего.
Такая у людей натура.
Умналъ она, иль дура,
Нѣтъ нужды въ баснѣ до того,
И не мое то дѣло.
Вотъ, о богахъ такъ смѣло,
Что хочешь, можешь все болтать;
Съ людьми же нада скромно поступать;
Они шутить не любятъ.
Военные изрубятъ,
Подъячіе въ судахъ сожмутъ,
Потомъ безчестіе возмутъ;

А знатные бѣда, когда не взлюбятъ.
И такъ тутъ дѣло не о нихъ;
А только, что Меркурій съ Аполлономъ,
Оглушены Зевесовымъ презвономъ,
Забыли въ торопяхъ о кошелькахъ своихъ,
И не взяли съ собою съ неба ихъ.
То голодъ,
То холодъ
Ихъ жмутъ;
А даромъ ничего подъ небомъ не даютъ....
Охъ! дурно Аполлонъ, на этомъ бѣломъ свѣтѣ,
Меркурій говоритъ; и по моей бы смѣшѣ,
Забывъ, что биты мы,
Полезнѣй намъ Зевесу поклониться,
Чтобъ на небо опять позволилъ ворошиться
Изъ этой страшной бѣдства тьмы.
Но Аполлонъ прямой піита,
Имѣя душу, былъ спесивъ,
И помня, что спина его побита,
Сказалъ со гнѣвомъ на отрывъ
Своимъ великолѣпнымъ слогомъ:
Кто силою одной
Владѣть желаетъ мной,
И кто драчунъ, того не чту я богомъ,
И стыдно мнѣ ему отдать поклонъ.
Извѣстно всѣмъ, кто этотъ Аполлонъ.
Въ стихахъ разноманерныхъ,
И въ мѣрныхъ и не мѣрныхъ,
Получше, какъ иной, и въ прозѣ говоритъ;
Противъ его стиховъ ничто не устоитъ;
Окромѣ кулаковъ Зевеса грубіяна.
И такъ быть лучше безъ кафтана,
Безъ башмаковъ,
И безъ всего, что кончится на овъ,
Меркурій согласился
И съ Аполлономъ въ спесь пустился....
„Однако чѣмъ мы станемъ жить?
„Подумай, нада ѣсть и пить,

„И словомъ то сказать, для свѣтскаго обряда
„Чего не нада!
„Иные скажутъ: вотъ какъ боги пѣхшуромъ;
„Другіе такъ: какіе это боги!
„Ихъ фраки всѣ въ дырахъ, въ грязи ихъ ноги,
„И въ одѣяніи и бѣдномъ и дурномъ,
„Безъ пудры, безъ помады,
„И жизни мы не будемъ рады
„И честь боговъ ударимъ въ грязь лицомъ.„
Чтожъ дѣлать? Аполлонъ другаго вопрошаетъ....
Что дѣлать? деньги добывать,
Меркурій отвѣчаетъ....
Да какъ?... Мы станемъ торговать.
Здѣсь всѣ живутъ торговлей;
И кто хоть мало не дуракъ,
Тотъ кормится и такъ и сякъ;
Иные рыбной ловлей,
Иные совѣстью, иные и умомъ,
Который если безуспѣшенъ,
Бываетъ очень грѣшенъ,
И онъ тогда зовется плутовствомъ;
А если есть успѣхъ, тогда съ покорствомъ
Его зовутъ проворствомъ....
Нѣтъ! намъ
Богамъ
То будетъ срамъ,
Когда, начавъ какъ смертные проворить,
Возможемъ здѣсь съ судьями мы повздорить.
Коль нада торговать,
Мы станемъ промышлять
Товаромъ благороднымъ,
Однимъ богамъ природнымъ;
А имянно умомъ,
Который просвѣщаетъ
И добродѣтели внушаетъ....
Нѣтъ другъ, не скопишь этимъ домъ,
Меркурій отвѣчаетъ,
Который свѣтъ побольше знаетъ.

Однако нада быть всегда согласну въ томъ,
Чего Лапонинъ сынъ желаетъ.
Отправились безсмертны торгачи
Въ столицу славную на рынокъ,
Не много было съ ними скрынокъ;
Хотя умомъ они и богачи;
Да умъ не какъ товары модны,
Не много мѣстъ займетъ.
Увидимъ, на него каковъ расходъ.
Чіи догадки съ дѣломъ сходны.
Кто правъ, Меркурій ли, иль гордый Аполлонъ?
Послѣдній думая, что разумъ все вмѣщаетъ,
Кричитъ: всякъ купитъ все у насъ, чего желаетъ.
На рынкѣ сдѣлался отъ давки крикъ и стонъ:
Вотъ новые купцы и всякіе товары!
Народъ какъ валъ шумя валитъ;
По нраву всякъ себѣ товаръ сулитъ.
На бѣгунахъ летающи угары
Купить приходятъ рысаковъ.
Охотники до птичекъ
Идутъ купить синичекъ,
Чижей, дроздовъ,
Съ приборомъ клѣтокъ;
Съ мѣшками множество явилось богачей,
Со прелестьми толпа кокетокъ,
Съ бадинами препропость щеголей:
Иной желаетъ сѣтокъ,
Иной сукна, иной тафты, иной парчей,
Иные деньги вынимаютъ,
Иные на кредитъ.
Но Аполлонъ казался имъ сердитъ;
И всѣ Меркурія ласкаютъ.
Какъ! кажется, ты какъ-то намъ знакомъ?
Узнавъ Меркурія прекрасны покраснѣли;
А щеголи смѣяся зашумѣли:
Начто связался ты съ угрюмымъ дуракомъ?
Какъ будто торговать одинъ и не умѣешь:
Повѣрь, въ дѣлахъ скорѣе ты успѣешь,

Съ людьми умѣя поступать:
Охотнѣй у тебя всѣ станутъ покупать;
Кажи скорѣй товаръ, или хотя обращикъ.
При Аполлонѣ нашъ Меркурій не раскащикъ;
И чтобъ бѣду съ себя свалить долой,
Сказалъ: я только что прикащикъ,
А вотъ хозяинъ мой.
Тогда спищиста краснобая
Отверзлися уста.
Какъ всѣ купцы свои товары похваляя,
Подобно онъ воспѣлъ: се время що наста,
Въ которо надлежитъ вселенной просвѣтиться!
Да не дерзнетъ никто изъ васъ надеждой льстишься,
Чтобъ мой товаръ обыкновенный былъ;
Небесный онъ товаръ, товаръ неоцѣненный!
И должно, чтобъ его для духа всякъ купилъ.
Въ то время Фебовъ гласъ надмѣнный
Красавицъ голосъ перебилъ.
А! а! духами онъ торгуетъ видно;
Да естьли у тебя а ла дюшесъ?...
Купцу небесному безмѣрно стало стыдно,
Что будто онъ съ небесъ
Помаду только лишь принесъ.
И такъ Риторику свою оставя,
Сказалъ онъ напрямки:
Вы люди чудаки,
Что вы себя людями ставя,
Къ бездѣлкамъ лакомы, а что нужнѣй всего,
И нѣтъ вамъ нужды до того:
Я умъ привезъ, вотъ вся моя продажа.
Поднялся хохотъ, шумъ;
Кто думаетъ, что бы ему былъ нуженъ умъ?
И всякъ себя уважа,
Презрѣвъ товаръ и ссоряся съ купцомъ,
Чтобъ не казаться дуракомъ,
Бѣжитъ ума далеко.
Ошибся очень Аполлонъ.

Его печально видитъ око,
Что жить ему съ однимъ умомъ не льзя широко,
И что въ торговлѣ той ему великъ уронъ.
Съ тѣхъ поръ во всемъ Меркурію послушенъ,
Сговорчивъ Аполлонъ, поклонщикъ, малодушенъ.

МЕРКУРІЙ и РѢЩИКЪ.

Меркурію въ житье съ богами неразлучно,
На небѣ стало очень скучно
Не знать въ какой на свѣтѣ онъ цѣнѣ....
Онъ богомъ былъ.... такъ чтожъ? Вѣдь кто на вышинѣ,
Тому хотя поклоны отправляютъ;
Но иногда всѣмъ сердцемъ презираютъ.
И такъ Меркурій нашъ отправился на низъ,
Закушавъ божескихъ великолѣпье ризъ
Въ простую епанчу суконну,
Чтобъ сердца въ глубину бездонну
Людей, проникнуть легче могъ;
И чтобъ узнать, въ душѣ такое ли почтенье
Какъ и наружное во храмахъ обоженье.
Каковъ бы ни былъ, каждый богъ
Безмѣрно хочетъ вѣдать,
Что люди говорятъ о немъ,
Тогда ль, какъ сядутъ пообѣдать
И развернувъ сердца виномъ,
Въ весельи просто, безъ искуства,
Ліютъ свои на ружу чувства;
Или иначе какъ.
Меркурій не дуракъ,
То всякому извѣстно
Кто жизнь его читалъ.
То правда, не всегда онъ честно,
Однакоже всегда по людски поступалъ:
И часто Купидонъ, колико ни коваренъ,
Его себѣ на помочь звалъ,

И былъ ему за то безмѣрно благодаренъ;
То есть, какъ значитъ то приказный шпиль,
Амуръ ему плашилъ.
И вотъ Меркурій нашъ уже и въ городъ входитъ.
Домъ славна рѣщика нечаянно находитъ.
По вывѣскѣ не трудно то сыскать.
На ней написано: Здѣсь боги есть продажны.
„Вотъ тутъ то я могу узнать,
„Которые для смертныхъ боги важны„
Меркурій самъ себѣ сказалъ
И рѣщику предсталъ.
„Что стоитъ сей Зевесъ и съ громомъ?... Пять рублей.
„А этотъ Аполлонъ?... Четыре....
Возможно ли богамъ такъ славнымъ въ цѣломъ мірѣ
Толь мало стоить у людей!
Меркурій самъ съ собою разсуждаетъ;
Однакоже не такъ-то виненъ свѣтъ,
Что мало этихъ двухъ безсмертныхъ почитаетъ:
Одинъ всегда гремитъ, другой всегда поетъ.
Отъ нихъ нѣтъ проку никакаго.
Вотъ о себѣ безъ лести я скажу,
Что свойства я со всѣмъ инаго;
Себя стократъ полезнѣй нахожу
Между людей торги я разные вожу.
Сей мыслію надмѣнный
И по уши въ себя влюбленный,
Сказалъ: „я думаю, Рѣщикъ,
„Ты за Меркуріевъ почтенный свѣтомъ ликъ
„Запросишь золота?... „Никакъ; я словъ не трачу,
„Коль купишь у меня кого изъ двухъ боговъ,
„Повѣсу этаго, тебѣ готовъ
„Я даромъ уступить въ придачу.„
Вотъ такъ-то, о себѣ мечтая высоко,
Мы часто падаемъ безмѣрно глубоко.

РЫБАКЪ.

Жилъ, былъ охотникъ рыбу удить.
Кто рыбу удилъ иногда,
Тотъ всякъ легко разсудитъ,
Какого стоитъ то труда,
Какого безпокойства.
Охота рыбная не годна никуда;
Не моего охота эта свойства;
Однако же у всякаго свой вкусъ.
Рыбакъ мой былъ не трусъ,
Сидитъ онъ у пруда, у озера, у рѣчки,
Бросаетъ уду днемъ, бросаетъ и при свѣчки;
Но рыба не клюетъ,
Ловецъ напрасно рыбки ждетъ:
Сидитъ вся рыба дома,
Боится рыбака, какъ чортъ боится грома:
Казалось, что въ водахъ нѣтъ больше рыбъ;
Иной бы не привыкшій къ скукамъ
Охоту всю свою отщибъ
Къ форелямъ, къ судакамъ и щукамъ.
Я плюнулъ бы на мокрыхъ сихъ бояръ:
Пускай ихъ чванятся и не хотятъ казаться;
А я для этаго ужъ слишкомъ старъ,
Что бы нѣмыхъ въ передней дожидаться.

Однако же надежда рыбака
Толкаетъ подъ бока
И много рыбъ ему сулитъ на уду.
Вотъ такъ
Мой думаетъ рыбакъ:
Сегодни счастливѣй я буду,
Сегодни много наловлю,
И насушу, и насолю,
Ухою голодъ утолю,
Сухояденіе вчерашнее забуду.
Съ такой надеждою ранехонько всшаетъ,
И рыбъ опять обманывать идетъ.
Ужъ подъ вечеръ, какъ онъ отчаявался,
И вправду карпъ ему попался.
Ошяжелѣлъ на удѣ крюкъ
И уда задрожала.
Весельемъ въ рыбакѣ душа вострепетала.
Карпъ вытащенъ изъ влаги вдругъ:
Карпъ этотъ былъ дороденъ, плотенъ,
Какая радость! кто ѣсть рыбъ охотенъ.
Здорова карпъ, здорова ты, мой другъ!
Рыбакъ мой восклицаетъ;
Уже давно тебя очагъ мой ожидаетъ,
На ужинъ милости прошу къ себѣ:
Я голоденъ, ты жиренъ,
Я въ ужинѣ себя дамъ знать тебѣ.
Но карпъ мой дикъ, не смиренъ,
Онъ людямъ не знакомъ:
За ужиною съ рыбакомъ
Быть не намѣренъ и не хочетъ,
Вершится на крюку, хлопочетъ,
Не долго поскакавъ
И уду оторвавъ,
Къ безмолвному народу
Какъ воздухъ бьетъ стрѣла насквозь,
Такъ поплылъ онъ сквозь воду,
И сдѣлалъ рыбака хошь брось.
Мы всѣ сему подобно

За случаемъ гонясь,
По времени вершясь,
И время наконецъ сыскавъ удобно,
Хватаемся съ восторгомъ за случай;
Но щастье не взначай
Себя перемѣняетъ,
И своего мстца
Какъ рыбъ сего ловца
Съ насмѣшкой оставляетъ.

СКАЗКИ.

ПОПУГАЙ.

Естьли не поэма, такъ сказка.

Пою несчастье попугая. —
Чемужъ смѣешеся другъ другу вы мигая?
Чтобы все пѣшь, у Музъ такой манеръ;
Героя ль моего пренебрегая
Смѣешеся, что онъ не знатный кавалеръ?
Но чемъ же онъ Улисса хуже?
Которой долго такъ
Носимый бурями, почти на лужѣ,
Скитался какъ дуракъ;
И до двора не могъ найши дороги.
А моего, на крыльяхъ вѣтровъ, боги
Изъ Индіи чрезъ Океанъ промча,
Вкушавшаго плоды тамъ сладки —
Въ Россію привезли для вкуса калача,
Бонбоновъ и блаженствъ, которы были крашки.
И такъ не смѣйтеся поэму я свяжу;
А естьли чтобъ я пѣлъ, на то несогласитесь;
Вы только не сердитесь
Я вамъ и просто разскажу.

Была старушка, мать степенна, богомольна,
Съ прекрасной дочерью своей судьбой довольна,
Тужила лишь о томъ крушась,
Что сынъ ея за славою гонясь,

Отправился съ полкомъ по ближе къ смерти.
И такъ примѣтьте, сынъ военный человѣкъ.
Вы знаете, военны люди черти,
И ихъ отъ нашего со всѣмъ отмѣнный вѣкъ.
Межъ тѣмъ и матери и дочери прелестной,
Судьбою не весьма чудесной;
А имянно за нѣсколько рублей,
Достался попугай на биржѣ съ кораблей.
Какая въ скукѣ имъ отрада;
За сына отъ Небесъ, за браша имъ награда.
Вотъ птица райская старушка говоритъ;
А дочь! „какой прекрасной видъ!

„И наши щеголи въ своихъ нарядныхъ фракахъ
„Не могутъ съ нимъ сравняться пестротой;
„Ниже съ его любезной остротой
„Въ своихъ манерныхъ вракахъ.
„Какъ онъ учтивъ! какъ знаетъ свѣтъ!
„Предъ нимъ скоты, всѣ птицы Руски.
„Ахъ! матушка, онъ знаетъ по Французски,
„Кричитъ: bon jour! bon jour Marionette!
„Да по чему мое онъ имя знаетъ?
„Вы слышите ль? — меня онъ Марьей называетъ?

Старушка нѣсколько пожалась тутъ:
„Ахти! не вѣдьма ль птица эта?
„Не зная, знаетъ то, какъ дочь мою зовутъ?
„Не наущеньемъ ли, то демонска совѣта?„
„И матушка! какъ можно думашь такъ;
„Какая есть на ней чертовщины примѣта?
„Прекрасной птицы видъ, ея небесной зракъ;
„При томъ же и языкъ Французской разумѣетъ.
„Со мною онъ неотступѣетъ.
„Онъ милъ; но выведу его я болѣ въ свѣтъ. —
„Однакожъ, Машинька! старушка такъ въ отвѣтъ:
„И о душѣ его намъ нада постараться,
„Пусть будетъ онъ съ тобой, какъ будешь убираться;
„Со мною же онъ, каждой часъ,

„Ко благонравію пусть будетъ пріучаться. —
„Съ тобой къ манерамъ какъ-то водится у васъ.„
И такъ и мать и дочь на перерывъ милуя
Какъ душу Попиньку любя,
Желали кажда для себя;
Старушка о душѣ ему всегда толкуя,
Всѣ утренни часы лишь съ нимъ употребя;
А Машинька его цѣлуя,
Charmant objet учила выпѣвать,
Какое тутъ смѣшенье!
Никто какъ онъ благое пѣнье,
Съ любовнымъ не умѣлъ такъ сладко соглашать,
Со умиленіемъ отъ сердца воздыхать,
И сахары изъ рукъ съ учтивостью клевать!
Велико дѣло воспитанье!
Ласкаемъ и любимъ заморской кавалеръ,
Какъ нравиться, давалъ и щеголямъ примѣръ.
Его прелѣстно лепетанье,
Пристойно завсегда,
Не испуская никогда
Тѣхъ словъ, которы тьму вреда
Злословіемъ приводятъ въ краску.
Въ бесѣдѣ ласкою платя за ласку,
Красавицамъ кричалъ: je vous adore;
Цѣлующимъ: цѣлуй меня encore;
Старушкамъ: ну, подите съ Богомъ.
Вотъ такъ то отвѣчалъ
Разумникъ всѣмъ вдругъ разнымъ слогомъ.
Подобно Цесарь вдругъ, и самъ писалъ
И сказывалъ другимъ, со всѣмъ другія строки.
Такіе то Жако имѣлъ
Таланты превысоки,
И такъ-то онъ въ наукахъ преуспѣлъ.
Съ такимъ достоинствомъ не долго быть безъ славы.
За то что дали толь благіе нравы,
Мать съ дочерью въ награду за труды,
Свой зрѣли полонъ домъ всечасно.
Знакомства новыя! и всѣ везутъ плоды,

Конфекты, сухари, бонбоны!— какъ прекрасно!
Катается Жако какъ въ маслѣ сыръ.
И всякой день ему такой же пиръ,
Какой откупщики даютъ боярамъ рѣдко;
Однакожъ мѣшко.
Всегда между людей
Жако какъ будто кознодѣй.
Съ вершины позлащенной клетки,
Собранья привлекалъ, вниманіе и взоръ.
И петиметры и кокетки,
И матушекъ и тетушекъ соборъ;
Всѣ знатны кавалеры,
И разны Офицеры,
Любили говорить съ нимъ, такъ какъ межъ собой.—
Ахъ, долго ль, Попинька! блаженной толь судьбой
Ты будешь наслаждаться? —
Какъ можетъ молодость легко избаловаться!

О ты! дѣтина изъ дѣтинъ!
Смиренной матери, о беззаконный сынъ!
Прекрасныя сестры, о братецъ преразвратный!
Почто съ полкомъ своимъ вступаешъ въ путь обратный?
Идетъ, пришелъ и въ лагерь спалъ,
И къ матери въ минуту прискакалъ.
Сказавъ разъ нѣсколько: „А матушка! — сестрица!„
Онѣ ему: „а сынъ!— а братецъ дорогой!„ —
Онъ вдругъ спросилъ у нихъ: давно ли эта птица?„
„Тотъ часъ какъ мы разстались съ тобой.
„Ахъ! естьлибъ братецъ зналъ, какой же онъ проказникъ!„
„Ахъ! естьлибъ сынъ ты зналъ, какой же онъ острякъ!
„Какой смиренница!— какой не блазникъ!„
„При томъ же братецъ онъ и не дуракъ. —
„Любезный сынъ, его такое повѣденье,
„Что естьлибы такой сыскался женишокъ,
„Я Машинькѣ бъ дала благословенье.„
Гордясь собой какъ будто петушокъ,

Во время сей похвальной рѣчи.
Жако приподнялъ плечи. —
(Ошибся, виноватъ, приподнялъ крылья онъ)
И сдѣлавши учтивѣйшій поклонъ,
Онъ тотъ-часъ высказалъ всего ученья збрую.
По томъ Французскими словами замѣшалъ,
Которы съ Рускими изъ милости мѣшалъ.
И къ Машѣ протянувъ онъ носъ для поцѣлую.
Не много попугай хвастунъ, тщеславенъ былъ.
Но кто же не таковъ, кто быть хваленъ достоинъ?—
Кто много отъ небесъ талантовъ получилъ?
Развѣсилъ уши воинъ,
И выпяшилъ глаза, и ротъ открылъ.
„Ахъ, матушка! — сестрица!
„Morbleu! какая это птица!
„Ну, какъ же за моремъ не быть умнѣе насъ,
„Когда у птицъ такое просвѣщенье? —
„Мнѣ долго быть не льзя у васъ,
„Мнѣ должно въ строй сего дня на ученье.
„Не отрекитеся мнѣ сдѣлать одолженье;
„Пустите вы со мною на показъ,
„На удивленье,
„Толь рѣдку птицу въ полкъ.„

Когда ягненочка хватаетъ хищный волкъ,
Лишить его пастушки хочетъ,
Пастушка въ ужасѣ трепещетъ и хлопочетъ;
Не знаетъ что начать, хотя барашка жаль;
Но страшенъ волкъ проклятый,
Прожора алчный и зубатый.
Такая то была печаль,
Такое изумленье,
Въ которо привело и мать и дочь
Героево прощенье,
Покрыла ихъ глаза смертельна ночь.
Блѣднѣютъ и трепещутъ обѣ.
„Растаться съ Попинькой! — ахъ, лучше быть намъ въ гробѣ!„

„Corbleu! кричитъ герой: я вижу ясно то,
„Что вамъ и сынъ и братъ ничто.
„Коль такъ, прощайтесь съ нимъ скорѣе.
„Онъ ротъ передо мной разинетъ веселѣе;
„И за презрѣніе ко мнѣ несносно толь!„—
„Ахъ, братецъ!— ахъ! любезный сынъ изволь.
„Но естьли наша жизнь нужна тебѣ не ложно,
„Пожалуй поступай съ нимъ нѣжно осторожно.„—
„Повѣрьте мнѣ, въ два дни онъ будетъ здѣсь со мной.
„Или пусть чортъ меня задавитъ.„

И такъ положено судьбой
Любезнаго Жако отправить.
Ужъ время, часъ разстанья принесло;
А чтобъ въ пути не разтресло,

Чтобъ отъ каретнаго не оглушиться звука,
Назначена разлука
Дорогой водяной,
На шлюбкѣ бысторою Нѣвой.

Несутъ Жако; и мать и Маша провожаютъ
Его, до каменныхъ на пристань береговъ.
Ко описанію тоски не станетъ словъ,
Котору дочь съ старушкой ощущаютъ;
Ужъ Попиньку на судно опущаютъ;
Ужъ воинъ матери, сестрѣ *прости* сказалъ;
Уже багры отстать отъ брега помогаютъ;
Ужъ веслы на воду, кварпермистръ закричалъ;
Ужъ ѣдутъ, удалились,
Слезами мать и дочь залились.
„Прости, любезное дитя!„
Старушка небесамъ Жакову часть вручая,
Своихъ блаженствъ уже ни въ чемъ не обрѣтая;
А дочь печаль разлуки выражая:
„Прости, мой свѣтъ, въ послѣдній разъ!„
Ужъ шлюбка съ Попинькой скрывается отъ глазъ,
И кажется въ дали какъ будто муха,
Лишенныя и зрѣнія и слуха,

И дочь и мать домой идутъ.
Иль лучше такъ сказать въ унынiи ползутъ
Повѣся головы, не говоря ни слова:
Пришли. – О горесть нова!
О часъ! о несперпимый часъ!
Не слышенъ попугаевъ гласъ!
Всѣ комнаты осиротѣли.
За ужиномъ онѣ рыдая
Не ѣли ни чего, бонбоновъ лишь поѣли,
Которыхъ попугай доклюнуть не успѣлъ.
Межъ тѣмъ Жако свѣтъ новый зрѣлъ,
Вода, гребцы, ихъ пѣсни, шутки,
Ихъ разны прибаутки,
Все ново для него.
Ему то стыдно стало,
Что онъ не знаетъ ничего.
Казалося ему его ученье мало.

Онъ съ лишкомъ былъ честолюбивъ.
Испорченъ тотъ всегда, кто долго былъ щастливъ.
Не можетъ онъ вмѣшаться въ разговоры
Россiйскихъ водяныхъ повѣсъ,
Которы заведя между собою споры,
Писали языкомъ другъ друга на отрѣзъ
Диковинны узоры.
Когда бы пошлину съ нихъ брать
Колико плоскихъ словъ они старались врать;
Велики были бы таможенные зборы.

Самъ воинъ, Попинькѣ покровъ, чтобъ ихъ унять,
И научить къ Жако почтенье сохранять;
Пустилъ словъ токи, сильны, скоры.
Желая передъ нимъ свой разумъ показать,
Жако путъ самъ пріободрился;
И чтобъ себя на свѣтѣ показать,
Не блазнымъ языкомъ своимъ на нихъ пустился,
Онъ изъ морали имъ осмѣлился сказать.
Тутъ весь соборъ окончилъ брани смѣхомъ,
И поднялъ Попиньки невинность на зубки.

Въ унынье погруженъ своимъ дурнымъ успѣхомъ,
Спашь Попинька не смѣетъ на дыбки.
И крылья опустя, привыкшій баринъ къ лести,
Какъ мокра курица сидитъ
И на свѣтъ не глядитъ.
Однако же пронзаемъ жаломъ чести,
Рѣшился прежнія науки позабыть;
И живъ не хочетъ быть,
Когда не выучитъ нарѣчья и поступокъ
Безстыдныхъ шалуновъ,
И всѣхъ шутливыхъ Рускихъ словъ.

Вотъ для какихъ покупокъ
Пустилось на море любезное дитя.
О молодость! себя къ спасенію претя,
Вотъ какъ свою невинность
Мѣняешь на безчинность,
И къ аду съ радостью пріемля путь грѣшишь;
И съ лишкомъ свѣтъ любя
Отъ благонравья прочь летишь. —

На шлюбкѣ наконецъ уроками напитанъ,
Ужъ началъ забывать Жако, какъ былъ воспитанъ.
Ужъ сталъ насвистывать подобно какъ буянъ,
Которой катится шумя на дрожкахъ пьянъ;
Ужъ сталъ умѣть языкъ вертѣть по молодецки,
И имя Іова, гарланить по Немѣцки.
Все слыша то, былъ радъ безмѣрно офицеръ,
Что такъ его Жаку понравился манеръ;
Что можетъ съ птицею заморскою посвойски,
Какъ другъ откръшно разсуждать.
Въ пути до лагеря онъ всѣ слова геройски,
Предъ нимъ старался изтощать.
Жако разставшися съ глаголомъ нѣжнымъ, плѣннымъ,
Ужъ въ лагерь молодцомъ вступаетъ совершеннымъ:
Гуляя изъ шатра въ шатеръ,
Изъ ставки въ ставку;
Привѣтливъ какъ бурлакъ, какъ гранодеръ восперъ,

Онъ благонравію даетъ послѣдню давку.
Не сполько онъ въ свой вѣкъ сластей клевалъ,
Колико грубыхъ словъ онъ каждой день глоталъ.
И наконецъ онъ воиновъ ужъ бѣситъ
И словомъ такъ сказать, достоинъ сталъ
Негодница! чтобы его повѣсить.

Межъ тѣмъ, что дѣлаете вы,
Старушка съ Машинькой въ печали?
Не можете изгнать Жако изъ головы.
Вы образомъ драгимъ, всѣ чувства напитали;
Все кажется Жако, все зелено въ глазахъ,
И сердце занялъ онъ, и занялъ ихъ и души;
Всечасно слышатъ уши
Его пріятный гласъ. — Но ахъ!
Жако ужъ нѣту съ вами.
Осталась вамъ надежда лишь одна.
Волною унесенъ и возвратитъ волна;
„Но скоро ли, ахъ! скороль будетъ съ нами?
„Чтобъ сынъ, чтобъ братъ не задержалъ.
„Сегодни онъ, сегодни обѣщалъ.„
Всѣ дамы въ нетерпѣньи,
Чтобъ усладить свои мученьи
Всегда колоду картъ имѣютъ при себѣ.
Онѣ не дуры,
И карты разложа на разные фигуры,
Все видятъ въ будущей судьбѣ.
И мать и дочь страстей своихъ въ борьбѣ,
Къ сему премудрому искуству прибѣгаютъ,
И будетъ ли Жако въ сей день, о томъ гадаютъ.
„Пріѣдетъ ли нашъ миленькой Французъ?
Но что ни дѣлаютъ, какъ карты ни мѣшаютъ,
Ложится всѣ винновой тузъ.
Трепещутъ обѣ и блѣднѣютъ.
„Ахъ, Попинька любезный, не здоровъ!
Въ отчаяньи ихъ чувства цепѣнѣютъ:
Но сонъ страдающимъ покровъ.
Вздремали съ горести въ рукахъ имѣя карты.

Имъ грѣзился Жако не нѣжный кавалеръ;
Но будто онъ угрюмой гранодеръ.
И будто у него ужасны бакенбарды,
Широкіе усы, и шапка на бекрень;
И будто онъ городитъ дребедень.

Во снѣ и машь и дочь отъ страха стали въ пень.
Не зная что начать, возпрепенулись
Зѣвнули, протянулись;
А послѣ и проснулись.
Вскричала дочь тогда:
„Ахъ, машушка, бѣда!
„Коль вѣрить мнѣ тому, что сонъ мнѣ бредитъ,
„То Попинька пропалъ нашъ навсегда! —
„Поѣхалъ умницей, таковъ ли онъ пріѣдетъ?
Въ тотъ самой часъ отпкрылась дверь.
О радость несказанна!
Старушка ты восторгъ умѣрь;
И ты, о Машинька, увидя гостя жданна!
Уже не стоитъ онъ твоей любви, повѣрь.
Однакожъ подъ собой онѣ земли не слышатъ.
И радость какъ печаль, отъемлетъ ихъ языкъ,
Хотятъ вскричать Жако!— Но такъ восторгъ великъ,
Что ротъ раскрывъ онѣ лишь только дышатъ.
Тогда вѣщаетъ имъ военной изувѣръ:
„Ну, вотъ сокровище вамъ ваше.
„У васъ онъ былъ хорошъ, теперь сто разъ онъ краше.
„Я слово вамъ сдержалъ, какъ честный Офицеръ.

Потомъ вручаетъ Машѣ,
Неоцѣненный сей залогъ,
Но что? о рокъ, о злобный рокъ!
О страшная измѣна!
О лютая премѣна!
У Попиньки уже не тотъ носокъ,
Которымъ онъ клевалъ свои бонбоны прежде.
Ощиблась Машинька, въ пріятной столь надеждѣ.
Шалунъ своимъ прокляпымъ ртомъ
Кусилъ ее за мѣсто,

Столь пухлое, какъ тѣсто,
Но гдѣ? — Исторія не говоритъ о томъ.
Покрылись лиліи багрянымъ токомъ крови:
И съ Машей ахнули пріятства и любови.
До сердца тронуты премѣною такой;
Жаковой сражены злодѣйскою рукой,
Укушенная дочь съ смиренною старушкой,
Узрѣвъ, что Попинька несносной сталъ вертушкой,
Хотятъ, чтобъ обличенъ толь лютою виной
Раскаясь попросилъ наглецъ у нихъ прощенья.
И такъ во всѣ глаза взирая на него,
Желаютъ о грѣхахъ примѣтить сожалѣнье.
Ни тутъ-то было: онъ проступка своего
Жестокостью гордится,
И вмѣсто слезъ — буянитъ, веселится.
И на бокъ искривясь какъ гнѣвный гранодеръ
Всѣхъ добродѣтелей къ увѣчью
Огрѣлъ увѣсистою рѣчью.
Хохочетъ Офицеръ;
А дочка съ машушкой рыдаетъ,
Старушка только лишь плечами пожимаетъ.
„Ты видишь, Машинька, что въ немъ ужъ нѣтъ пути.
„Ахъ! точно онъ испорченъ.
„Смотри какъ весь искорченъ;
„Въ немъ чортъ сидитъ; но я могу найти
„Его исправить средство.„
Вотъ развращенія обыкновенно слѣдство.
Ахъ! часто вояжеръ
За новой свой манеръ
Достоинъ запертъ быть.
Жако сажаютъ въ клѣшку силой.
А чтобы изъ него чертей изкоренить,
Нашъ Попинька толь прежде милой,
Съ старушкой осужденъ пожить;
Доколѣ совѣсти почувствуя грызенья,
Окажетъ болѣе онъ къ дамамъ уваженья.
Испорченно Жако
Уже не сластъ питаетъ;

Уже не молоко
Его горшань не чистш, орошаетъ:
Но хлѣбъ одинъ сухой,
Съ простою лишь водой,
Быть праведнымъ премудро научаетъ;
И къ благу путь нескольскій отверзаетъ.
Но споитъ только разъ
Съ дороги доброй совратишься;
А тамъ ужъ грѣхъ всегда коробитъ глазъ.
Уже съ невинностью не льзя соединишься;
Или хотя и можно то,
Однакожъ очень трудно.
Старушкины слова онъ ставитъ ни во что,
Воинску полюбя науку безразсудно.
Всегда какъ научалъ
Языкъ старушкинъ просвѣщенью,
Чѣмъ душу сохранить къ спасенью;
А онъ буянилъ и кричалъ.
Она все тоже повторяетъ;
А онъ по своему ей тоже отвѣчаетъ.
Жестокимъ пѣніемъ Жаковымъ смущена,
(Смотрите какъ чортъ силенъ;
Какъ въ вымыслахъ къ соблазну онъ обиленъ,
Кто можетъ избѣжать отъ демонскихъ ловишвъ?—)
Разстроена старушка
Среди словъ грубыхъ, битвъ —
Воспомнила, что былъ Жако ея игрушка,
И оскорбленія ея кусила мушка.
Боясь, чтобъ чортъ въ ея непреселился плоть,
Которая мысль ея снѣдала не пріятно,
И плюнувъ проекрашно,
Кричитъ: „ко мнѣ, ахъ Маща подь. —
Лишь только дочь вступаетъ
И передъ нею онъ кричитъ и вздоръ болтаетъ.
„Ахъ машушка! что онъ такое вретъ?
„Увы! ужъ онъ погибъ, и въ немъ надежды нѣтъ!
„Забывъ всѣ нѣжности, одни болтаетъ вздоры.
„Чтожъ дѣлать намъ съ Жакомъ?

„Ты видишь, хочетъ онъ остатся дуракомъ,
„Всѣ способы мои не споры,
„Онъ по уши увязъ въ грѣхахъ.
„У честныхъ бышь людей не долженъ на глазахъ.„
Потомъ положено Жако на вѣкъ оставить,
Къ домашнимъ птицамъ въ клевъ изъ милости отправить.
Вотъ такъ-то попугай блаженства съ высоты,
Въ вояжахъ промотавъ свои благіе нравы,
Низверженъ и лишенъ сіянья красоты,
Не съ Машей, съ курами цѣлуется безъ славы.

ФЕРИДИНА ОШИБКА.

Ферида говоритъ: „что нужды въ красотѣ?
„Не красота меня въ любовникѣ прельщаетъ.
„Какъ чудны мнѣ всѣ тѣ,
„Которыхъ иль глазокъ, иль носикъ утѣшаетъ!
„Въ моемъ любезномъ мнѣ его душа мила,
„По чести говорю, и Богъ тому свидѣтель:
„Какая честность въ немъ! какая добродѣтель!...
„Богъ знаетъ, сколькобъ я за то дала,
„Когдабъ любовникъ мой вдругъ сдѣлался уродомъ!
„Чтобъ тѣмъ могла я доказать
„Предъ всѣмъ народомъ,
„Что мой языкъ не можетъ лгать.„
Любовникъ между тѣмъ сражаясь въ полѣ рашномъ
Въ случаѣ для него весьма превратномъ,
Среди военныхъ страшныхъ грозъ
За общество утратилъ вправду носъ.
Потеря не велика.
Была бы лишь душа цѣла,
Которая Феридѣ такъ мила;
Ей нужды нѣтъ до лика.
Дурнѣе сталъ.... такъ что жъ;
Вѣдь носъ не для любви, для табаку пригожъ...
Фериды, какъ свое, онъ сердце зная,
Летитъ безъ страха къ ней;
И на любви къ душѣ надежду полагая,
Хоть съ полною душей;

Однакоже на самомъ ономъ мѣстѣ,
Бывалъ гдѣ прежде носъ,
Своей возлюбленной невѣстѣ
Лишь мушку черную принесъ.
Оцѣпенѣла вся Ферида,
У ногъ ея ей кажется злодѣй....
Кричитъ на слугъ: какого странна вида
Впускаете ко мнѣ людей?...
Я тотъ.... любовникъ восклицаетъ,
Я самый тотъ, который не лицемъ,
Душой тебя прельщаетъ,
А душу туже видишь въ немъ ...
Такъ это ты? Ферида отвѣчаетъ....
О ты! который былъ мнѣ прежде столько милъ;
Ахъ! можно ли, чтобъ носъ такъ душу повредилъ!
Вы будьте въ клятвахъ осторожны,
Красавицы! свои вручаючи красы;
Бываютъ ваши клятвы ложны,
И тѣмъ, у коихъ есть носы.

СУДЬЯ и ВОРЪ.

Подлѣзъ, подкрался воръ...
Въ вороты, или на заборъ,...
Нѣтъ нужды въ этомъ....
Когда, зимой, иль лѣтомъ,...
И въ этомъ нужды нѣтъ.
О какъ же любопытенъ свѣтъ!
Начни что сказывать, со спросами приступятъ,
И умъ раскащика хоть что, тотчасъ притупятъ.
Подробно имъ скажи о томъ, о семъ.
Каковъ лицемъ?
Каковъ кудрями?
Каковъ бровями?
Великъ ли ростъ?
И даже и о томъ, у вора есть ли хвостъ?...
Довольно вамъ; его поймали,
Его связали
И привели къ судьи.
Судья кричитъ: ахъ батюшки мои!...
Такъ! это онъ! стариной мой знакомецъ!
Стрѣляй, мой прежній сопитомецъ.
И съ нимъ учился вмѣстѣ я.
Онъ воръ; а я судья!...
Скажи: товарищи залешны наши птицы
Гдѣ нынѣ? какъ живутъ? и чѣмъ? и кто?
Какія въ обществѣ они играютъ лицы?
Судьиль они? или иное что?

Съ тѣхъ поръ, какъ съ ними я разстался;
О нихъ не слышу ничего.
На дружескій вопросъ плечами воръ пожался,
Сказавъ: повѣсили ихъ всѣхъ до одного;
Лишь только я, да ты осталася.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Сынъ виннаго отца,
То есть напишковъ продавца,
По смерти батюшки, его благословеньемъ,
То есть накопленнымъ имѣньемъ,
Не знаю какъ-то сталъ достойный человѣкъ;
То есть и дворянинъ и знатенъ и чиновенъ;
Набитой Графамъ братъ, съ сіятельными ровенъ.
Онъ прежній позабылъ бутылочной свой вѣкъ.
Дворянской родъ его ему казался древенъ.
Спѣсивъ, заносчивъ, вспыльчивъ, гнѣвенъ,
Онъ носъ предъ всѣми поднималъ,
И выше носа онъ плевалъ.
Все мѣря по вину, отцовскаго товару,
Онъ зналъ что цѣнно лишь одно
Горячее вино;
И думалъ, дворянинъ не дворянинъ безъ жару.
Случилося ему въ бесѣдѣ въ жаръ вступить.
За честь ли было то? я въ томъ не увѣряю.
Пускай за честь. Что я отъ этаго теряю?...
Когда чего не можно заслужить,
Такъ можно то у насъ купить....
Но какъ бы ни было, молодчикъ нашъ взбѣсился,
Вскричалъ, вскипѣлъ, вздурился,
И радъ за честь
На стѣны лезть,
Не знаю кто, на этакую шалость,
Ему въ ответъ:

„Прими полезный мой совѣтъ
„И не бѣсись за малость.
„Отца воспомни твоего
„Ухватку прелюбезну
„И перейми его
„Ты кропосить для тебя полезну.
„Когда покойникъ мнѣ хмѣльное отпущалъ
„То воду онъ всегда туда мѣшалъ. „

ЖИВОПИСЕЦЪ ВЪ ПОЛОНУ.

Какой-то Живописецъ славный,
Все кистью выражать исправный,
Поѣздить вздумалъ по морямъ.
По нуждѣ иль по волѣ?
Того не знаю самъ.
И въ морѣ также есть разбойники какъ въ полѣ.
Алжирцы были то; лишь грабить знатоки,
Въ художествахъ невѣжи, дураки.
На нашего они искусника напали,
Ему сковали
Живописующи кулаки,
И привели его въ желѣзахъ къ Дею.
О Деяхъ сихъ имѣетъ кто идею,
Тотъ знаетъ, каковы всѣ эти усачи.
Они правители угрюмы какъ туманы,
Притомъ же бусурманы
И Христіянъ бичи.
Сердитымъ голосомъ, нахмуря брови чорны,
Сказалъ Художнику нашъ Дей:
„Теперь съ тобой у насъ дѣла уже неспорны:
„Ты рабъ и часть твоя въ рукѣ моей;
„Но если возвратить желаешь ты свободу,
„Ты долженъ, мнѣ въ угоду,
„Украсить кистію твоей
„Въ моихъ чертогахъ стѣны;
„Чтобъ намъ всѣ разныя отмѣны

„Одеждѣ, обычаевѣ и лицѣ
„Народ[illegible]ѣ всякихѣ видѣть можно.
„Когда исполнишь то, свободенѣ ты не ложно.„
Приявѣ приказѣ искусникѣ нашѣ палѣ ницѣ.
Палитру вынулѣ, кисти, краски,
И ну чертить носки, ушки, рты, глазки,
Одежду всѣмѣ давать, какѣ водится у нихѣ.
„Великій Государь! ужѣ все теперь готово,
„Исполнилѣ силу я приказовѣ всѣхѣ твоихѣ:
„Теперь сдержи свое ты слово.„
Дей смотритѣ: „такѣ, вотѣ Турокѣ, вотѣ и Грекѣ.
„Сей гордый, важный человѣкѣ
„Точнехонько Ишпанецѣ;
„А этотѣ, что изѣ подѣ шишка
„Съ ножемѣ выходитѣ изѣ лѣска,
„Италіанецѣ.
„И вотѣ продажная душа Голланецѣ.
„Вотѣ Англичанинѣ. Вотѣ и храбрѣ и пьянѣ
„Нѣмецкой Капитанѣ.
„А это кто таковѣ? не знаю.
„И нагѣ и босикомѣ,
„Съ некроеномѣ вѣ рукахѣ сукномѣ?...
„Французѣ, я вѣ этомѣ увѣряю....
„Почтожѣ его ты не одѣлѣ?...
„Солгать предѣ вашимѣ я могуществомѣ не смѣлѣ.
„Не какѣ всѣ прочіе народы,
„Французы всякой день перемѣняютѣ моды;
„Какая же теперь, я этаго не зналѣ,
„И для того его я голымѣ написалѣ.

ВОЛОСОЧЕСАТЕЛЬ СОЧИНИТЕЛЬ.

По имени Андрей,
По прозвищу тупей,
А ремесломъ чесатель,
Ряхнулся на стихахъ и сдѣлался писатель.
Не долго работалъ
И драмму,
Какъ даму,
Въ два мига причесалъ.
Чортъ самолюбія великой намъ ласкатель;
Надъ нами множество онъ дѣлаетъ проказъ.
Помадами душистый нашъ писатель,
Принесъ Волтеру на показъ,
На удивленье,
Свое твореньe. —
Волтеру? — о смѣльчакъ!
Волтеръ, окончивъ чтенье,
Снимаетъ свой колпакъ;
Потомъ вручая сочиненье
Съ улыбкою сказалъ Парнасской сей старикъ:
„Поди творецъ, и сдѣлай мнѣ парикъ.„

ЛАДНО и ПЛОХО.

Разговоръ двухъ мужиковъ, Козавода и Мирохи.

А! кумъ! любезной Козаводъ!
Давно ли?... Вотъ лишь только съ клячи....
Микола какъ тебя пасетъ?
Въ дорогѣ много ли удачи?
Каковъ здоровьемъ ты?... Здаровъ;
А ты Мирохо самъ каковъ?...
Я также.... Наши всѣ ль здаровы?...
Всѣ слава! кони и коровы;
Хавронья, тетушка моя
Одна о Покровѣ дни пала:
Спасибо ей, домкомъ живала,
И послѣ ней съ дворомъ и я....
Ну, это ладно.... нѣтъ Мирохо,
Хоть ладно видится, да плохо.
Хавроньинъ домъ сшаренекъ былъ.
О ней ли што ли онъ грустилъ,
Отъ старости ль упалъ, иль съ горя,
О томъ съ тобою я не споря
Скажу, что онъ меня сдавилъ
И сдѣлалъ изъ меня лѣпешку....
И вправду плохо.... Ни на крошку
Ты куманекъ не угадалъ.
Не плохо это, очень ладно.
Вѣдь денежки имѣть изрядно?
Лишь шолько што оклечешалъ,
То разбираючи я пади,

Нашолъ, въ широкой самой кади,
Въ капустѣ, денегъ жирной кладъ.
П икащикъ дочь свою Мавруху
Мнѣ отдалъ.... Ладно.... Плохо братъ!
Жена сумбурщица не ладъ.
Однажды эшу я вострyху,
Какъ солнце лѣзло на закатъ,
Засталъ въ лѣсочкѣ, за скотиной,
Съ Петрухой, знаешь красикомъ.
Со мной онъ думалъ съ дуракомъ;
А я вязовою дубиной,
Бока, какъ нада отхваталъ,
И отъ Мавруxи онъ отсталъ....
Штожъ? ладно!... нѣтъ не больно ладно:
Мавруxѣ, видишь, неповадно
Съ одчимъ со мною только жить;
И ну грустить, она тужить,
Зачахла, сдѣлалась какъ спичка.
Больныхъ лѣчить плоха привычка;
Однако, баютъ, нада шакъ.
Я тресъ машнею какъ дуракъ;
Плашилъ, плашилъ; ни шутъ то было.
Упрямая Мавруха рыло,
Хоть што, въ могилу уперла:
Незапно подвела мнѣ пѣшку,
И лѣкарямъ и мнѣ въ насмѣшку,
Вчера, какъ нада умерла....
Не уш-то и шеперь не ладно....
Насилу кумъ, сказалъ шы складно.

ПРОЗА.

Р Ѣ Ч Ь,

говоренная въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Художествъ, при выпускѣ изъ оной питомцевъ въ 1779 годѣ.

Высокопочтенное собраніе!

Нынѣ совершилося пятнатцать лѣтъ тому, какъ сіе убѣжище Художествъ, основанное уже долгого времени Кроткою ЕЛИСАВЕТОЮ, воспріяло новую силу мудрыми учрежденіями творческаго духа ЕКАТЕРИНЫ Второй,... учрежденіями Отечеству навѣки полезными, даровавшими и сей Академіи воспитательное училище, и тѣмъ наидостопамятнѣйшими, что и превосходныя дарованій понятія безъ оныхъ средствъ, образующихъ сердца юношества, были бы ничто.

Часто видимые примѣры свидѣтельствуютъ въ томъ, что человѣкъ, хотя и обогащенный дарами природы, но безъ воспитанія лишенный надежнаго путеводства, не шествуя, но, такъ сказать, скитаяся въ путяхъ свѣта, и не умѣя править собою, падетъ; и показавъ къ пущему сожалѣнію согражданъ своихъ сколько бы онъ могъ полезенъ быть, увядаетъ, не оставя по себѣ ничего, или весьма мало плодовъ, которые каждый гражданинъ обязанъ приносить въ жертву своему отечеству.

- И такъ если разумъ, оставленный на произволъ судьбы, не вспомоществуемый сердцемъ, не имѣя сопутникомъ своимъ благонравія, безплоденъ, а иногда и вреденъ бываетъ; то уже сего единаго довольно къ ясному изображенію того, коликія пользы низпосланы Россіи такими благотворящими установленіями, которыя рожденнаго человѣкомъ уготовляютъ быть во все теченіе его жизни достойнымъ сего священнаго имени.

Се первое основаніе Монаршія любви къ отечеству, на коемъ должны утверждаться на вѣки ЕЯ благотворительныя намѣренія..., Намѣренія достойныя правителей земныхъ, владычествовать не пресмыкающимися узниками; но свободными, но приносящими самоизвольно сердца свои въ даръ человѣколюбивому величію: сердца для сея жертвы долженствующія быть очищены отъ грубонравія и могущія, пособіемъ добродѣтели, сносить щастіе вольности, которая безъ того была бы необузданное своеволіе, разрушающее союзы общества.

Вольность, почтеннѣйшіе слушатели, подобна тѣмъ крѣпкимъ питіямъ, которыя съ умѣренностію употребляемыя привыкшимъ къ тому сильнымъ и бодрымъ сложеніямъ тѣлъ служатъ укрѣпленіемъ, а слабыхъ и непривычныхъ обуяютъ разумъ, приводятъ въ истощеніе и разрушаютъ; и такъ, что бы дать вкусить свободу, сію небесную пищу, укрѣпляющую душу, надлежитъ, чтобъ душа была достойна наслаждаться оною. Чтожъ удобнѣе возможетъ ее возвысить на сію чреду человѣчества? Безъ сомнѣнія единое воспитаніе. Оно отъ самыхъ нѣжныхъ отроческихъ лѣтъ упоеніемъ добродѣтели приводитъ въ созрѣніе духъ, и сильными начертаніями на сердцѣ, умягченномъ благонравіемъ, изображая все, чѣмъ человѣкъ обязанъ *Монархамъ* и Отечеству, производитъ въ немъ, если онъ и не имѣетъ отличныхъ дарованій, хотя не великаго,

но конечно полезнаго гражданина, и дѣлаетъ его въ занимаемомъ по мѣрѣ силъ его округѣ достойнымъ членомъ общества.

Типло благородное, котораго ни рабъ, ниже дерзскій своеволецъ никогда заслужить не можетъ; типло принадлежащее токмо единымъ благовоспитаннымъ: нѣтъ нужды, на блистательной ли, или на мрачной степени онъ поставленъ своими талантами; довольно если онъ полезенъ, исполняя то, что должность его званія ему повелѣваетъ.

Исчислять всѣ пользы отъ воспитанія происходящія, предлежитъ слову моему пространнѣйшее поле; но почтеніе, устрашающее меня быть вамъ, знаменитые слушатели, въ тягость повтореніемъ того, что ваше просвѣщеніе сильнѣе словъ моихъ вамъ гласитъ, воспрещаетъ мнѣ о семъ распространяться: и для того не стану подробно изображать, колико воспитаніе способствуетъ и къ совершенству свободныхъ Художествъ, прославляющихъ Государства, и потому свободными нареченныхъ, что никогда подъ иго рабства уклониться не могли; ни того, что всѣ превосходные Художники были и благовоспитанные..... Кажется, что благонравіе съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть; и въ самомъ дѣлѣ тотъ, кому воспитаніемъ не дано благородныхъ и возвышенныхъ чувствованій, можетъ ли любить славу? а не любящій славы къ чему способенъ? Славолюбіе, поддерживаемое добродѣтелію, есть та лѣствица, по которой человѣкъ, одаренный способностями, превышаетъ и само человѣчество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благонравіемъ, производила смертныхъ, коихъ имена, вписанныя въ храмѣ вѣчности, остались безсмертными; она даровала вселенной Апеллесовъ и Праксителевъ, въ древнія и новѣйшія времена; она оныхъ и Россіи даруетъ.

Ожидай, Россія, превосходныхъ художниковъ, происходящихъ изъ собственныхъ нѣдръ твоихъ, славу твою и сыновъ твоихъ начерпавающихъ, изсѣкающихъ и изваяющихъ предъ очами потомства, и оживотвореннымъ глаголомъ Живописи и Скульптуры, столь же сильно, какъ и само велерѣчіе, вѣщающихъ чувствительнымъ сердцамъ благовоспитаннаго юношества: Се герои и благотворители человѣчества въ нашемъ отечествѣ, вамъ къ подражанію ихъ добродѣтели искусствомъ представляемые.

Быстрые успѣхи во всѣхъ родахъ способностей Россійскихъ чадъ въ томъ увѣряютъ; чего однако же (позвольте еще повторить) безъ благородныхъ чувствованій, воспитаніемъ даемыхъ, не было бы надежды ожидать. Живописецъ, Скульпторъ, желающій представить великодушное дѣяніе героя, или благотвореніе человѣколюбца, не долженъ ли духомъ вознестися и чувствовать тоже, что ощущалъ и самъ творитель онаго? Не должно ли имѣть хотя искру того всеоживляющаго пламени, хоть часть благотворящія души ЕКАТЕРИНЫ, чтобъ живо начертать ЕЯ дѣянія, что бы изобразить, съ какимъ величіемъ на сушѣ и на водахъ ОНА гремѣла на враговъ Отечества, съ какою кротостію даровала тишину вселенной, и съ какимъ человѣколюбіемъ на тронѣ среди величества и славы, предпочитая всему быть Матерью подданныхъ, печется съ помощію достойныхъ ЕЯ Вельможей, воспитаніемъ сотворять прямыхъ человѣковъ, дабы они не обремененные свободою, симъ даромъ ЕЯ величія, но паче укрѣпленные, разліялися по лицу Россіи, населяя грады ЕЮ созданные, распространяя наиболѣе благонравіе, сіе украшеніе народовъ, споспѣшествовали бы ко утвержденію алкаемаго ЕЮ общественнаго благоденствія, составленіемъ новаго, прежде не видимаго въ Россіи степени гражданства.

Вы, юноши, предстоящіе сему знаменитому собранію, совершившіе назначенное время для воспитанія,

готовые изыти въ свѣтъ изъ сего покрова, подъ сѣнію котораго вы возращены, наставлены, научены, внимайте безпрестанно гласу милосердія вопіющему съ престола къ подданнымъ: будьте щастливы! но такъ, чтобъ отечество ваше было вами блаженно; и для сего будьте свободны; но такъ, какъ должно человѣкамъ, почитая честію носить преславные узы гражданскихъ должностей.

Изтекайте изъ сего давшаго вамъ ваше бытіе источника, подобно рѣкамъ, которыя хотя при началѣ своемъ еще слабы, но чѣмъ далѣе льются, тѣмъ болѣе распространяются и несутъ съ собою изобиліе и довольство землямъ орошаемымъ ихъ отрадными водами. Крѣпитеся, что бы съ благодарностію и благоговѣніемъ познавать, колико вы щастливы родяся въ сей благословенный вѣкъ, красующійся человѣколюбіемъ, въ который Монархи, престола наслѣдники и знаменитыя особы только то единое поставляютъ своею славою и достоинствомъ, чтобы вспомоществуя нещастнымъ благотворить и человѣчество упадшее возводить воспитаніемъ на степень человѣчества.

Вселенная была попираема тьмою громоносныхъ завоевателей, приводившихъ во удивленіе ужасомъ и опустошеніемъ; но сколько было на престолахъ истинныхъ благотворителей роду человѣческому? Титъ, Маркъ Аврелій, ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, ЕКАТЕРИНА. Число краткое, показующее, сколь трудно быть Отцемъ или Матерью народа, и сколь легко со трона гремѣть и поражать.

РѢЧЬ,

говоренная Господамъ Кадетамъ Императорскаго сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, въ присутствіи Господина Начальника, Его Сіятельства Графа Ангальта, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ.

Имѣя долгъ по волѣ нашего обіцаго Начальника, Его Сіятельства, бесѣдовать съ вами о употребленіи времени, я болѣе чувствую честь сего мнѣ препорученія, нежели имѣю силы и способности исполнить оное: однако соотвѣтствуя сему лестному для меня повелѣнію, по крайней мѣрѣ моимъ усердіемъ, я предпріемлю, въ угодность столь достопочтенному за его добродѣтели и просвѣщеніе правителю, нести бремя, которое вы, государи мои, можете облегчить дополненіемъ недостаточнаго въ сей рѣчи вашими размышленіями и вашимъ просвѣщеніемъ.

Употреблять время свое, то есть, употреблять его въ пользу.

Всякой о семъ говоритъ и стараешся; но всякой оное различно понимаетъ. Сіе разнообразіе мнѣній, кажется мнѣ, по большой части произходитъ отъ того,

что люди привыкнувъ пользы всѣхъ обращать къ своимъ, единственно распредѣляютъ время по собственнымъ вкусамъ и выгодамъ. Сколько пристрастій и слабостей, столько образовъ употреблять время въ пользу свою, то есть, насыщать желанія свои, иногда пустыми и дѣтскими забавами, (ибо всякой возрастъ можетъ имѣть свои куклы,) иногда со вредомъ своего здоровья и самой чести, а иногда и со вредомъ другихъ.

Не подумайте, государи мои, чтобъ я въ семъ словѣ хотѣлъ быть сатирикомъ рода человѣческаго; что бы изчисляя всѣ недостойные пути, которыми роскошь и празднолюбіе ведутъ насъ къ погибели, а что еще болѣе, къ безславію, и дѣлаютъ человѣковъ едва заслуживающими священное имя человѣка. Я изобразилъ бы предъ вами иногда достойное смѣха, иногда достойное слезъ употребленіе нашего времени. Я не хочу ваших невинныхъ душъ смутишь видомъ безобразія такихъ съ лишкомъ мрачныхъ картинъ, которыми, покрывая ихъ прелестнымъ лакомъ, обольщаютъ часто насъ врожденныя во всѣхъ сердцахъ страсти; сіи крылія, возвышающія чековѣковъ, если разсудокъ ими предъ свѣтильникомъ добродѣтели управляетъ, и также низвергающія ихъ, если онѣ царствуютъ надъ разсудкомъ. Отдалимъ отъ нашихъ мыслей пороковъ картины: и вмѣсто того, что бы унижать человѣчество, лучше сдѣлаемъ ему честь изображеніемъ тѣхъ отмѣнныхъ, тѣхъ возвышенныхъ душъ, которыя пріуча себя отъ младенчества находить выгоды свои въ выгодахъ общественныхъ и содѣлавъ своею страстію славу, почитали время для того дорогимъ, что бы полезными быть. Вотъ, мнѣ кажется, мнѣніе мудрыхъ, *о употребленіи времени въ пользу.*

И въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ небесами одаренный толь отмѣннымъ отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ тварей качествомъ; я разумѣю, душею разумною, от-

личенный удобностію воспримать высочайшее просвѣщеніе, обязанъ имѣть чувствованія благородныя, его болѣе къ небесамъ, нежели къ землѣ приближающія; что кто можетъ оспорить мнѣніе мудраго, стараться быть всегда полезнымъ обществу, и не хотѣть, чтобъ оно служило его праздности.

Никто изъ васъ, я въ томъ увѣренъ, гасудари мои, не дерзнетъ, и не пожелаетъ сего отрицать, дабы не унизить самаго себя, показавъ наклонность унизить человѣчество съ высоты его существа и сравнить оное съ животными, наполняющими все время своей жизни стараніемъ о удовольствіи своихъ прихотей.

И такъ естьли помянутое мнѣніе не оспоримо; естьли человѣкъ имѣетъ Бога, одарившаго его толикими способностями, отечество одолжающее его именемъ и правомъ гражданина, и предлагающее ему почести; то все время его жизни уже не его время. Оно принадлежитъ Государю и Отечеству, что все одно: ибо Государь, отецъ народа, пекущійся безпрестанно о благоденствіи его, держащій неусыпно бразды мудраго правленія, представляетъ священное лице отечества.

Соображая сіи святыя обязанности, разсмотримъ теперь, что значитъ въ семъ смыслѣ употреблять время свое съ пользою. Но чтобъ изслѣдовать сіе обстоятельнѣе, начнемъ отъ начала рожденія человѣка. Преходя ничтожныя лѣта младенца, которыя достойны попеченія и вниманія по одной только надеждѣ, что сіе слабое и почти ничѣмъ отъ прочихъ тварей не отличающееся созданіе, не вѣчно будетъ младенцемъ, а со временемъ станетъ на чреду истинныхъ человѣковъ; приступимъ прямо къ возрасту, когда понятіе разверзается; когда душа начинаетъ выходить изъ узъ земныхъ. Окруженный нуждами тогда человѣкъ чувствуетъ необходимость быть нужнымъ. И вотъ время его начинается.

Не забывайте, государи мои, что я оставляя тѣхъ, которые по образу только человѣки, говорю о тѣхъ, которые дѣлаютъ честь сему имени.

И такъ чувствуя необходимость быть нужнымъ, человѣкъ чувствуетъ необходимость быть ко всему способнымъ. Какимъ образомъ достигнуть до того, божественный сонмъ наукъ и художествъ, соединенныхъ неразрывнымъ союзомъ, является его глазамъ. Безсмертный свѣтъ, отъ нихъ блистающій, показываетъ новой душѣ юноши то, что онъ есть, и то, что онъ можетъ быть, когда разумъ его озарится ихъ сіяніемъ.

Математика изчисленіемъ, измѣреніемъ, сравненіемъ, уподобленіемъ, соразмѣрностію, соотношеніемъ одного къ другимъ, равно какъ Логика, дѣлая умъ правильнымъ, точнымъ, научаетъ мыслить по человѣчески, показывая, что истинна, и что мечта, даже и въ отдаленнѣйшихъ и отъ обыкновенныхъ умовъ сокровенныхъ предметахъ. Физика, объемлющая всю природу нашимъ чувствамъ подверженную, подкрѣпляемая Математикою и Логикою, видитъ, слышитъ, осязаетъ всѣ вещества таковыми, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ суть; то возносяся къ превыспренности несмѣтныхъ звѣздъ, то проницая во мрачныя бездны, изторгаетъ часто неизповѣдимыя таинства естества, доказующія премудрость безконечную Создателя, и тѣмъ приближающія къ Нему человѣка чрезъ тонкія его понятія. Вотъ какъ возвышается умъ смертнаго! но все то мало, естьли сердце низко. Остроумный и развращенный человѣкъ, когда сіе можетъ быть совмѣстно, пагубнѣе невѣжи простодушнаго. И для того нравоученіе священное и свѣтское спѣшитъ вознести и сердце столько же высоко, какъ умъ; въ чемъ ему Исторія великими примѣрами спомоществуетъ. Осязать Бога всѣми чувствами во всѣхъ Его твореніяхъ, умѣть Его обожать и исполнять свои должности къ начальнику, къ равному, къ подчиненному и вообще къ ближнему; умѣть пови-

новаться, умѣть повелѣвать, умѣть жить добродѣтельно, сіе столько же необходимо, какъ и дышать. А по сему не нужно ли быть правосудну и не бывъ поставлену судіею? кто можетъ сказать, что онъ не судія, по крайней мѣрѣ самъ себѣ? ибо человѣкъ предпринимая что бы то ни было, долженъ всегда самъ себя судить, дабы узнать, если онъ любитъ честность, дѣло его согласло ли съ законами Бога, государства и естества? И такъ для сего не нужно ли знаніе, которое намъ преподается подъ именемъ Юриспруденціи? А если еще кому власть Монаршая вручаетъ вѣсы правды, когда съ одной стороны ліются слезы горестныя невинно притѣсненныхъ, а съ другой наглый порокъ дерзновенною рукою, возвыся гордое чело, подавляетъ слабость; сколько лестно умѣть единымъ наклономъ сихъ вѣсовъ подъявъ невинность ушѣшить ея плачъ и низвергнуть алчное высокомѣріе.

Всѣ сіи знанія и разныя отрасли отъ нихъ происходящія должны наполнять душу, которая безъ того была бы пуста. Но что же въ томъ? сколько бы человѣкъ ни былъ просвѣщенъ, онъ не можетъ быть полезенъ, если своего просвѣщенія, своихъ мыслей не можетъ сообщать: подобенъ Фаросу, опредѣленному во время ночи освѣщать великое пространство моря и спасать пловцевъ отъ разбитія; если его фонарь затворенъ, то все равно, хотя бы Фароса не было. И такъ что бы человѣкъ освѣщалъ своими знаніями другихъ, надлежитъ, чтобъ его просвѣщеніе могло изливаться лучами слова. Для сего потребно знаніе языковъ, наипаче же совершенное знаніе природнаго; ибо всякой раждается для пользы своего отечества. Что же значитъ совершенное знаніе языка? умѣть не только чисто, ясно выражать мысли свои; но еще пріятно, убѣдительно и трогающимъ образомъ, и сіе то есть то, что мы называемъ краснорѣчіемъ. О пользахъ и власти онаго надъ сердцами, говорить теперь было бы дѣло излишнее. Я хотѣлъ только показать, какъ вы то сами чув-

ствовать изволите, что всѣ упомянутыя здѣсь и отъ нихъ происходящія знанія толь тѣсно между собою сопряжены, что нельзя ни единаго изключить, не сдѣлавъ тщетными другихъ. Всѣ онѣ подкрѣпляя другъ друга, способствуютъ созидать, украшать и возвышать душу. Всѣ онѣ предшественники мудрости и добродѣтели, и слишкомъ блистательны, чтобы не тронуть отверзтое сердце юноши, хотящаго быть человѣкомъ; и чтобы не наполнить златаго его времени, когда онъ долженъ уготовлять себя быть полезнымъ на той степени, къ которой судьба его избрала.

Я долженъ признаться, что путь ученія тягостенъ; что свѣтлый храмъ наукъ находится на высотѣ, на которую стезя крута и наполнена терніемъ: но по совершеніи сего пути сколь лестно, сколь отрадно видѣть себя тамъ, гдѣ слава предъ очами отечества, изчисляя время юношей, показываетъ всѣ ихъ часы, наполненные прилѣжаніемъ, трудами и говоритъ: „Се воины, искусные и добродѣтельные твои защитники; се нелицемѣрные судіи твоихъ гражданъ, хранители твоихъ законовъ, достойные тѣхъ бременъ, которыя возлагая на нихъ, ты дѣлаешь имъ честь. Они для того употребляли время свое для просвѣщенія себя, чтобы тебѣ быть полезными. Они время свое наполняли цвѣтами, и наполнятъ его плодами. Я ихъ въ нѣдра твои вела, и буду въ нѣдрахъ твоихъ свидѣтельствовать всѣ ихъ шаги, всѣ ихъ часы, дабы увѣнчать ихъ по достоинству моими лаврами.“ — Се голосъ славы! вы безъ сомнѣнія внемлите его во внутренности вашихъ сердецъ. Укрѣпляйте его всѣми силами. Врегитесь заглушать его, и не стыдитесь любить славу страстно. Сія единая страсть достойна сердца мудраго. Я знаю, многіе не могшіе удостоиться благостей ея, противъ нее возглашали и притворялись показывать къ ней презрѣніе; но несравненно легче о ней худо говорить, нежели умѣть ее заслужить.

Вѣрьте, государи мои, по вашимъ собственнымъ чувствамъ, что она единая виновница всѣхъ великихъ дѣлъ. Человѣкъ, не чувствующій ея, слабъ, замѣшанъ въ стадѣ рода человѣческаго, млѣетъ и пресмыкается подъ игомъ мрачной и лѣнивой жизни: но алчущій славы, отвергая недостойный покой, самъ изъ себя изторгается, и такъ сказать, несмѣтно умножаетъ самаго себя во время юношества въ трудахъ ученія, во время возраста совершеннаго въ исполненіи своихъ должностей, и служа человѣкамъ силами и просвѣщеніемъ, далеко оставляетъ ихъ въ нѣкоторомъ родѣ обожанія къ себѣ.

Такъ, государи мои, единою славою сдѣлалися всѣ великіе во всѣхъ родахъ люди. Ею составлялися тѣ герои, тѣ побѣдители народовъ и защитники своего отечества; тѣ законодатели, Философы, превосходные писатели, сіи благотворители и просвѣтители рода человѣческаго, которыми древняя Греція, древній Римъ и другіе новѣйшіе народы насъ приводятъ въ удивленіе и восхищеніе. Ею кажутся намъ превыше человѣковъ Солонъ, Ѳемистоклъ, Аристидъ, Периклъ, Сократъ, Платонъ, Сципіонъ, Титъ; сей Титъ, называвшій тотъ день потеряннымъ, котораго не употреблялъ онъ на пользу государства своего: словомъ, ею сдѣлано все, что ни было великаго, достойнаго нашего обожанія; нынѣ же все то царствуетъ на Тронѣ Россійскомъ.

Вы, которые въ здѣшнемъ источникѣ благостей, сей подпорѣ отечества, упоенные воспитаніемъ и ученіемъ, отселѣ истекаете пролить въ пользу общества ваши дарованія, вы должны чувствовать безконечное счастіе верьховной власти, что бы оной быть достойными подданными: вы должны хотѣть и вѣрно хотите обратить на себя Монаршій взоръ, озаряющій славою того, кто заслужилъ Его вниманіе; и для того вы будете, государи мои, умѣть употреблять ваше время согласно со мнѣніемъ мудраго.

Ваша собственная честь, въ которой одной польза благорожденной души состоитъ, сей долгъ на васъ налагаетъ: того требуетъ отъ вашей чувствительности сердце добродѣтельное, нѣжное и къ вамъ истинно отеческое нашего Начальника здѣсь присутствующаго. Не разтерзайте его употребленіемъ во зло времени вашего, и сдѣлайте, чтобъ онъ видя васъ во все теченіе жизни вашей таковыми, какими видѣть уповаетъ, съ восторгомъ радости сказалъ: вотъ мои чада!

ОТРЫВКИ ИЗЪ РИТОРИКИ.

О СПОСОБАХЪ СОЧИНЯТЬ.

Риторика, *Логика и Грамматика* суть три для всякаго писателя необходимыя знанія, долженствующія быть навсегда неразлучными.

Логика есть искуство, хорошо мыслить; *Грамматика*, правильно говорить; *Риторика*, говорить краснорѣчиво. Хорошо мыслить значитъ располагать свои идеи съ точностію и ясностію, дѣлать свои заключенія справедливо и осторожно, и разсуждать связно и чисто.

Правильно говорить, значитъ употреблять принятыя слова и конструкцію или слово-разположеніе узаконенное по правиламъ языка: то есть убѣгать *барбаризмовъ* въ словахъ, *соллецизмовъ* во фразахъ. Говорить краснорѣчиво значитъ заставлять себя слушать, и убѣждать слушателей. Сіи три средства суть общія всѣмъ родамъ сочиненій въ наукахъ и литературѣ, и въ людяхъ показываетъ изобиліе естественнаго дарованія.

Барбаризмъ есть употребленіе на всякомъ языкѣ слова не того языка, или хотя и того, но напримѣръ не въ томъ родѣ, имени существительнаго, числѣ и падежѣ, или глагола не въ томъ времени, въ которомъ должно, и такъ далѣе; также и то барбаризмъ, когда слово не по употребляемой просодіи выговаривается,

На примѣрЪ: естьли кто скажетЪ вмѣсто *хвататься рукали, я хвачусь рукалѣ;* сіе будетЪ противу Грамматики, языка, и слѣдственно барбаризмЪ. Вмѣсто, *какую терплю муку — какую терплю муку;* сіе будетЪ противЪ просодіи или выговора слова, и слѣдственно также барбаризмЪ.

Соллецизмъ будетЪ тогда, естьли фраза запутана и темна, или хотя не темна, но по свойству языка кажется не естественна. На примѣрЪ: l'eſprit eſt ſouvent dupe du coeur: кто переведетЪ — *разумъ часто дуракъ сердца* — сдѣлаетЪ соллецизмЪ, потому что по Руски сказать должно: *сердце часто обманываетъ разумъ.*

Слово, что Французы называютЪ Oraiſon, заключаетЪ въ себѣ пространное знаменованіе. У грамматиковЪ сіе значитЪ всякую мысль, выраженную словами. Но въ краснорѣчіи сіе значитЪ рѣчь или писаніе пріуготовленное съ искуствомЪ для возбужденія увѣренія въ томЪ, кого сочинитель хочетЪ преклонить на свою сторону.

Надлежитъ примѣтить, что есть великая разность между дарованіемЪ слова и искуствомЪ помогающимЪ образовать его, или привести въ совершенство. Дарованіе называется *краснорѣчіе;* а искуство *Риторика.* Первое производитЪ, а другое судитЪ; одно составляетЪ оратора, а другое того, которой называется РиторЪ. Дарованіе безЪ искуства слабо, а искуство безЪ дарованія ничто.

О трехъ должностяхъ, которыя писатель наблюдать долженъ.

Всякой, кто предпринимаетЪ писать, обязанЪ необходимо исполнить три слѣдующія должности. Во первыхЪ, изобрѣсти мысли; во вторыхЪ, расположить оныя подлежащимЪ порядкомЪ; въ третьихЪ; выразить или высказать ихЪ наилучшимЪ образомЪ. Первая

называется *инвенція*, или *вымыселъ*, вторая *диспозиція* или *расположеніе*, третія *элокуція* или *разсказъ*.

Чтобъ дать ясное понятіе о сихъ трехъ дѣйствіяхъ ума, хочу я представить примѣръ краткій и легкій. А какъ сочиненіе притчей, заключающихъ въ себѣ подъ дѣйствіями и разговорами животныхъ нравоученія для людей, есть родъ самый простый, то начнемъ съ онаго.

На примѣръ естьлибъ надобно было сочинить басню, *котъ и мышь*; то какимъ образомъ за сіе приняться должно?

Не правда ли, что съ перваго разу должно вообразить то, что надлежитъ дѣлать и говорить симъ дѣйствующимъ лицамъ? *Котъ* природою созданъ ловить, а *мышь* быть пойманою. Но сія первая идея еще ни къ чему не приводитъ; ибо изъ сего выдетъ только то, что котъ поймаетъ мышь — о чемъ не стоитъ и говорить. Но дабы разпространить идеи прибавьте, что *мышь* молода, а *котъ* старъ. Противу сего положенія никто споритъ не будетъ: ибо оное естественно можетъ быть соединенно съ обстоятельствами вымысла, и сіе противуположеніе молодости со старостію произведетъ дѣйствіе. Молодая мышь неиспытанна, робка, старой котъ опытенъ и смѣлъ. Вотъ дѣйствующія лица, ихъ характеры или свойства: но гдѣ же дѣйствіе? Вотъ оно. — Молодая мышь, пойманная старымъ котомъ, хотѣла его умилостивить: но старой котъ, ругаясь прозьбами мыши — съѣлъ ее.

Вотъ основаніе басни. Сіе называется первое и главное дѣйствіе ума, именуемое *вымысломъ*. Послѣ сего слѣдуетъ обработываніе первыхъ частей. Мышь хочетъ упросить кота, слѣдовательно она должна ему говорить; котъ ругается ея прозьбами, слѣдовательно отвѣчаетъ ей. Надобно примѣчать, чтобъ рѣчи мыши были сходственны съ ея положеніемъ, съ ея лѣтами и

ростомъ: тоже самое должно наблюдать и въ словахъ кота. Вымыселъ, какъ видно, представилъ всѣ вещи потребныя для сочиненія. Теперь приступимъ къ *расположенію.*

Сія вторая часть привязана къ первой, потому что умъ, когда сочиняетъ, будучи предводительствуемъ самою природою, шествуетъ отъ одной вещи къ той, которая должна за нею непремѣнно слѣдовать. Мышь прежде пойманная, должна кота умаливать. Котъ ей отвѣчаетъ, потомъ и пожираетъ. Вотъ *расположеніе.*

Послѣ сего слѣдуетъ *разсказъ*, которой мысли, принадлежащія, къ баснѣ одѣваетъ, свойственными словами. Иныя должны быть употреблены для изъясненія вещи; а другія для пріятности или для силы выраженія. Посмотримъ, какъ бы это сдѣлать? Должно расположить мысли по степенямъ предъ симъ изображеннаго натуральнаго шествія разума. Чтобъ онѣ будучи почерпнуты изъ сего самаго содержанія были точно оному свойственны, чисты и ясны. Потомъ одѣть ихъ словами приличными достаточно; но безъ всякаго излишества, чтобъ *разсказъ* имѣлъ пріятную простоту, а напаче правильность языка: въ чемъ знаніе грамматическихъ правилъ поможетъ.

Молодинькая мышь еще на свѣтѣ не испытанная попалась въ лапы старому коту. „Не погуби меня — жалостно проситъ она его. Не зная безчувственнаго чѣмъ преклонить къ милосердію, продолжаетъ: „Или отъ мышьяго моего роста, нашъ „хозяинъ, хозяйка и ихъ домашніе оскудѣютъ? „Довольно зернышка хлѣбнаго меня накормить. „Отъ одного орѣшка я вся круглехонька сдѣлаюсь. „Теперь я суха и невкусна. Подожди покуда разжирѣю. Есть ли ты не доживешь, пускай любезныя твои дѣтки меня скушаютъ. Оставь меня имъ въ наслѣдство.„ — Но престарѣлый мышеѣдъ,

„не зная что такое жалость, ошвѣчаетъ: ошиб-
„лась ты разскащица! у меня словами ни чего не
„выторгуешь; они очень умильны, но мнѣ тоже что
„глухому соловья пѣсни. Нѣтъ; полѣзайка ко мнѣ
„въ ротъ и тамъ разшабарывай.„ — Потомъ ее
шерзаетъ.

Вотъ три первыя дѣйствія ума. Хотя во всѣхъ сочиненіяхъ они одинаковы; но слоги бываютъ разны; безъ коихъ ни чего не льзя сдѣлать и которые равно необходимы, какъ тому кто сочиняетъ эпическую поэму, или драмму, или исторію, или какое пространное слово — такъ и тому, кто пишетъ притчу или письмо къ кому и о чемъ бы то ни было. Вездѣ надобенъ *вымыселъ, расположеніе и разсказъ;* съ тою только разностію, что смотря по содержанію все должно быть — или великолѣпно, сильно и выразительно — или просто, легко и пріятно.

Гжа. Севинье, прославившаяся легкою и пріятною простотою писемъ, имѣла такія же идеи какъ и господинъ Флешье, славный Французскій проповѣдникъ: когда первая увѣдомляла своего сродника о смерти Тюрена, а послѣдній говорилъ похвальную рѣчь сему полководцу. Чтобъ равенство ихъ идей показать я за должность почитаю оба примѣра представить. Ибо между ими разность только въ расположеніи и распредѣленіи періодовъ; въ вымыслѣ, прибираніи мыслей; въ разсказѣ и въ выборѣ выраженій и словъ. Госпожа Севинье разказываетъ о смерти Тюрена въ письмѣ къ своему зятю такъ:

„Къ вамъ обращаюся, любезный Графъ, чтобъ
„описать наипечальнѣйшую потерю, какая только
„могла случиться Франціи; а именно, смерть Гос-
„подина Тюрена. Я увѣрена, что вы услыша отъ
„меня эту вѣсть, столько же тѣмъ будете тро-
„нуты и огорчены, сколько и мы здѣсь. Сіе извѣ-
„стіе дошло въ Версалію въ понедѣльникъ. Король

„былъ опечаленъ, сколько должно, утратою наи-
„величайшаго полководца и самаго честнаго чело-
„вѣка. Весь дворъ плакалъ; а господинъ Кондонъ
„едва въ обморокъ не упалъ. Все было готово, что-
„бы ѣхать въ Фонтенебло веселиться, но все
„разрушилось. Никогда, ни о какомъ человѣкѣ
„столь искренно не сожалѣли. Весь Парижъ и весь
„народъ въ смущеніи и въ жалости. Всѣ собира-
„ются въ толпу и всѣ иного не говорятъ, какъ
„только сожалѣютъ о семъ героѣ. Я вамъ посы-
„лаю обстоятельную реляцію о томъ, что онъ
„сдѣлалъ въ послѣдніе дни своей жизни. — Послѣ
„трехъ мѣсячныхъ чудесныхъ побѣдъ, которымъ
„люди военнаго ремесла довольно надивиться не
„могутъ, настала послѣдній день его жизни и
„славы. „

Вотъ письмо, написанное самымъ простѣйшимъ слогомъ. Матерія или содержаніе онаго само по себѣ величественно: но родъ писанія самой простой. Почему и слогъ онаго долженъ унизится и сравнится съ родомъ сочиненія.

Первое правило слога эпистолярнаго или письменнаго есть простота. Почему и возможно съ содержаніемъ смѣшать личныя обстоятельства того, кто пишетъ. Какъ на примѣръ: „*Къ вамъ обращаюся, лю-*
„*безный Графъ! — я увѣрена, что вы услыша отъ меня*
„*эту вѣсть, столько же тѣмъ будете тронуты и огор-*
„*чены, сколько и мы здѣсь.* „

Изъ сего видно, что Г-жа Севинье не предполагаетъ себѣ большихъ предметовъ, и зная преданность своего сродника къ себѣ, преклоняетъ его принять участіе въ смерти великаго человѣка, не для героя, но для себя. Сіе унижаетъ содержаніе и производитъ слогъ фамиліярной, то есть самой обыкновенной, какой быть можетъ въ разговорахъ двухъ сродниковъ. Сей вымыселъ налагаетъ долгъ сдѣлать не слишкомъ пріугото-

вленное или размѣрное расположеніе, а говоритъ самымъ простымъ языкомъ; отъ чего и выходятъ самыя обыкновенные фразы: „*напечальнѣйшая потеря, какая „только могла случиться Франціи. — Опеченъ утра-„тою честнаго человѣка. — Все было готово ѣхать въ „Фонтенебло веселиться: но все разрушилось. Я посы-„лаю обстоятельную реляцію — люди военнаго ремесла*, и проч. Изъ сего видно, что нѣтъ нигдѣ важныхъ словъ. Есть одно, на примѣръ: *наивеличайшаго полководца* — но оное тотчасъ ослаблено словомъ, *самаго честнаго человѣка*. Паденіе небольшихъ періодовъ сего письма нерадиво кончены. Словомъ, главнѣйшее свойство простаго слога есть то, что нѣтъ въ немъ опредѣленной мелодіи, ниже всегда выдерживаемой гармоніи въ расположеніи словъ, ниже числа чувствительнаго, которое наблюдается въ составѣ періодовъ изъ многихъ мыслей или фигуръ краснорѣчія. Все кажется сдѣлано съ небреженіемъ. Одинъ членъ за собою другаго не влечетъ. Нѣтъ прогрессіи возрастающей въ идеяхъ и фразахъ.

Надобно примѣчать, чтобъ на Россійскомъ языкѣ въ простомъ слогѣ великолѣпныхъ словъ, кои по большой части мы беремъ изъ Славянскаго языка, всегда убѣгать въ причастіяхъ, которыя въ возвышенномъ слогѣ придаютъ важности слову, а простой весьма безобразятъ. На примѣръ если-ли кто скажетъ въ простомъ слогѣ вмѣсто — *то дерево, которое ростетъ въ моемъ саду — древо произрастающее въ моемъ вертоградѣ* — будетъ смѣшонъ, и покажетъ, что не къ стати надувается.

Показавъ примѣръ простаго слога, въ письмѣ Гжи. Севиньи о смерти Тюрена, предложу теперь о томъ же самомъ содержаніи часть рѣчи Гна. Флешье. Сей ораторъ въ присутствіи наипочтеннѣйшаго собранія говоритъ на каѳедрѣ. Слово его содержитъ въ себѣ самую чувствительную и возвышенную матерію. Смерть

героя спасавшаго государство — вотъ цѣль его. Отъ сей идеи облагороживаются и возвышаются всѣ части слова.

Такъ ли ему говорить просто, какъ говорятъ съ пріятелемъ? Высказывать ли ему мысли и фразы свои какъ ни попало? Нѣтъ! Сколькобъ Г-жа Севинье, естьлибъ она гордыми и звучными тонами, и великолѣпными словами и фразами писала къ ближнему сроднику, казалася надута, а потому и смѣшна; столькобъ и Флешье казался смѣшонъ, низокъ и сухъ, естьлибъ въ своемъ надгробномъ словѣ употребилъ слогъ Г-жи Севиньи — который въ своемъ мѣстѣ хорошъ и пріятенъ. И потому сей ораторъ говоритъ такo:

„Уже трепеталъ во своихъ шатрахъ врагъ „разстроенный. Уже для спасенія своего устре„млялся въ ущелины горъ сей орелъ, коего дер„зновенный полетъ сначала устрашалъ наши об„ласти. Сіи молніи изъ жерлъ мѣдяныхъ изобрѣ„тенныя адомъ для истребленія человѣковъ, гре„мѣли со всѣхъ сторонъ для ускоренія и споспѣ„шествованія сего отступленія, и Франція въ мол„чаніи ожидала успѣха сего предпріятія, которо„му по всѣмъ правиламъ войны надлежало неми„нуемо сбыться. — Увы! мы вѣдали то, чего дол„жно надѣяться; а не помышляли о томъ, чего „надлежало устрашаться. . . . . О Богъ ужасный, „но праведный въ своихъ совѣтахъ и судьбахъ о „чадахъ человѣческихъ! Ты распоряжаешь и побѣ„дителями и побѣдами. . . . . Ты избираешь въ „дань Твоему безпредѣльному величію великія жер„твы — и поражаешь, когда Тебѣ угодно, тѣ зна„менитые главы, которые Ты толикократно увѣн„чеваешь.

„Не ожидайте, почтенные слушатели, чтобъ „я открылъ вамъ плачевное зрѣлище; чтобъ я

„представилъ сего великаго человѣка простершаго „на его собственныхъ трофеяхъ; чтобъ я явилъ, „вамъ сіе тѣло блѣдное и окровавленное, близь „котораго еще дымится молнія его сразившая; „чтобъ я кровь его заставилъ вопіять яко кровь „Авеля; и чтобъ изобразилъ вашимъ очамъ зако„ны и отечество оплакивающіе его.

„Я смущаюся, государи мои. Тюренъ уми„раетъ, все приходитъ въ смятеніе; щастіе ко„леблется, побѣда утомляется, удаляется миръ, „добрыя намѣренія союзниковъ ослабѣваютъ, во„инство покрытое мрачнымъ одѣяніемъ печали, „упражняется въ отданіи ему послѣдняго долга „погребенія, и слава разносящая по вселенной чрез„вычайныя произшествія, наполняетъ всю Евро„пу гремящею молвою жизни сего мужа и печаль„нымъ сожалѣніемъ о его смерши. „ —

Изъ представленныхъ двухъ примѣровъ для показанія разности между возвышеннымъ и простымъ слогомъ, можно примѣтить, что Г-жа Севинье тоже самое говорила и почти тѣже обороты употребляла какія и Г-нъ Флешье. Но какая разность въ мысляхъ, въ словахъ, во фразахъ; разберемъ сіе.

I. Флешье употребляетъ звуки мужественные и сильные, слова его выбранныя имѣютъ гармонію. На примѣръ: *врагъ смятенный и разстроенный — гада человѣческія — безпредѣльное величіе — дышащія молніи — трофеи — законъ и отечество плачущее.* Все благоразумно и величественно.

II. Выраженія самыя сильныя, то есть, которыя воображенію предоставляютъ каршины вещей и притомъ подаютъ понятіе разуму. На примѣръ: изображая робость непріятеля говоритъ: *трепеталъ во своихъ шатрахъ — устремлялся въ щелины горъ сей орелъ, коего*

дерзновенный полетъ устрашалъ наши области — сіи молніи изъ жерлъ мѣдяныхъ гремѣли.

III. Обороты особливые и смѣлые, кои не употребительны въ простомъ слогѣ.

IV. Великія Риторическія фигуры. Экскламація — *Увы!* Апострофъ — *Богъ ужасный.* Антитезы ощутительныя — *Ты разпредѣляешь и побѣдителями и побѣдами!* простой слогъ не имѣетъ сего вида животворнаго и блистающаго.

V. Амплификація или разпространеніе по всюду царствуетъ. То есть,Ораторъ повторяетъ одинакія идеи, въ разныхъ картинахъ съ нѣкоторымъ умноженіемъ часъ отъ часу величія и силы. На примѣръ: *уже трепеталъ — уже стремился* и проч. Въ простомъ слогѣ для Г-жи Севинье довольно было сказать: *Господинъ Кондонъ едва въ обморокъ не упалъ. — Все было готово ѣхать въ Фонтенебло, чтобъ веселиться; но все разрушилось.*

VI. Въ рѣчи Флешьеровой есть разпредѣленіе идей и прогрессія въ численіи. — 1. *Не ожидайте, почтенные слушатели, чтобъ я открылъ вамъ плачевное зрѣлище* — 2. *чтобъ представилъ сего великаго человѣка разпростертаго на его собственныхъ трофеяхъ* — 3. *чтобъ я, явилъ вамъ сіе тѣло блѣдное и окровавленное, близъ котораго еще дымится молнія его сразившая* — 4. *чтобъ я заставилъ вопіять кровь его яко кровь Авеля и чтобъ изобразилъ вашимъ очамъ законъ и отечество оплакивающіе его.* Вотъ четыре члена кои идутъ возрастая, то есть одинъ другаго сильнѣе, и что называется прогрессіею возрастающею чисденій или чиселъ, или интерваловъ, въ коихъ фразы заключаются. Надобно примѣтить какуюОраторъ употребилъ Риторическую фигуру. Онъ сказалъ, что *не хочетъ открыть плачевнаго зрѣлища*, какъ будто для того, чтобъ огорченныхъ слушателей еще

болѣе не огорчитъ: однако въ самомъ дѣлѣ то дѣлаетъ чего не хочетъ, чѣмъ онъ еще сильнѣе поражаетъ.

Столько же чиселъ и въ письмѣ Г-жи Севинье, сколько въ рѣчи Флешьеровой; но она сказуетъ вещи единственно только для того, чтобъ сказать, а Ораторъ распространяетъ мысли и хочетъ поразить сердце слушателей. — Севинье не думала о томъ, чтобъ выбирать мысли, выраженія и слова, не имѣла нужды призывать на помощь къ себѣ всю силу и израженія краснорѣчія; а Флешье не могъ сказать просто, что *Тюренъ самой честной человѣкъ* — что *смерть его потеря для Франціи* — что *люди военнаго ремесла хвалятъ его.*

Содержаніе у нихъ обоихъ тоже; но обстоятельства разныя, по которымъ и сочиненія должно располагать. Чтобъ ощутительнѣе показать какъ должно осторожно размѣрять свой слогъ по положенію вещей, хотя и въ одинакихъ случаяхъ, приведу въ примѣръ двѣ надгробныя рѣчи. Ѳеофанъ, славный Россійскій проповѣдникъ, при погребеніи ПЕТРА ВЕЛИКАГО начинаетъ свое слово: „*Что видимъ Россіяне! и кого погребаемъ?— ПЕТРА ВЕЛИКАГО!*„ Сіи слова были прерваны всеобщимъ рыданіемъ и сего простаго начала довольно было, чтобъ при видѣ простертаго въ гробѣ Героя растерзать сердца всѣхъ, кои безъ того были безмѣрно огорчены. Спустя нѣсколько времени въ Малороссіи нѣкоторой проповѣдникъ, зная какое дѣйствіе произвело начало Ѳеофанова слова, хотѣлъ имъ воспользоваться и тронуть своихъ слушателей. Сіе было при погребеніи неизвѣстно какого-то сотника. Проповѣдникъ не разбирая обстоятельства, началъ точно Ѳеофановыми словами. „*Что видимъ, Россіяне! и кого погребаемъ?— Сотника!* чтожъ изъ этаго вышло? Всѣ засмѣялись и проповѣдникъ осрамился.

Естьлибъ въ примѣрѣ до сего мною представленномъ басни мыши и кота, вмѣсто мыши, молодой и

невинной человѣкъ терпѣлъ гоненіе не отъ кота; но отъ свирѣпаго и пришомъ знатнаго человѣка; тогда не смотря на тоже самое содержаніе вымысель возвысилъ бы расположеніе мысли и разсказа. Почему и шпилю надлежало бы совсѣмъ быть иному, между самымъ простымъ и самымъ высокимъ слогомъ. Крайности слишкомъ далеки, но нетрудно умѣть различить оные; ибо есть между ими разныя среднія отдѣленныя степени. которыя могутъ быть смѣшаны. Надлежитъ, чтобъ содержаніе весь умъ и чувствіе сочинителя наполняло, и тогда свойственное оному выраженіе само собою будетъ находиться. Буде же сочинитель удаляяся отъ своего содержанія завсегда къ спати и не къ спати захочетъ блистать не по содержанію того, что пишетъ, тогда все будетъ не естественно.

Прежде нежели приступлю къ среднимъ слогамъ, надобно предварить читателя, что краснорѣчіе раздѣляется на три разбора: первый *доказывающій*, второй *разсуждающій*, третій *приказный*, *или стряпчій*.

Доказывающій, хулитъ или хвалитъ. Къ оному принадлежатъ Панегирики, надгробныя слова, академическія рѣчи и прочее.

Разсуждающій, обязываетъ дѣйствовать или не дѣйствовать. Къ тому принадлежатъ всѣ совѣты государственныхъ людей, касающіеся до предпріятія чегобъ то ни было къ пользѣ общества клонящагося.

Приказный или стряпчій, обвиняетъ или оправдываетъ Къ оному принадлежитъ все то, что служитъ къ открытію порока, къ защищенію невинности и къ поддержанію силы законовъ. Но какъ сіе разсужденіе краснорѣчія древними учрежденное, новѣйшихъ временъ Риторы не безъ причины почитаютъ ненужнымъ, потому, что честность, польза, справедливость, торжество добродѣтели, и низверженіе порока, суть единые

предметы, къ которымъ краснорѣчіе должно стремиться и которое его соединяетъ въ единое; то и не почитаю за нужное о семъ распространяться: а приступлю къ нужнѣйшему, и такъ сказать основанію мыслей человѣческихъ, то есть къ *Аргументамъ ораторскимъ*, то есть къ источнику Логики, откуда Риторика почерпаетъ свое начало.

О АРГУМЕНТАХЪ ОРАТОРСКИХЪ.

Чтобъ изъяснить, что такое аргументъ, надлежитъ знать, что оныхъ есть три разбора. Первой, есть простое или несложное изображеніе чего нибудь въ умѣ, какъ на примѣръ: естьли я себѣ представляю *солнце* или *кругость*, вотъ это обыкновенно называется *идеею*. Вторый, есть изображеніе связи двухъ идей, какъ на примѣръ: естьли я самъ себѣ скажу, *солнце кругло*, сіе есть *размышленіе*. Третій, есть изображеніе соотношенія двухъ или многихъ связей между собою, какъ на примѣръ: естьли я самъ себѣ скажу; *солнце кажется всѣмъ кругло, слѣдовательно оно кругло*. Сіе есть *разсужденіе*.

И такъ *понимать*, *размышлять*, *и разсуждать*, суть три должности разума.

Когда сіи три разбора мысли выражены словами, тогда они перемѣняютъ свое названіе Идея, а называется *терминомъ* или *словомъ*; размышленіе, *предложеніемъ*; а разсужденіе, *аргументомъ*.

Разсужденія заключаютъ въ себѣ размышленія, а размышленія идеи: или все тоже аргументы составлены изъ предложеній, а предложенія изъ терминовъ. Аргументы иногда имѣютъ три предложенія. На примѣръ:

Надлежитъ любить то, что насъ дѣлаетъ щастливыми;
А какъ добродѣтель насъ дѣлаетъ щастливыми;
Слѣдовательно надлежитъ любить добродѣтель.

Вотъ что называется *силлогизмъ* по формѣ.

Первое изъ сихъ предложеній называется старшимъ; второе, младшимъ; а третіе, заключеніемъ.

Иногда аргументъ имѣетъ только два предложенія, потому что одно можно подразумѣвать. На примѣръ:

Добродѣтель насъ дѣлаетъ щастливыми;
Слѣдовательно должно любить добродѣтель.

Сіе называется *Энтимемою*. Первое предложеніе называется *предъидущимъ*, а второе *послѣдующимъ*. Силогизмъ въ формѣ рѣдко встрѣчается въ краснорѣчіи; а Энтимема занимаетъ его мѣсто. А естьли Силлогизмъ въ формѣ и бываетъ, то части его расположены не Философическою формою. Въ Логикѣ говорятъ: *добродѣтель дѣлаетъ насъ щастливыми; слѣдовательно должно любить добродѣтель.* Въ сочиненіи краснорѣчія, сначала представляютъ предложеніе, которое должно доказать; а причину доказывающую послѣ. На примѣръ: *надобно любить добродѣтель, потому что она дѣлаетъ насъ щастливыми.*

Въ Цицеронѣ мы найдемъ примѣръ сему расположенію въ экзордѣ или вступленіи слова его, за стихотворца Архія. Онъ говоритъ такъ:

„Естьли есть во мнѣ какое дарованіе; да-
„рованіе коего я чувствую слабость и недоста-
„токъ. Естьли я имѣю нѣкую способность пріо-
„брѣтенную въ искуствѣ, въ коемъ я достигну
„хотя не до вышней степени, но по крайней
„мѣрѣ до посредственности. Наконецъ, естьли я

„долженъ ученію словесныхъ наукъ, которыхъ я „ни въ какое время моей жизни не презиралъ, нѣ„которою ошъ общества довѣренностію и нѣко„торымъ степенямъ могущества, за сіе никшо бо„лѣе Архія не имѣетъ права получишь себѣ возда„нія. Когда я на память привожу первыя лѣта „моей жизни; когда я обращаюся ко днямъ близ„кимъ съ моимъ младенчествомъ: я вижу Архія „меня ведущаго, поддерживающаго и поставляю„щаго на путь ко храму словесныхъ наукъ. Есть„ли мой гласъ, образованный его наставленіями, „возбуждаемый его совѣтами, иногда спомоще„ствовалъ гражданину въ опасности; то могу ли „я упустить нынѣ, что служитъ къ защищенію „шого, кшо научилъ меня защищать другихъ.„

Когда сей періодъ превратишь въ силлогизмъ, то выдетъ слѣдующее:

Естьли я долженъ моими дарованіями Архію, то онъ долженъ съ него собрать плоды.

А какъ онъ изъ дѣтства моего образовалъ мое дарованіе, слѣдовашельно и надлежитъ ему собрать съ него плоды.

Старшее предложеніе: *естьли гласъ мой* и проч. младшее, *когда я вспомню первыя лѣта*, и проч.

Силлогизмъ ораторскій обыкновенно распространяешся прибавленіемъ двухъ другихъ предложеній, изъ которыхъ одно служитъ доказательствомъ старшему, а другое младшему, естьли они въ томъ нужду имѣютъ. На примѣръ:

Надобно любить то, что дѣлаетъ насъ совершеннѣе;
А какъ словесныя науки дѣлаютъ насъ совершеннѣе:
Слѣдовашельно должно любить словесныя науки.

Вотъ аргументъ *Философической*.

Мы его сдѣлаемъ *Ораторскимъ*, прибавленіемъ къ нему двухъ предложеній; изъ коихъ одно, какъ выше сказано, будетъ служить доказательствомъ старшему, а другое младшему.

Надобно любить то, что дѣлаетъ насъ совершеннѣе.

Сія истинна впечатлѣнна въ насъ самихъ. Все ее доказываетъ неопровержимо; здравый разсудокъ, самолюбіе наше: все влечетъ насъ быть лучшими.

А словесныя науки дѣлаютъ насъ совершеннѣе;

Кто можетъ о семъ усумниться? Онѣ обогащаютъ разумъ; онѣ умягчаютъ нравы; онѣ распространяютъ на всю внѣшность человѣка видъ честности и вѣжливости.

Слѣдовательно должно любить словесныя науки.

Но какъ вкусъ не можетъ терпѣть такаго связнаго и такъ сказать цыркулемъ вымѣреннаго расположенія, которое рѣчи придаетъ нѣкоторую упругость и грубость; что должно оное оборотить и закрыть видомъ вольности. На примѣръ:

„Можно ли не любить словесныхъ наукъ? Онѣ „обогащаютъ разумъ, умягчаютъ нравы; онѣ украшаютъ и приближаютъ къ совершенству человѣчество. Довольно одного здраваго разсудка и „нашего самолюбія, чтобъ показать намъ сколь „онѣ драгоцѣнны и убѣдить насъ въ нихъ упражняться.

Аргументъ или разсужденіе употребляется только тогда, когда должно самому найти, или другимъ показать истинну, которая не легко открываешся. На примѣръ: когда двѣ идеи, которыя кажутся несвязанными между собою, привязаны къ третьей: то сія третія составитъ узелъ первыхъ двухъ. Естьлибъ я, на примѣръ, не зналъ, что *должно любить справедливость*,

то спрашиваю самъ у себя. *Что такое справедливость?* Это есть *добродѣтель.* Сего мнѣ довольно: я знаю, *что должно любить добродѣтель;* слѣдовательно, я знаю, *что должно любить и справедливость.* Сіе есть слѣдствіе того славнаго правила, что если двѣ вещи согласны съ третьею, то онѣ также согласны и между собою.

Въ другихъ случаяхъ простое выраженіе идей почти одно царствуетъ; и чаще всего въ поэмахъ, въ повѣствованіяхъ, въ рѣчахъ, должно наиболѣе предметы представлять предъ глаза, нежели доказывать оныхъ существительность.

О ОБЩИХЪ МѢСТАХЪ.

Древніе желая все покрыть правиломъ или превратить въ искуство, вывели также искуство и для инвенціи, то есть для вымысла. Раздѣляя по порядку всѣ виды какъ внутренніе такъ и внѣшніе какого нибудь дѣла, казалося, что они хотѣли, вести, такъ сказать, за руку дарованіе, и заставлять его находить вдругъ всевозможные аргументы, въ разныхъ мѣстахъ, до которыхъ они доводили. *Общими мѣстами* называли они тѣ хранилища или магазейны ума, въ которыхъ заключаются всѣ сокровища, служащія предметомъ вымысла (*Инвенціи*).

Первое изъ сихъ общихъ мѣстъ есть *Дефиниція*. Она значитъ изъясненіе, или изтолкованіе какой нибудь вещи. Посредствомъ оной Оракоръ находитъ въ самомъ естествѣ той вещи, о которой онъ говоритъ, причину для увѣренія. Естьли бы Оракоръ вздумалъ увѣрить, что краснорѣчіе должно быть уважаемо, онъ бы сказалъ:

„Дарованіе хорошо говоритъ, достойно поч-
„тенія, потому, что оно изображая славными и
„живыми красками прелести добродѣтели, сею
„дщерію небесъ восхищаетъ насъ и заставляетъ
„ей слѣдовать. Также открываетъ намъ ясно мер-
„зость пороковъ и поражаетъ ихъ своимъ гро-
„момъ. И вмѣсто того, чтобъ порокъ ядъ свой

„на другихъ проливалъ, принуждаетъ его въ мол-
„чаніи глотать свою собственную отраву: и пр.

Господинъ Флешье говоря, что не должно тщеславиться качествомъ называемымъ разумомъ, показываетъ *Дефиницію* онаго, слѣдующимъ образомъ:

„И въ самомъ дѣлѣ, что такое разумъ? Естьли
„ли мы его разсмотримъ по природѣ, найдемъ, что
„онъ есть огонь, которой силою болѣзни или инымъ
„приключеніемъ чувствительно уменьшается. Онъ
„есть сложеніе нѣжное, которое разпускается; ща-
„стливый составъ органовъ, которые портятся; со-
„борище жизненныхъ духовъ, которые истощаются
„и изчезаютъ. Онъ есть наиживѣйшая и тончай-
„шая часть души, которая становится тяжелою и
„кажется, что съ тѣломъ вмѣстѣ старѣетъ. Онъ
„есть тонкость разсудка, которая вдыхается и
„тѣмъ болѣе испаряется, чѣмъ она нѣжнѣе и чи-
„ще. Естьли мы его болѣе разсмотримъ — се часть
„насъ самихъ болѣе любопытная, нежели знающая,
„которая заблуждается въ своихъ мысляхъ; всемо-
„гущество горделивое, часто совсѣмъ противное
„смиренію и простодушію Христіанскому, и ко-
„торое часто истинну оставляя для лжи, только
„того не вѣдаетъ, чтобъ надлежало знать; а
„знаетъ то, чего не должно вѣдать. И такъ не
„надлежитъ тщеславиться разумомъ.

Второе общее мѣсто: *энумерація или изчисленіе частей*, или иначе *подробности*. Значитъ то, когда въ рѣчи на примѣръ: вмѣсто того, чтобъ доказывать, что должно любить добродѣтель, доказывать станешь, что должно любить *истинну*, *силу*, *благоразуміе*, *воздержаніе:* что не что иное есть какъ части составляющія добродѣтель. Сіе есть тоже, что и разпространеніе. Сему общему мѣсту многіе изъ новѣйшихъ Ораторовъ обязаны всею своею славою. Оное имѣетъ свое досто-

инство. Мысли падаютъ хотя не такъ какъ молнія, которыя не имѣютъ ни силы ни блеска: однако по крайней мѣрѣ падаютъ онѣ какъ градъ, которой не низвергая путешествователя принуждаетъ его искать убѣжище.

Третіе — *Этимологія* или *произведеніе*. Оно иногда Оратора снабжаетъ небольшимъ аргументомъ. На примѣръ. „*Естьли Философія есть любленіе премудрости;* „то буди мудръ и умѣренъ, ты которой носишь имя „Философа.„

Четвертое — *Омонимы, игра словъ*, родъ фальшивыхъ силлогизмовъ. Сего должно убѣгать; ибо сіе есть послѣднее убѣжище Оратора хотѣть ложнымъ блескомъ игрушекъ омрачить слабые умы и привлечь презрѣніе и неудовольствіе здравомыслящихъ людей. Дѣло защищаемое Ораторомъ должно быть ощчаянно, чтобъ искать способа себѣ въ Омонимахъ: а правое дѣло повреждается, когда употребляются таковыя орудія.

Пятое — *Родъ и части его.* Сіе единое изъ сильныхъ мѣстъ. Доказывается онымъ очень хорошо, что надобно любить справедливость, потому что надобно любить добродѣтель, которыя она есть часть.

Шестое — *Уподобленіе*, тоже что и сравненіе, о чемъ нѣтъ нужды теперь говорить; ибо оное принадлежитъ къ тропамъ или фигурамъ риторическимъ.

Седьмое — *Противуположности.* Они въ великомъ употребленіи. Сей способъ часто есть наилучшій предлагать свою мысль. Оное производится слѣдующимъ образомъ. Должно напередъ о той вещи, о которой дѣло идетъ, сказать то, чего въ ней нѣтъ. Тогда умъ всегда любопытный слышателя или читателя приведетъ въ движеніе и будетъ стараться самъ сыскать дефиницію. Притомъ же таковое противуположительное описаніе служитъ пѣнею другому, которое пріуго-

товляется. На примѣръ: господинъ Флешье въ надгробной рѣчи нѣкоторой Принцессы, говоритъ такъ:

„Еслибъ я пришелъ сюда оплакивать нечаянную „смерть какой либо свѣтской Принцессы, мнѣ бы „осталося только вамъ показать свѣтъ съ его „суетностями и коловратностями. Сію тьму „изображеній, которыя представляются нашимъ „глазамъ и изчезаютъ; сіе преображеніе состоя„ній и щастія, которыя начинаются и кончат„ся, возстаютъ и упадаютъ; сей порокъ, то со„кровенный, то видимый, которой возобновляет„ся; сію цѣпь премѣнъ, въ нашемъ тѣлѣ по сла„бости природы, въ душѣ непостоянствомъ на„шихъ желаній; наконецъ сіе разстроеніе всеоб„щее и безпрестанное человѣческихъ вещей, ко„торыя какъ ни естественны и не безпорядочны „кажутся нашимъ глазамъ, однакоже суть дѣло „всемогущей Божіей десницы и порядокъ прови„дѣнія. Словомъ, Господа! я пришелъ хвалить „Принцессу больше возвыщенную вѣрою, нежели „породою.

Изъ сего примѣра видно, что Ораторъ началъ описывать наперед не только не ту Принцессу, о которой онъ намѣренъ говорить; но и совсѣмъ противныхъ свойствъ, дабы послѣ похвалою болѣе выставить ту, которую прославляетъ.

Осьмое — *Обстоятельства.* Они имѣютъ великую важность въ доказательствахъ. На примѣръ:

„Оттонъ, говорятъ, тайно напалъ на Клавдія: но „разсмотримъ обстоятельства. Онъ тогда ѣхалъ „въ каретѣ закутанный въ епанчѣ широкой съ „своею супругою и съ ея служанками. И такъ ка„кимъ образомъ могъ онъ напасть тайно.

Девятое — Когда вкупѣ собираютъ мысли, дѣйствія, обстоятельства, и вдругъ бросаютъ на слушателя, чтобъ его, такъ сказать, засыпать множествомъ; сіе называется Conglobata. На примѣръ, Флешье говоритъ:

„Тюренъ умираетъ, все разстроивается, щастіе „колеблется, побѣда утомляется, миръ удаляет„ся, доброе намѣреніе союзниковъ ослабѣваетъ, „храбрость воинства приходитъ въ уныніе, отъ „горести весь станъ неподвиженъ.„ и проч.

Десятое — *Предвидущее* и *послѣдующее* суть вещи, которыя передъ дѣломъ, или послѣ дѣла; и которыя способствуютъ его объясненію. На примѣръ: *ты поссорился съ Клавдіемъ, грозилъ ему:* вотъ предъидущее. — *Онъ убитъ: ты скрываешься:* вотъ послѣдующее, и оба служатъ уликою смертоубивства.

Дабы не обремянить поняшіе, я не стану слишкомъ распространяться надъ общим имѣстами. Только за должность мою почитаю сказать, что не должно пренебрегать сего пособія, которое искуство предлагаетъ дарованію. Часто сіи общія мѣста бываютъ вѣрною нишью, которая разуму не даетъ заблуждашься въ лавиринѳѣ: естьли кому должно о чемъ нибудь писать, не надлежитъ ли самому у себя спросить. Какое намѣреніе я предпріемлю? На примѣръ, хвалить *чрезвычайнаго человѣка.* Что сдѣлалъ сей чрезвычайный человѣкъ? А какъ чрезвычайный человѣкъ долженъ имѣть добродѣтели превыше обыкновенныхъ людей, то, о комъ я хочу говорить, имѣлъ ли ихъ? Пробѣжимъ мыслію подробности его жизни.

„Здѣсь оказалъ онъ геройскую умѣренность. Обы„кновенная душа того бы не сдѣлала. Тамъ бла„горазуміе и способность удивительную. Такое „то средство имъ выбранное произвело такое-то „дѣйствіе, котораго не смѣли и надѣяшься.„

Такимъ-то образомъ изъ самаго содержанія являются сами собою общія мѣста. Увѣрить можно, что и тѣ самые, которые будто презираютъ общія мѣста, принуждены бываютъ черпать въ оныхъ; даже бываютъ одолжены имъ своими красотами и сами того не примѣчая.

О НРАВАХЪ ОРАТОРА
И
ВООБЩЕ ВСЯКАГО СОЧИНИТЕЛЯ.

Благонравіе не изъ послѣднихъ украшеній писателя. Естьли сердце его не исправлено и чуждо добродѣтели, то всегда произведенія его отзываются смрадомъ пороковъ; и не смотря на разумъ его раждаютъ отвращеніе въ читателѣ или слушателѣ благонравномъ, котораго похвала должна быть первымъ предметомъ для всякаго писателя ищущаго истинной славы.

Нравы въ краснорѣчіи принимаются въ иномъ смыслѣ нежели какъ въ Поэзіи. Въ Поэзіи разумѣется не о поэтѣ, но о лицахъ имъ представляемыхъ. Не требуется того, что бы оные были всегда добродѣтельны; довольно, естьли они истинны, то есть, сходственны съ изображаемыми героями, или съ тою идеею, которую о нихъ имѣютъ. Въ краснорѣчіи же когда говорится о нравахъ, то сіе значитъ, что тамъ должна сіять не только описываемая добродѣтель; но и добродѣтель личнаго Оратора.

Первое; требуется того, что бы онъ былъ честной человѣкъ, и чтобъ слава его носила на себѣ знаменіе его честности.

Второе; долженъ онъ быть скроменъ. Ни что такъ не раздражаетъ слушателя, какъ гордость чело-

вѣка предъ нимъ говорящаго. Тогда слушатель оскорбленный принимаетъ на себя качество строгаго и нежалостнаго судіи. Хотябъ слушатель и долженъ быть безотвѣтенъ противу поразительныхъ истинъ; но онъ противится, и ничто его не убѣждаетъ. Надлежитъ примолвить, что скромность есть знакъ истинной учености и истиннаго дарованія и достоинства.

Третіе: къ честности и скромности должно Оратору еще прибавить ревнованіе къ пользѣ тѣхъ, которые его слушаютъ; ибо всѣ люди преклонны слушать съ охотою рѣчи своихъ друзей. И когда Оракоръ покажется искренне желающимъ нашихъ благъ, и изыскивающимъ средства быть намъ полезнымъ; то не возможно, чтобъ мы не были съ нимъ одного мнѣнія. Онъ тогда ловитъ насъ за наше слабое мѣсто, то есть, за нашу любовь къ самимъ себѣ.

Четвертое качество Оратора, есть благоразуміе, которое показываетъ его просвѣщеніе. Ибо можемъ ли мы, хотя и ясно видимъ его къ намъ усердіе и дружбу, повѣрить ему себя и положиться на него въ снисканіи путей къ нашему благополучію, которыхъ онъ самъ не знаетъ.

И такъ, Оракоръ долженъ основывать свои слова на сихъ четырехъ добродѣтеляхъ, которые не мало способствуютъ къ убѣжденію слушателей.

О СТРАСТЯХЪ ОРАТОРНЫХЪ.

Теперь приступимъ мы къ наиблистательнѣйшему украшенію, или лучше такъ сказать, къ душѣ краснорѣчія, безъ чего оно всегда слабо и болѣе мертво, нежели живо. На крыльяхъ же страстей возносится до небесъ, и ставъ посреди боговъ, ошолѣ двигая сердцами, правитъ смертными по волѣ своей.

Напрасно нѣкоторые метафизики слишкомъ строгіе восклицали противъ употребленія страстей. Аристотель противъ нихъ вооружаясь сказалъ, что смущая духъ страстями приводишь къ истиннѣ, есть тоже, что кривить прямую черту. Однако люди инакими быть не могутъ, каковы они суть. Когда Философія отъ начала вѣка тщетно пекущаяся о томъ, чтобъ люди любили истинну только для нея самой и безъ всякой корысти, получитъ въ томъ успѣхъ; то краснорѣчіе тогда перестанетъ прибѣгать къ страстямъ. А доколѣ сіе сбудется, дотолѣ оно должно слѣдовать прежнему своему правилу, и въ защищеніе добродѣтели вооружишь всѣ пружины въ человѣкѣ находящіяся, для утвержденія въ немъ оной, или для отмщенія за нее.

Должно сказать, что страсти суть орудіе опасное, когда онѣ разсудкомъ не управляются; однако онѣ несравненно дѣйствительнѣе самаго разсудка, естьли онъ ихъ сопровождаетъ и имъ служитъ. Только посредствомъ однихъ страстей краснорѣчіе торжествуетъ и сердцами владѣетъ. Кто умѣетъ къ стати ихъ воз-

буждашь, тотъ есть властишель умовъ и душъ. Сколько же силенъ какъ буря, столько же проницаемъ какъ молнія, столько же быстръ какъ съ горъ стремящійся потокъ, онъ уноситъ, опрокидываетъ все волнами своего живаго краснорѣчія. Вотъ такъ-то говаривали великіе люди; такъ-то царствовали Демосѳены въ Аѳинскомъ Ареопагѣ, Цицероны въ Сенатѣ Римскомъ, Флешьеры, Боссюэты во храмахъ Французскихъ, Ѳеофаны и Платоны въ преддверіяхъ обиталища Божія; и такъ-то они иногда гремѣли и трогали всѣхъ сердца!

Сдѣлавъ начало о страстяхъ Ораторныхъ не входя еще въ подробное истолкованіе какъ оными писатели и Ораторы дѣйствуютъ, надлежитъ прежде представишь, что разумѣется подъ словомъ страсти. А для того и нужно начашь отъ самаго источника, то есть, разсмотрѣть способности и дѣйствія нашея души.

Хотя наша душа одинакова и нераздѣлима; однако можно въ ней увидѣть двѣ части. Говорятъ: *я понимаю, что вы мнѣ говорите, но не хочу сего сдѣлать.* Не значитъ ли оное, что наша душа понимаетъ и хочетъ? и что понимать не то, что хотѣть? — Понимающая способность называется *разумѣніе*, а хотящая *воля*. И такъ человѣкъ имѣетъ великое разумѣніе, когда предлагаемое хорошо, скоро и легко понимаетъ. И такъ должность *разумѣнія* есть увидѣть, познать и понять.

Должность *воли* есть любить или ненавидѣть, хвалить или осуждать. По тѣсной связи воли съ разумѣніемъ все равное надъ нами дѣлаетъ впечатлѣніе. Естьли впечатлѣніе пріятно, то воля пріемлетъ оное охотно; а ежели непріятно, то она отвергаетъ.

Естьли сіи впечатлѣнія легки, производятъ онѣ то, что называется *чувствованія* или *пріятныя страсти;* какъ-то, дружество, веселость, вкусъ, тогда душа не бываетъ смятенна сими сильными сотрясеніями, *которыя* ее выводятъ изъ обыкновеннаго ея положенія,

Она легкими страстями столько приводится въ движеніе, сколько надобно, чтобъ сама себѣ могла содѣлывать удовольствіе не бывъ ни чѣмъ волнуема: подобно спокойному человѣку, наслаждающемуся въ прекрасный день гуляніемъ въ рощахъ, близъ чистыхъ источниковъ. Когда впечатлѣнія живы и сильны; тогда-то ихъ обыкновенно называютъ *страстями*. — Они суть порывы бурь, которые не давая намъ образумиться мчатъ насъ къ какому либо предмету, или отъ онаго опрокидываютъ.

А по сему смотря по образу, которымъ умъ работаетъ, оный и принимаетъ названіе то *творческаго разума*, что Французы называютъ genie, то *разсужденія*, то *воображенія*, то *памяти*.

Такимъ же образомъ и *воля* смотря по дѣйствію ея принимаетъ разныя именованія. Естьли она хочетъ соединиться съ предметомъ ей представляемымъ, это называется *любовь*. Для возбужденія сей страсти, надобно изображать предметъ съ качествами пріятными и полезными. На примѣръ господинъ Ломоносовъ, чтобъ заставить любить мирное спокойствіе, начинаетъ оду свою похвалою тишины, слѣдующимъ образомъ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И классы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Во слѣдъ дерзаютъ за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли!

Симъ стихотворецъ живо даетъ чувствовать, что миръ есть величайшая крѣпость государства; что имъ процвѣтаютъ земледѣліе и торговля, которыми одни-

ми блаженствуютъ народы; и представляя предметъ въ прекрасномъ видѣ заставляютъ возхищашься. Наилучшіе же примѣры для приведенія отъ ненависти къ любви есшь въ безсмертныхъ Трагедіяхъ Александра Петровича Сумарокова, сего славнаго Поэша и возсшановишеля Россійской Мельпомены.

Есшьли воля оштдаляется съ ошвращеніемъ отъ предмета, шогда сіе называется *ненавистію.* Она производишся средствами прошивными шѣмъ, кои внушаютъ любовь. Цицероновы рѣчи называемыя Капишлинаріи, и Демосѳеновы Филиппики, представляютъ шому множесшво блисшашельныхъ примѣровъ.

Помянушыя двѣ сшрасши сушь основаніе всѣмъ прочимъ сшрасшямъ отъ нихъ происходящимъ. Хорошіе шрагическіе Авшоры преимущесшвуютъ въ шомъ болѣе другихъ писашелей. Есшьли надлежишъ ихъ выражашь, то надобно самому чувсшвовашь; а безъ шого нельзя оныхъ досшигнушь ни сисшемою, ни правиломъ.

ОТРЫВОКЪ

ТОЛКОВАГО СЛОВАРЯ.

Атласъ. . . . . . Перемѣняется однимъ только удареніемъ на аплясъ. — Разница та, что послѣднее болѣе уважаютъ нежели первое.

Аргусъ. . . . . . Юнонинъ сторожъ, которой стерегъ богиню Іо. Онъ имѣлъ у себя сто глазъ. Нынѣ и съ тысячію не успѣлъ бы въ своей должности.

Аврора. . . . . . Мачиха плоскихъ стихотворцевъ.

Архива. . . . . . Памятникъ судейскимъ взяткамъ.

Б.

Балъ. . . . . . Собраніе, въ которомъ молодые люди въ танцахъ выставливаютъ свою фигуру; а старики свою за картами прячутъ.

Болванъ. . . . . Вещь, на которую часто головы похожи бываютъ не одними париками.

Благословеніе. . . . Тоже что и мешокъ; безъ денегъ ничего не значитъ.

Безстыдной. . . . Тоже что и пробошной мужичокъ, съ свинцовой головкой; какъ его въ носъ не щелкай всегда становится въ позитуру.

Богатство. . . . Сильное свидѣтельство о способностяхъ ко всему.

Божба. . . . . . Очень ходячая въ свѣтѣ монета по большой части фальшивая.

Болтать. . . . . Одно достоинство многихъ.

Бѣдность. . . . . Уничтоженіе всѣхъ нашихъ дарованій.

Безпристрастіе. . Качество весьма сумнительное и рѣдкое.

Банкрутъ. . . . . Слово сложное изъ банка и рушъ

(route) дорога, означающее столбовую дорогу къ банку. Способъ на вѣрное пунтировашь — просто сказать, на вѣрное обмануть.

Безсмертіе героевъ. Достоинство покупаемое смертію многихъ простолюдимовъ.

Бѣлила. . . . . Подпора увядшихъ красотъ.

Бракъ. . . . . . Панехида по любви.

Благодарность. . . Не нынѣшнее но древнее чувствованіе.

Болѣзнь. . . . . Дань медицинѣ.

Буря. . . . . . Тоже что и случай; иной тонетъ, а другой спасается.

Бренность. . . . . Подруга времени.

В.

Важность. . . . . Маска дураковъ, а особливо ученыхъ.

Веселіе. . . . . . По большой части значитъ перемѣну одной скуки на другую.

Воскресенье. . . . День узаконенный опочить отъ трудовъ. Простой народъ исполняя сей законъ, чтобы крѣпче опочить, напиваетсл до пьяна.

Воспитаніе. . . . . Блестящій лакъ, изъ подъ котораго и дурная каршина бросаетсл въ глаза.

Велѣть. . . . . . Этимъ равняется и дуракъ и умный: но исполненіе показываетъ разность между ими.

Врагъ. . . . . . Отъ слова врагъ, часто отличается только перемѣною буквы *Г* на *Ч*.

Война. . . . . . Искусство показывающее правило какъ себя порядочнѣе убивать.

Взятки. . . . . Судейской оселокъ, на которомъ они пробуются безъ ошибки.

Воображеніе. . . . Огромный анбаръ, въ которомъ храняться разнаго рода придури.

Высокомѣріе. . . . Помнится божество идолопоклонниковъ творящее и чудеса и глупости.

Вопросъ. . . . . . Рѣчь доказывающая и очень умнаго, и очень глупаго человѣка.

Вселенная. . . . . Театръ человѣческихъ дѣяній.

Вѣрность. . . . . Врагъ супружества.

Г.

Гордость. . . . . Огромная вывѣска самой малинькой души.

Господство. . . . Способъ болѣе умничать, нежели умнымъ казаться.

Гулянье. . . . . Мѣсто, гдѣ красавицы не смотря ни на кого, заставляютъ всѣхъ на себя смотрѣть.

Глупость. . . . . Качество общее, съ которымъ можно быть долговѣчну.

Гробъ. . . . . . Предѣлъ желаній.

Грѣхъ. . . . . . Въ слабомыслящемъ человѣкѣ онъ раждается каждую минуту; но здравый разсудокъ принимаетъ его на себя очень рѣдко.

Гавань. . . . . . Тоже и въ свѣтѣ, что и въ мореплаваніи. Успокоеніе отъ мірскихъ суетъ.

Городъ. . . . . . Мѣсто, гдѣ всякой надѣвъ маску старается съиграть свою ролю какъ можно лучше.

Гербъ. . . . . . Замѣна личнаго достоинства.

Гость. . . . . . Для скупова самая несносная особа.

Громъ. . . . . Пробужденіе природы, и закоснѣлой въ преступленіи совѣсти.

Грабить. . . . . Примѣръ какъ съ помощію силы разживашься.

Гнуть. . . . . . Ежели спиною, то въ переднихъ знашныхъ господъ; ежели совѣстью, то за судейскимъ столомъ; ежели языкомъ, то у ногъ любовницы.

Д.

Дѣтство. . . . . Возрастъ человѣческой, въ которомъ играютъ въ куклы. Сей возрастъ во всю жизнь его продолжается — разница только въ куклахъ.

Добрый человѣкъ. . Смирный недѣлающій другому вреда. И такъ шакая доброша есть и въ собакѣ, которая не кусаешся.

Дерзость. . . . . Дѣяніе, которое пріемлетъ наиблисшашельнѣйшее имя, есшьли есшь удача.

Деньги. . . . . . Существишельное отмѣнныхъ свойсшвъ занимающее одно само собою всевозможныя прилагашельныя.

Дураки. . . . . . Они то, что самыя шемныя шѣни въ каршинахъ — нужны для оттѣнки.

Дать. . . . . . Глаголъ весьма не употребишельный, а только употребляется шамъ, гдѣ нѣтъ надежды болѣе взяшь.

Добродѣтель. . . . Епанча, которую на себя надѣваютъ честные люди, чтобы

чѣмъ ни есть отъ плутовъ отличишься.

Добросердіе, добродушіе. . . . . . Платье, въ которомъ лѣтомъ очень жарко; а зимою очень холодно. И для того его нынѣ кромѣ бѣдняковъ и простыхъ людей ни кто не носитъ.

Достоинство. . . Гдѣ оно заключается въ степеняхъ богатства, тамъ часто бываетъ оно безъ достоинства.

Дружба. . . . . Душевная свадьба, которая подвержена не рѣдко разводной.

Дѣвица. . . . . . Твореніе женскаго рода, которое не было еще подвержено церковнымъ обрядамъ бракосочетанія.

Доволенъ. . . . . Сіе чувствованіе стольже отъ насъ далеко бѣжитъ, какъ должникъ отъ заимодавца.

Душа. . . . . . Компасъ ведущій насъ къ безсмертію.

Е.

Эпитафія. . . . . Знакъ гордости оставшихъ.

Эфиръ. . . . . . Безмѣрная высота, куда обыкновенно летаютъ всѣ стихотворцы.

Ѣздокъ. . . . . . Искусникъ, котораго слава по большой части зависитъ отъ искуства лошади.

Еръ. . . . . . Тоже въ азбукѣ, что истинна между людей; литера, безъ которой легко можно обойтишься.

Этна. . . . . . Огнедышущая гора! — Изображеніе нашихъ страстей.

Эолъ. . . . . . Богъ вѣтровъ — Молодые вѣршопрахи съ усердіемъ поклоняются

сему Богу, и для того то они такъ вѣтрены и непостоянны.

Ельникъ. . . . Парнаскія розги, которыми наказываются худые стихотворцы.

Ж.

Женщина. . . . . Тоже что и нуль; безъ предъидущей цыфири никуда не годится.

Жако. . . . . . Животное сидящее всегда на жордочки. Оно въ себѣ имѣетъ свойство всѣхъ старухъ, столько же болтливо.

Жалѣть. . . . . Слово сіе принимается въ разныхъ смыслахъ. Лѣкарь жалѣетъ о убыли больныхъ; судья, о людскомъ миролюбіи; воинъ, о спокойствіи и тишинѣ. Вездѣ мелькаетъ эгоизмъ!

Жизнь. . . . . . Ежели богатая, то хлопотлива; а бѣдная скучна.

Женидьба. . . . . Послѣдній ресурсъ, коли по интересу — послѣдняя страсть, ежели по любви.

Желаніе. . . . . Тоже что и вѣчность! — безпредѣльна!

Ждать. . . . . . Къ сему слову пріучены почти всѣ челобитчики.

Жадность. . . . Сильное стремленіе къ собственному своему благу.

Жена. . . . . . Милое твореніе, созданное изъ мужнина ребра, которое не рѣдко въ сердцахъ перещипываетъ и остальныя ребра своего сожителя.

Женихъ. . . . . Смѣшная жертва, которая для

того сперьва веселишся, чтобъ послѣ плакать.

Жеманство. . . . Наружной обманъ, которымъ ушѣшаютъ себя старыя красавицы.

З.

Заимодавцы. . . . Родъ честныхъ людей, которые пріучаютъ насъ къ вѣжливости.

Зефиръ. . . . . . Скучный вѣтерокъ. Онъ всюды суется, и вездѣ встрѣчается.

Зависть. . . . . . Печаль о благополучіи другаго.

Знаю. . . . . . Пріемлется шремя видами — 1е все знаю, означаетъ надменнаго невѣжду — 2е не знаю, глупаго — 3е ничего не знаю, разумнаго человѣка.

Завтра. . . . . . Въ старину значило на другой день; а нынѣ гораздо долѣе: а секретарское никогда.

Зелля. . . . . . Дань трудолюбію.

Змѣя. . . . . . Изображеніе зла, которое иногда преображается и въ двуножную тварь.

Зеванье. . . . . . Родная сестра скуки и сна, у которыхъ отцы по большой части бываютъ плохіе сочинители и скучные орашоры.

Зубы. . . . . . Коли женнины, то они иногда съ лишкомъ больно кусаются; но мужнины болѣе ни къ чему не годятся, какъ для съѣстнова.

Зима. . . . . . Аллегорической видъ нашей старости.

Заря. . . . . . Предвѣстница новой радости щастливцамъ, и новой горести злополучнымъ.

Злодѣй. . . . . . Бичъ Божіяго правосудія.
Знаніе. . . . . . Сокровище, котораго никакое злополучіе отнять не можетъ.
Заблужденіе. . . . Самопроизвольное зло, раждающееся отъ самолюбія и гордости.

И.

Исторія. . . . . Архива тщеславія.
Интересъ. . . . . Мѣра человѣческихъ дѣяній.
Игры. . . . . . Слово сіе означаетъ, или супплементъ разума, или ресурсъ глупости.
Игрокъ. . . . . . Воръ, которой воруетъ безъ оглядки, не боясь Управы Благочинія.
Испытаніе. . . . Оселокъ. Каждая вещь имѣетъ свой Тутъ круглая порука. Золото пробуется огнемъ, женщина золотомъ; а мущина женщиной.
Искушеніе. . . . . Сильное стараніе о умноженіи чужихъ грѣховъ.
Измѣна. . . . . Продажа совѣсти съ публичнаго торгу.
Идолопоклонникъ. . Тоже что и льстецъ, у котораго по наружнымъ видамъ все кумиры.
Иній. . . . . . Улика поседѣлымъ красавицамъ и дряхлымъ женишкамъ.
Изступленіе. . . Полная воля нашихъ страстей.
Искра. . . . . . Ежели стихотворческая, то болѣе раздувай; естьли любовная, то скорѣй гаси.
Изобрѣтеніе. . . . Неожидаемой подарокъ отъ разума.
Истлѣніе. . . . . Уничтоженіе физическаго бытія.
Исполнить. . . . Гораздо мудренѣе, нежели велѣть.

того сперьва веселишся, чтобъ послѣ плакать.

Жеманство. . . . Наружной обманъ, которымъ ушѣшаютъ себя старыя красавицы.

З.

Законодавцы. . . . . Родъ честныхъ людей, которые пріучаютъ насъ къ вѣжливости.

Зефиръ. . . . . . Скучный вѣтерокъ. Онъ всюды суется, и вездѣ встрѣчается.

Зависть. . . . . Печаль о благополучіи другаго.

Знаю. . . . . . Пріемлется шремя видами — 1е все знаю, означаетъ надменнаго невѣжду — 2е не знаю, глупаго — 3е ничего не знаю, разумнаго человѣка.

Завтра. . . . . . Въ старину значило на другой день; а нынѣ гораздо долѣе: а секретарское никогда.

Зелля. . . . . . Дань трудолюбію.

Змія. . . . . . Изображеніе зла, которое иногда преображается и въ двуножную шварь.

Зеванье. . . . . Родная сестра скуки и сна, у которыхъ отцы по большой части бываютъ плохіе сочинители и скучные ораторы.

Зубы. . . . . . Коли женщины, то они иногда съ лишкомъ больно кусаются; но мужчины болѣе ни къ чему не годятся, какъ для съѣстнова.

Зима. . . . . . Аллегорической видъ нашей старости.

Заря. . . . . . Предвѣстница новой радости щастливцамъ, и новой горести злополучнымъ.

Злодѣй. . . . . . Бичъ Божіяго правосудія.
Знаніе. . . . . . Сокровище, котораго никакое злополучіе отнять не можетъ.
Заблужденіе. . . . Самопроизвольное зло, раждающееся отъ самолюбія и гордости.

И.

Исторія. . . . . . Архива тщеславія.
Интересъ. . . . . . Мѣра человѣческихъ дѣяній.
Игры. . . . . . Слово сіе означаетъ, или супплементъ разума, или ресурсъ глупости.
Иерокъ. . . . . . Воръ, которой воруетъ безъ оглядки, не боясь Управы Благочинія.
Испытаніе. . . . Оселокъ. Каждая вещь имѣетъ свой. Тушъ круглая порука. Золото пробуется огнемъ, женщина золотомъ; а мущина женщиной.
Искушеніе. . . . . Сильное стараніе о умноженіи чужихъ грѣховъ.
Изліяна. . . . . Продажа совѣсти съ публичнаго торгу.
Идолопоклонникъ. . Тоже что и льстецъ, у котораго по наружнымъ видамъ все кумиры.
Иній. . . . . . Улика посѣдѣлымъ красавицамъ и дряхлымъ женишкамъ.
Изступленіе. . . Полная воля нашихъ страстей.
Искра. . . . . . Ежели стихотворческая, то болѣе раздувай; естьли любовная, то скорѣй гаси.
Изобрѣтеніе. . . . Неожидаемой подарокъ отъ разума.
Истлѣніе. . . . . Уничтоженіе физическаго бытія.
Исполнить. . . . Гораздо мудренѣе, нежели велѣть.

К.

Красота. . . . . Кредитивное письмо; но не надолго.

Комплиментъ. . . Скучная рѣчь, которая ничего не значитъ.

Кредитъ. . . . . Старинное словцо. Нынѣ оно начало уже выходить изъ употребленія и теряетъ свою цѣну.

Критика. . . . . У мѣлкихъ писателей раждается отъ зависти къ хорошему.

Коварство. . . . Самая ходячая монета; даже безъ промѣну.

Комедія. . . . . Напередъ сего значило школа нравовъ; а нынѣ не что иное есть, какъ школа остроты.

Краснорѣчіе. . . . Излишество и злоупотребленіе словъ.

Корысть. . . . . Идолъ, которому всѣ сокровища въ жертву приносятся.

Клевета. . . . . Ядовитое растеніе, которое подъ розами сохнетъ и увядаетъ.

Клятва. . . . . Способъ, чтобы не правду сдѣлать правдою.

Красть. . . . . Сильная привычка не свое дѣлать своимъ.

Кормило. . . . . Душевное спасеніе между бурныхъ волнъ мірскихъ суетъ.

Л.

Лавры. . . . . . Листочки никуда болѣе непригодные какъ къ соусамъ.

Любовь. . . . . . Шутка или глупость: одно изъ двухъ. Шутка тогда, когда кто всѣхъ женщинъ обожаетъ; а глупость, когда къ одной плотно привяжется.

Ласкательство. . . Родъ прилипчивой болѣзни, которая дѣйствуетъ какъ Антоновъ огонь.

Лобъ. . . . . . У мужей самое выгодное мѣсто, гдѣ по большой части строютъ супружескіе обелиски.

Лира. . . . . . Сдѣлалась почти всеобщимъ инструментомъ. Разница въ томъ та, что въ рукахъ нѣжныхъ поэтовъ, она сохранила свое имя; а у дюженныхъ сочинителей слываетъ за простую балалайку.

Лѣкарство. . . . . Служитъ только одною формою медицины; чтобъ послѣ смерти больнаго сказали, что онъ методически лѣчился.

Личина. . . . . . Нужный нарядъ, которой въ этомъ свѣтѣ рѣдко скидается.

Лицемѣръ. . . . . Ложный вѣстникъ сокровенныхъ чувствъ.

Льстецъ. . . . . . Тоже что и зеркальной фонарь, которой издали хорошъ; но въ близи никуда не годится.

Лѣность. . . . . Родная сестра богатству.

Любочестіе. . . . Источникъ славы.

Лихоимецъ. . . . Человѣкъ, которой только держится двухъ правилъ въ Ариѳметикѣ: сложенія, да умноженія.

М.

Мавзолея. . . . . Знакъ высокомѣрія человѣковъ.

Мода. . . . . . Идолъ, котораго обожаютъ дураки, чтобъ казаться умными; а умные, чтобы не прослыть дураками.

Мечта. . . . . . Призракъ прошедшихъ временъ, мысленное удовольствіе и забвеніе настоящихъ горестей.

Мужъ. . . . . . Комнатное украшеніе, которое закрываетъ всѣ домашніе недостатки.

Мореплаватель. . . Человѣкъ, которой съ малолѣтства пріученъ бояться какъ на морѣ, такъ равно и въ рюмкѣ видитъ мель.

Малодушіе. . . . Болѣзнь почти неизцѣлимая, ежели въ молодости отъ ней не избавишся.

Милостыня. . . . Исполненіе нашей чувствительности.

Молва. . . . . . Словесная почта, которая нигдѣ не замедлитъ.

Младенецъ. . . . Новое лицо въ этомъ мірѣ, для претерпѣнія разныхъ бѣдъ.

Молодость. . . . Время, въ которое частыя бури и непогоды много затмѣваютъ хорошихъ дней.

Мгновеніе. . . . . Терминъ нашихъ веселій — изображеніе нашей жизни.

Молчаніе. . . . . Большою частію маска невѣжества.

Мужество. . . . Сію добродѣтель можетъ на себя принять и тотъ мужъ, которой храбро дерется съ своею женою, по тому, что не многіе въ сей побѣдѣ отличаются.

Математика. . . . Такая наука, которая знающему ее не приноситъ никакова другаго доходу, кромѣ совершеннаго знанія щитать и вычитать.

Н.

Надежда. . . . . Сновидѣніе и бредни не спящаго человѣка.

Наслѣдство. . . . Ресурсъ промотавшихся.

Невѣжество. . . . Неограниченная нищета, которая и подъ самымъ золотомъ. не можетъ сокрыть своей бѣдности.

Недоросль. . . . . Въ моральномъ смыслѣ принимается такой человѣкъ, которой во всю жизнь не могъ дорости ни до ума ни до нравственности.

Новость. . . . . Отрада болтливыхъ, которая съ помощію ихъ родится, выростаетъ и умираетъ.

Нравственность. . Есть та часть Философіи, которую гораздо болѣе толкуютъ; а меньше всего исполняютъ.

Наружность. . . . Занавѣсъ, за которою дѣлать можно что угодно, только не должно забывать ее опустить.

Непостоянство. . . Тѣшное жалованье, отпускаемое молодыми женами старымъ мужьямъ.

Начало. . . . . . Въ приказныхъ тяжбахъ никогда не теряетъ своего существа, и всегда остается началомъ.

Наглость. . . . . Сильный приступъ покровительствуемый безстыдствомъ, которой всегда служитъ ко вреду самаго себя.

Налой. . . . . . Деревянныя ноги, поддерживающія всю ученую тягость.

Нравъ. . . . . . Ежели судейской; то онъ какъ магнитная стрѣлка, самое сильное имѣетъ наклоненіе къ деньгамъ.

О.

Отвѣтъ. . . . . Оселокъ нашего ума.

Обморокъ. . . . . Женская ухватка, чтобы черезъ безчувствіе сдѣлать любовника

своего слишкомъ чувствительнымъ.

Обезьяна. . . . . Звѣрокъ похожій на людей, которые принявшись за хорошіе примѣры, выкраиваютъ изъ нихъ самые худые лоскутки.

Оглавленіе. . . . . Вывѣска книгъ. — Большою частью много обѣщаетъ; но мало исполняетъ.

Обѣщаніе. . . . . Всеобщій порядокъ, которымъ награждаютъ слишкомъ щедро.

Обстоятельства. . Болѣе творятъ преступниковъ, нежели самой умыселъ.

Обрученіе. . . . . Вексель на вѣрность, которой однакожъ очень скоро протестуется и отдается ко взысканію.

Одежда. . . . . . Ежели богатая, то она часто бываетъ видимой вывѣской невидимаго достоинства.

Опасность. . . . . Случай, гдѣ душа познаетъ свою великость или ничтожество.

Осужденіе. . . . . Походитъ на игру пестринкимъ мячикомъ, посылаемымъ отъ одного къ другому.

Откровенность. . . Стариньная повадка нашихъ предковъ.

Обольщеніе. . . . Выигрышъ надъ слабыми чувствами, за которой послѣ плотишь большимъ проигрышемъ.

Отецъ. . . . . . Предорогое названіе; но оно часто получается за урядъ.

Ослѣпленіе. . . . Чудесные глаза, которые иногда видятъ то, чего другіе не видятъ; и не видятъ того, что другіе видятъ.

П.

Пустякъ. . . . . То что мы. Пространство всѣхъ нашихъ понятій.

Подражаніе. . . . Значитъ у нынѣшнихъ писателей тоже, что и собственное сочиненіе.

Примѣръ. . . . . . Зрительная трубка, которая часто показываетъ и фальшиво.

Панигирикъ. . . . Заказная рѣчь, относящаяся болѣе ко славѣ сочинителя его, нежели ко славѣ того, о комъ говорятъ.

Подлость. . . . . . Аріаднина нить ведущая ко щастію.

Правда. . . . . . Лежалая монета, съ которой всегда останешся въ накладѣ.

Плутовство. . . . Имя весьма существительное; но какъ оно жестоко отдается, то замѣняетъ его слово тонкость.

Подъячій. . . . . Родъ саранчи, которая чрезмѣрно плодуща и прожорлива.

Приданое. . . . . Маштабъ, по которому измѣряются достоинства невѣстъ.

Похвала. . . . . Авторской подкопъ, подводящій мину подъ кошельки знатныхъ господъ.

Первое Апрѣля. . . День, въ который всякой старается выдумать какой нибудь искусный обманъ; но ежели обернешь глаза на всѣ мѣсяцы, то каждый день покажется за первое Апрѣля.

Память. . . . . Архива прошедшихъ временъ.

Пегасъ. . . . . . Крылатая лошадка, которая таскаетъ и хорошее и дурное.

Прелюбодѣйство. . Любопытство чужихъ забавъ.

Р.

Развязка театральная. . . . . . Въ трагедіи смертію, а въ комедіи женидьбой. По этому видно, что гораздо веселѣе жениться, нежели умирать.

Рѣшимость. . . . Право дураковъ. Умный человѣкъ только рѣшитъ самъ о себѣ.

Ревность. . . . . Амурная лихоманка.

Рошки. . . . . . Головное украшеніе весьма дешевое; и потому никогда изъ употребленія не выходило и не выдетъ.

Рядная. . . . . . Брачный торгъ, гдѣ полагается на невѣсту цѣна.

Родословная. . . . Вѣрная опись всѣмъ мертвымъ дѣдамъ и прадѣдамъ.

Разумъ. . . . . . Источникъ добра и зла.

Робость. . . . . Изображеніе малой души.

Родины. . . . . . Вещь преестественная и преобыкновенная, которую однакожъ искусство постаралось сдѣлать опасною.

Репутація. . . . . Видъ весьма обманчивой. Часто онъ зависитъ болѣе отъ подобныхъ видовъ нежели отъ точности самихъ дѣлъ.

Риторика. . . . . Наука, приносящая большую отраду бѣднымъ сочинителямъ, какъ разкрашивать свою нищету.

Развалины. . . . . Жертва времени, которая показываетъ, что все подъ нимъ истлѣваетъ.

Румяны. . . . . . Зимнія розы, гдѣ природа стыдится изъявлять красоты свои.

Разводная. . . . . Размѣна сердецъ, гдѣ ихъ съ такимъ же точно удовольствіемъ

возвращаютъ, съ какимъ сперва берутъ.

Рвеніе. . . . . . Приступъ къ славѣ.

Радость. . . . . Тоже что и дѣтская игрушка. Вскорѣ дѣлаешся обыкновенною, а послѣ надоѣстъ.

С.

Самолюбіе. . . . . Оно то въ морали, что и рычагъ въ Механикѣ.

Суета мірская. . . Картина, которую должно разсматривать одаль, чтобъ узнать точную ей цѣну.

Сочинитель. . . . Художникъ, которой обнаруживаетъ разумъ свой, искуство и глупость съ помощію Типографіи.

Сватья. . . . . . Смѣшная особа, пекущаяся съ большимъ усердіемъ о размноженій рода человѣческаго.

Сердце. . . . . . Порука любовниковъ, на котораго они безпрестанно ссылаются.

Смиреніе. . . . . Постное лице скоромной души.

Стихи. . . . . . Лежалый товаръ, которой рѣдко кому не въ накладъ.

Соблазнъ. . . . . Вѣрное искушеніе къ новымъ грѣхамъ.

Старость. . . . . Время, въ которое природа требуетъ обратно всѣ свои дары.

Совѣсть. . . . . Сердечной караульщикъ, которой однакожъ часто спитъ.

Смѣяться. . . . Изрѣдка кое чему принадлежитъ каждому; а всему вообще однимъ шокмо дуракамъ, да самымъ умнымъ людямъ.

Свѣтъ. . . . . . Онъ въ просвѣщеніи никогда не

запмѣвается; а невѣжда и днемъ ничего не видитъ.

Страсти. . . . . Душевной пожаръ.

Т.

Терпѣніе. . . . . Добродѣтель весьма легкая преподавать другимъ.

Такъ и быть. . . . Словцо, которымъ себя утѣшаетъ умный человѣкъ во всѣхъ противныхъ случаяхъ жизни.

Трауръ. . . . . . Мрачное изображеніе иногда самой свѣтлой души.

Тростникъ. . . . Растеніе похожее на льстецовъ, которые при маленькомъ шорохѣ знатныхъ господъ всегда приклоняютъ свои спины.

Тайна. . . . . . Она также мучительна для женщинъ, какъ и правда для судей.

Тартаръ. . . . . Мѣсто гдѣ гораздо тѣснѣе будетъ, нежели въ раю.

Твердость. . . . . Высочайшее благо, съ которымъ во всѣхъ превратныхъ случаяхъ не потеряешь имени человѣка.

Трезвость. . . . . Добродѣтель, извѣстная намъ болѣе по одному слуху, нежели по существу ея дѣла.

Трусъ. . . . . . Человѣкъ, которой слишкомъ скупъ на собственную свою жизнь, и для того онъ всегда сердится издалека.

Тщета. . . . . . Обманчивая красавица, которая водитъ за носъ какъ дураковъ, такъ и умныхъ.

Трагедія. . . . . Жалкое сочиненіе, гдѣ иногда актеры рыдаютъ; а зрители хохочутъ.

Титла. . . . . . Тоже что и вериги. Иной на силу ихъ таскаетъ.

Тюрьма. . . . . Самая вѣрная и дешевая квартира для промотавшихся.

У.

Упрямство. . . . Вывѣска дураковъ.

Уваженіе. . . . . Нынѣ раздѣлено по состоянію богатствъ.

Ученый. . . . . Безъ просвѣщенія ничего иное есть, какъ движущаяся архива знанія.

Упоеніе. . . . . Люди во всѣ времена были склонны къ упоенію; но съ тою только разницею, что въ старину болѣе упоялись духомъ, а нынѣ виномъ.

Учтивость. . . . Въ старину она была изображеніе добродѣтелей и общежитія, а нынѣ только изображеніе оныхъ.

Умѣть жить. . . Значитъ умѣть льстить.

Уши. . . . . . Часто бываютъ длинны не у однихъ только ословъ.

Утро. . . . . . Время, въ которое все пробуждается для возобновленія новыхъ дурачествъ.

Уборъ. . . . . . Вещь, чрезъ которую надѣются и дурныя прослыть хорошими.

Узелъ. . . . . . Коли сердечной, но онъ не видимо самъ собою развязывается.

Уфъ. . . . . . Восклицательной знакъ слушателя, когда онъ стонетъ подъ толстою тетрадью плоскаго стихотворца.

Усы. . . . . . Изображеніе геройскаго лица, у котораго иногда храбрость въ однихъ только усахъ состоитъ.

Умноженіе. . . . Медицинское правило, когда оно

получаетъ деньги за своихъ покойниковъ.

Убѣждать. . . . Все тоже, что и покупать. Безъ платежа ничего не сдѣлаешь.

Упадокъ. . . . . Случай, гдѣ познается истинное дружество.

Урокъ. . . . . . Вся наша жизнь. Мы уже тогда его выучиваемъ, когда приходимъ къ старости.

Умираю. . . . . Женщины часто употребляютъ сіе словцо; но исполняютъ его по одной только необходимости.

Умъ. . . . . . Рѣдкой товаръ. На него много охотниковъ, но мало покупщиковъ.

Ф.

Философія. . . . . Походитъ на дѣланіе злата. Многіе ея ищутъ.

Франкмасонъ. . . Тоже что и кафимской узелъ, которому дивится невѣжда, а умной и развязывашь за сущую малость щитаетъ.

Фортуна. . . . . Походитъ на глупаго богача, которой разточаетъ свои сокровища безъ всякой цѣли.

Театръ. . . . . . Мѣсто, куда люди собираются, чтобы посмѣяться самимъ надъ собою.

Фижмы. . . . . . Женская оборона, которая заставляетъ любовниковъ воздыхать аршина за три.

Фонарь. . . . . Безъ свѣчи, тоже что и голова безъ ума: никакого не льзя сдѣлать употребленія.

Фурія. . . . . . Чудовище, которое превращается по большой части въ женщинъ.

Фабрика умовъ. . . Заведена для пользы, обратилась во вредъ. Осьмое-надесять сполѣтіе ясной тому примѣръ.

Флегматикъ. . . . Созданіе занимающее среднюю степень между царствомъ прозябаемымъ и животнымъ.

Физикъ. . . . . . Бичъ предразсудковъ.

Форма. . . . . . Часто служитъ изображеніемъ какого нибудь достопамятнаго лица, богатаго барина, которое иногда только шѣмъ и знаменито, что слишкомъ толсто и жирно.

Фальшивая красота. Тоже, что и фальшивая монета. Всегда останешся съ нею въ накладѣ.

X.

Хула. . . . . . Дочь зависти; и потому то она всегда далеко отъ истинны.

Ханжа. . . . . . Смѣшная особа, которая желаетъ и въ раю и въ адѣ найти себѣ покровителей.

Химія. . . . . . Бухгалтерія аптекарей, которая учитъ ихъ переводить деньги изъ кармана больныхъ въ свой собственной.

Хвалить. . . . . Безъ разбору — знакъ глупаго и низкаго; ничего не хвалить, надменнаго; а изрѣдка, разумнаго человѣка.

Хвастовство. . . . Ничтожная радость, когда другіе вѣрятъ тому, чего нѣтъ и не бывало.

Хоасъ. . . . . . Непостижимое пространство всѣхъ нашихъ желаній.

Хмѣль. . . . . . Чудотворное растеніе, которое от-

накожъ люди постарались сдѣлать опаснымъ.

Хоронить. . . . . Способъ какъ избавляться отъ покойниковъ, для того, что они въ живѣ были слишкомъ неугомонны.

Храбрость. . . . Иногда получаетъ свой выигрышъ отъ трусости другихъ.

Харя. . . . . . Шутливое лицо, которое имѣетъ большое сходство на древніе антики.

Холостой. . . . . Щастливецъ, которой еще не попалъ въ тартаръ на этомъ свѣтѣ.

Ходатай. . . . . Существительное лицо, которое много имѣетъ около себя прилагательныхъ, когда онъ случаенъ или богатъ.

Характеръ. . . . Морская пучина. Какъ ни бросай якорь, никогда дна не найдешь.

Художникъ. . . . Человѣкъ, котораго кормитъ и дуракъ и умной. Равно оба его и судятъ.

Холодность. . . . По большой части снискивается черезъ брачные обряды.

Хлѣбъ. . . . . . Гдѣ онъ пріобрѣтается честностію, тамъ много для него поту проливаютъ.

Хворой, или больной. Платитъ за три вещи вдругъ. Лѣкарю за пріѣздъ, аптекарю за лѣкарство, а гробовому мастеру за гробъ.

Ц.

Цырюльникъ. . . . Бѣднякъ, которой отъ чистаго сердца желаетъ, чтобъ цѣлой

свѣтъ поссорился съ своими бородами.

Цѣна . . . . . Соблазнительная вещь, когда она на деньгахъ основана. Почти во всѣхъ случаяхъ имѣетъ свою удачу.

Цѣломудріе. . . . Въ красавицахъ родится отъ страха, а въ старушкахъ по необходимости.

Цвѣтокъ. . . . . . Тлѣнность красоты, которая безъ душевныхъ прелестей скоро увядаетъ.

Церемонія. . . . . Гдѣ люди надуваютъ свои лица, для того, чтобы какъ возможно умнѣе и важнѣе показаться.

Цырькуль. . . . . Вѣрной инструментъ для землемѣра, какъ на десятинахъ бѣднаго помѣщика разположитъ богатаго.

Цыганка. . . . . Искусная волшебница, которая всегда угадываетъ старому мужу, что онъ будетъ рогатъ.

Цѣлость. . . . . Вещь въ свѣтѣ несуществующая. Всякой по различнымъ причинамъ стараешся у ближняго своего раздробить на части то, что у него въ цѣлости находится.

Цѣпи. . . . . . Моральная смерть, которая тѣмъ несноснѣе, что чувствуешь всю тягость оной.

Цѣнитель. . . . . Тоже, что и аукціонистъ; изъ всѣхъ вещей, которымъ полагаетъ цѣну, самъ меньше всѣхъ стоитъ.

Цѣпкой. . . . . . Знающій какъ уцѣпишься за чужой кошелекъ.

Ч.

Читать. . . . . . Читается троякимъ образомъ; 1е читать и не понимать; 2е читать и понимать; 3е читать и понимать даже то, чего не написано. Большая часть людей читаютъ первымъ манеромъ; но третьимъ весьма мало.

Чотки. . . . . . Нетерпѣніе кающагося грѣшника.

Чердакъ. . . . . Жилище стихотворцовъ.

Чахотка. . . . . Жестокая болѣзнь, которая вкрадаваетсяъ денежные кошельки, и равно вездѣ неизцѣлима.

Честь. . . . . . Слово, за которое всегда болѣе вступаются, и которое менѣе всего соблюдаютъ.

Чувствованіе. . . . Оно по большой части управляется золотомъ.

Человѣкъ. . . . . Удивительная смѣсь ума, глупости, добра и зла.

Чернилица. . . . . Очень часто бываетъ малою причиною большихъ дѣйствій.

Часы. . . . . . Мѣра нашихъ веселостей и горестей.

Черти. . . . . . Существо безплотное, коего плотность многіе глупые люди надъ собой ощущаютъ.

Чорный или Арапъ. Не столь бываетъ чоренъ какъ иногда Европеецъ хотя и покрытъ бѣлой кожей.

Червонцы. . . . . Магнитъ, которой водитъ за собою почти цѣлой свѣтъ.

Человѣколюбіе. . . Тоже что и надутой пузырь. Больше показываетъ нежели что въ немъ есть.

Чванство. . . . . Вывѣска малодушія.

Ш.

Школа. . . . . . Мѣсто, гдѣ бы было очень тѣсно, естьли бы помѣстить туда всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ нужду имѣетъ.

Ширмы. . . . . Вѣрные заступники молодыхъ любовниковъ отъ старыхъ мужей.

Шататься. . . . Свойство слабаго человѣчества, когда оно отягчено виномъ.

Шалость. . . . . Шутливое своенравіе, которое рѣдко кому не въ накладъ.

Шуба. . . . . . Защита отъ морозовъ; но недостаточные поэты согрѣваются воспареніемъ духа, и для того никогда шубы не имѣютъ.

Шипы. . . . . . Нѣтъ розы безъ шиповъ. — Нѣтъ красавицы, которая бы ихъ не имѣла. Со всѣмъ тѣмъ рѣдкой, которой бы не хотѣлъ ими поколоться.

Шкапъ съ книгами. Часто служитъ однимъ только украшеніемъ, а не пользою.

Шептать. . . . . Способъ, какъ двумъ бранить третьяго.

Шашки. . . . . . То что мы есть. Случай, обстоятельства и умъ, водятъ насъ по шахматной доскѣ сего свѣта; и дѣлаютъ изъ насъ, то коня, то слона, то въ ферзи производятъ.

Шарлатанъ. . . . Тоже что и раекъ. Кажется красивымъ сквозь стекло; но въ близи кромѣ вздору ничего не найдешь.

Шутникъ или острякъ. . . . . . Съ богатой вывѣской самая бѣдная лавка, въ которой никогда не найдешь прочныхъ товаровъ.

Шлемъ. . . . . . Оборона древнихъ воиновъ, кото-

рое во время войны защищала отъ нападенія враговъ; а въ нынѣшніе вѣки и въ мирное бы время пригодилось.

Шпага. . . . . . Висячая храбрость, которая иногда прицѣпливается къ ходячей трусости.

Щ.

Щастіе. . . . . . Бланкетъ на всѣ достоинства.

Щеты. . . . . . Бумага, изъ которой видно, что управители сильнѣе въ умноженіи, нежели въ вычитаніи.

Щедрость. . . . . . Мѣра безкорыстія нашего.

Щеголь. . . . . . Первой переходъ природы отъ обезьяны къ человѣку.

Щадить. . . . . . Нынѣ значитъ то, что ежели кто кого только что не бранитъ.

Щоки. . . . . . Женскіе парники, на коихъ старухи хотятъ и зимою производить розы.

Щелъки. . . . . . Всеобщая игра, отъ которой одни падаютъ, а другіе возстаютъ.

Щипаніе. . . . . . Орудіе разсерженныхъ женщинъ.

Ю.

Юриспруденція. . . . Наука, подающая способъ какъ дѣлать изъ чернаго бѣлое, а изъ бѣлаго черное.

Юристъ. . . . . . Знающій права! то есть *Jus:* то есть, знающій различить букву Ю. въ гражданской азбукѣ.

Юный. . . . . . Не всегда по лѣтамъ. Иногда съ самой сѣдой головою не теряетъ сего имени.

Юность. . . . . Весеннѣе время человѣка, въ которое засѣваются сѣмена на будущіе годы жизни.

Юродливый. . . . Шутъ, которой въ древнія времена многихъ умныхъ за носъ водилъ.

Ювелиръ. . . . . Художникъ, которой внутренно смѣется надъ глупостью человѣческою и ею пользуется.

Я.

Я. . . . . . Буква гласная въ грамматикѣ, а въ свѣтѣ часто бываетъ безгласная.

Ябеда. . . . . . Приказная война, гдѣ одинъ пріискиваетъ законы какъ атаковать, а другой какъ обороняться.

Яма. . . . . . Мѣсто, куда прилѣжные лѣкаря прячутъ плоды своего искусства.

Ядро. . . . . . Документъ, хотя не Логической но надѣжный.

Языкъ. . . . . . Членъ, которой чѣмъ болѣе дѣйствуетъ, тѣмъ менѣе всего значитъ.

Ярлонка. . . . . Академія плутовства.

Якорь. . . . . . Изображеніе надежды, съ которой гораздо мудренѣе отъискать дно нашего щастія, нежели дно морское.

Ясли. . . . . . Между глупыхъ людей и богатой столъ не теряетъ сего имяни.

КОНЕЦЪ

Пятаго и послѣдняго Тома.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на СОЧИНЕНІЯ Я. КНЯЖНИНА.

Въ Санктпетербургѣ.

Для Библіотеки Эрмитажа ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. 1 экз.
Его Высокопревосходительство, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Василій Степановичь Поповъ. 1 —
Генералъ Адъютантъ Князь Храповицкій. 1 —
Для Библіотеки ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Гвардейскаго Штаба. 1 —
—— ———— ого Кадетскаго Корпуса. 1 —
Его Высокородіе Петръ Ивановичь Соколовъ. 1 —
—— ———— Иванъ Осиповичь Тимковскій. 1 —
—— ———— Григорій Максимовичь Яценковъ. 1 —
—— ———— Алексѣй Никишичь Пещуровъ. 1 —
Его Высокоблагородіе Дмитрій Михайловичь Соколовъ. 1 —
—— ———— Александръ Ефимовичь Измайловъ. 1 —
—— ———— . . . . Гавринсъ. 1 —
—— ———— Иванъ Андрѣевичь Фелькнеръ. 1 —
—— ———— Иванъ Григорьевичь Бушковской. 1 —
—— ———— Василій Ивановичь Григорьевъ. 1 —
Его Благородіе Михайло Аснафьевичь Лобановъ. 1 —
—— ———— . . . . Никольской. 1 —
Г. Деманшовичъ. 1 —
Иванъ Дмитріевичь Рынинъ. 1 —
Книгопродавецъ Леонтій Леонтьевичь Свѣшниковъ. 1 —
———— Василій Алексѣевичь Плавильщиковъ. 2 —
———— Иванъ Ильичь Ильинъ. 5 —

Въ Москвѣ.

Общество Любителей Россійской Словесности. 1 экз.
Его Сіятельство Князь Голицынъ. 1 —
Генералъ Лейтенантъ и Кавалеръ Иванъ Васильевичь Чертковъ. 1 —
Генералъ Маіоръ и Кавалеръ Дмитрій Ивановичь Чертковъ. 1 —
Его Высокородіе Г. Ректоръ Императорскаго Московскаго Университета Иванъ Андрѣевичь Геймъ. 1 —
Его Высокоблагородіе Петръ Васильевичь Побѣдоносцевъ. 1 —
—— —————— Петръ Васильевичь Сушковъ. 1 —
—— —————— Сергѣй Герасимовичь Савинъ. 1 —
—— —————— Демидъ Аншоновичь Соколовъ. 1 —
—— —————— Сергѣй Николаевичь Глинка. 1 —
—— —————— Платонъ Петровичь Бекетовъ. 1 —
Ея Высокоблагородіе Марья Васильевна Яковлева. 1 —
Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Андреяновичь Устиновъ. 1 —
Его Благородіе . . . . . Чмелевъ. 1 —
Архитекторъ Ифассъ Матвѣевичь Матвѣевъ. 1 —
Коллежскій Регистраторъ Иванъ Ильичь Танѣевъ. 1 —
Александръ Матвѣевичь Хвориновъ. 1 —
Иванъ Ивановичь Борисоглѣбскій. 1 —
Иванъ Ѳедоровичь Переплетчиковъ. 1 —
Петръ Егоровичь Кошельниковъ. 1 —
Книгопродавецъ Матвѣй Петровичь Глазуновъ. 2 —
— — — Осипъ Леонтьевичь Свѣшниковъ. 1 —
— — — Никита Семеновичь Порывкинъ. 1 —
— — — Никита Степановичь Пономаревъ. 5 —
— — — Иванъ Ивановичь Переплетчиковъ. 1 —

Въ Усманѣ.

ртиллеріи Полковникъ и Кавалеръ Арнольди. 1 экз.

Въ Ряжскѣ.

го Благородіе Петръ Сергѣевичь Нероновъ. 1 —

Въ Калугѣ.

алужской Внутренней стражи Г. Штабсъ Капитанъ Николай Лукьяновичь Лупуловъ. 1 —

алужской Купецъ Василій Ивановичь Турубаевъ. 1 —

Въ Козельскѣ.

я Высокоблагородіе Елизавета Николаевна Шепелева. 1 —

Въ Борисоглѣбскѣ.

го Благородіе Сергѣй Николаевичь Болховской. 1 —

Въ Харьковѣ.

лексѣй Ѳедоровичь Бѣлоусовъ. 1 —

Въ Дисне.

го Высокоблагородіе Павелъ Христофоровичь Граббе, Командиръ Лубянскаго Гусарскаго полка. 1 —

Въ Ряжскѣ.

авелъ Александровичь Сапинъ. 1 —

Въ Симбирскѣ.

имбирскій Вице-Губернаторъ Иванъ Ѳедоровичь Шигоринъ. 1 —

Въ Златоустовскихъ заводахъ.

лавная Каншора Златоустовскихъ заводовъ. 1 —

Въ Одессѣ.

го Благородіе Константинъ Максимовичь Лѣсниковъ. 2 —

Въ Землянскѣ.

Его Превосходительство Лѣвъ Ивановичь Поповъ. . 1 —

Въ Дубно.

Полковой Командиръ Волынскаго пѣшхнаго полка Полковникъ и Кавалеръ Николай Андрѣевичь Курносовъ. 1 —

Въ Мобежѣ.

Капитанъ Сергѣй Николаевичь Грековъ. 1 —

Въ Нарвѣ.

Коммисіонеръ 12го класса Михайло Степановичь Ковалинскій. 1 —

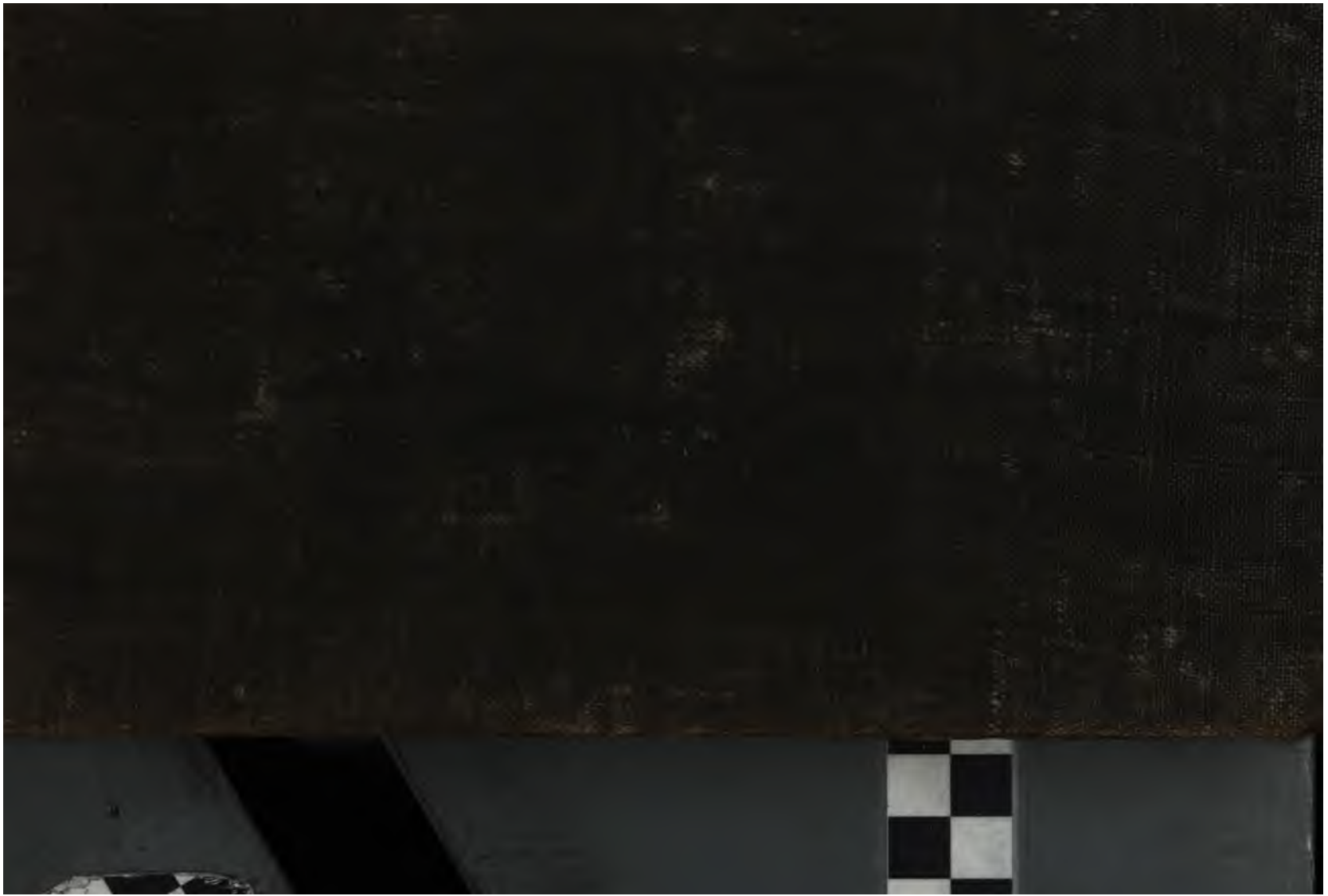
Въ Ригѣ.

Книгопродавецъ Иванъ Ѳедоровичь Шапошниковъ. 1 —

Railway Book Co

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 852

PG
3315
K5
1817
v.5

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.